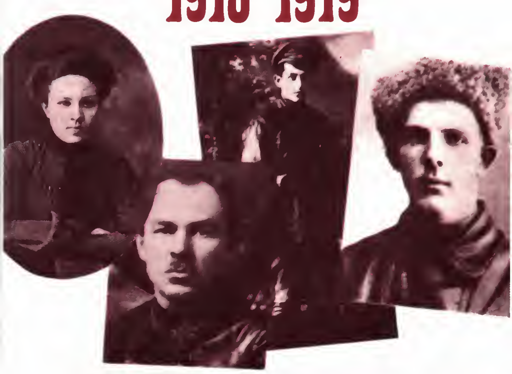
ЛЮДИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

1918–1919

Священна память о героях гражданской войны, о всех, кто отстоял Республику Советов от империалистических интервентов и белогвардейцев.

Из Обращения ЦК КПСС
«К советскому народу»

ЛЮДИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ
УРАЛА И СИБИРИ

1918-1919

Москва
«Советская Россия»
1988

Составитель С. Г. Черемных

Рецензенты:
В. Серегин, доктор исторических яаук
В. Булдаков, кандидат исторических наук

Художник **В. К. Бисенгалиев**

Л $\frac{0902020000-007}{М-105(03)88}$ КБ-55-2-1986

ISBN 5-268-00851-X

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом читателю сборнике воспоминаний и очерков освещаются многие страницы героической подпольной революционной работы коммунистов Урала и Сибири в тылу интервентов и белогвардейцев в 1918—1919 гг. Большое место отведено описанию действий посланцев ЦК, Сибирского бюро ЦК РКП(б), направленных за линию Восточного фронта со специальными заданиями, для связи с подпольщиками и постоянной работы.

Судьбы и деятельность участников героического подполья, которым посвящен сборник, неразрывно связаны со славной историей большевистского подполья на Урале и в Сибири в годы гражданской войны. Их роль может быть лучше осмыслена на фоне событий, которые происходили тогда. Поэтому возникла необходимость предварить сборник вводной статьей, в которой кратко, в самых общих чертах, освещается процесс становления большевистского подполья, его нарастающей активности в руководстве революционной борьбой трудящихся масс, всесторонняя помощь ему со стороны Сиббюро ЦК РКП(б).

Советская республика весной 1918 г. была ввергнута в многолетнюю кровопролитную гражданскую войну международным империализмом и внутренней контрреволюцией.

В конце мая 1919 г., в соответствии с выношенными в стане Антанты планами, был начат мятеж чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных чехов и словаков еще до Октябрьской революции и явившегося внутренней интервенционистской силой. Его части, размещавшиеся в эшелонах на огромном протяжении Транссибирской железнодорожной магистрали, при поддержке мятежников-белогвардейцев, ломая сопротивление сравнительно малочисленных, в большинстве своем слабо вооруженных частей и отрядов, захватили многие города Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Внешняя

и внутренняя контрреволюция воспользовалась колебаниями крестьян-середняков и мелкобуржуазных городских слоев населения, просчетами, допускавшимися местными органами власти, военными работниками в организации защиты Советской власти.

Сибирь, Дальний Восток, большая часть Урала и Поволжья оказались временно захваченными интервентами и белогвардейцами. На этой территории установился контрреволюционный режим. Ряд местных белогвардейских правительств осенью 1918 г. был ликвидирован, и официально власть перешла директории, объявленной «Временным Всероссийским правительством». Фактически же власть находилась у Временного Сибирского правительства, возглавляемого кадетствующим эсером П. В. Вологодским.

В белогвардейских органах власти на первых порах преобладали представители мелкобуржуазных партий. Но, в сущности, они служили лишь ширмой для кадетов, монархистов и военщины. Установившаяся в захваченных контрреволюцией районах буржуазная диктатура, прикрывавшаяся эсеро-меньшевистскими псевдодемократическими лозунгами, имела тенденцию превратиться в военно-монархическую диктатуру. В ночь на 18 ноября в Омске произошел правительственный переворот, в результате которого к власти пришел ставленник англо-американского империализма, отличавшийся крайне реакционными взглядами, адмирал А. В. Колчак.

На Урале, в Сибири и других регионах с приходом к власти белогвардейцев ликвидируются завоевания Октябрьской революции, реставрируются буржуазно-помещичьи порядки. Наступление реакции на трудящихся усиливалось. На них обрушились репрессии, достигшие при Колчаке чудовищных масштабов. Осуществлялся курс на истребление коммунистов, советских активистов, всех, кто сочувствовал Советской власти. Для этого была создана разветвленная многоликая и многочисленная система сыска и крутой расправы: отделения и пункты контрразведки, управления госохраны и другие, в которых свирепствовали бывшие царские жандармы, охранники, полицейские и сыщики.

Тем не менее вопреки ожиданиям реакции кровавый террор, экономический гнет и бедствия трудящихся привели к появлению и в дальнейшем мощному подъему революционного движения на Урале и в Сибири. Уже в конце лета и осенью 1918 г. произошел ряд крупных вооруженных крестьянских восстаний с участием рабочих — Славгородское, Тюкалинское, Шемонихинское, Чумайское, Минусинское. Нарастает революционная

борьба рабочих. Зимой и весной 1919 г. в Омске, Томске, Канске, Иманском, Бодайбо, Енисейске, Кольчугине и других произошли вооруженные восстания.

Возникли крупные очаги партизанского движения, которое с весны 1919 г. ширилось и достигло исключительно мощного размаха. Под ногами колчаковцев и интервентов горела земля. Колчаковский генерал А. Будберг еще в мае 1919 г. в дневнике записал: «Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются... Средств противодействия у нас нет, так как все годное притянул фронт, а те импровизированные части, которые посылаются в тыл, способны только на то, чтобы поднимать новые восстания».

Революционная борьба трудящихся масс, партизанское движение в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке стало важным фактором для достижения победы над контрреволюцией на Востоке страны. Во всех проявлениях революционного движения трудящихся, его конечных результатах сказывались руководящая роль большевиков, огромная повседневная работа большевистского подполья. Вместе с тем процесс большевизации масс в городе и деревне, нарастание их революционной борьбы за восстановление в регионе Советской власти являлись непременными и важнейшими благоприятными условиями укрепления и развертывания подпольной работы партийных организаций.

Большевистское подполье за линией Восточного фронта прошло длительный и сложный путь развития. Началось оно с разрозненно действовавших групп, небольших организаций и отдельных коммунистов. Часть их при эвакуации была специально оставлена в тылу врага партийными органами. Другие оказались там случайно, в силу чрезвычайных обстоятельств: не успели эвакуироваться, попали в плен, но затем сумели совершить побег или освободиться из тюрем и лагерей.

В дальнейшем, в процессе консолидации сил, большевистское подполье в целом превращается в единую мощную многотысячную систему организаций, с единым руководящим центром — Сибирским областным комитетом РКП(б), губернскими и другими местными органами. Степень единения, сплоченности организаций Урала, Сибири, включая Степной край, на различных этапах была неодинаковой. Сказывались недоработки областного и других комитетов, необычайные трудности в установлении и поддержке оперативных связей между ними, с организациями, но особенно — аресты партийных активистов, провалы, в ряде случаев групповые. Существовали, как правило, на периферии, отдельные подпольные организа-

ции и группы, не связанные друг с другом, действовавшие изолированно.

В подпольные большевистские организации входили рабочие, ремесленники, крестьяне, представители интеллигенции, солдаты, матросы, офицеры, милиционеры, военнопленные, в том числе интернационалисты, бывшие политзаключенные. По своему составу подполье было интернациональным: были в нем русские, украинцы, латыши, литовцы, эстонцы, евреи и представители коренных народностей Урала, Степного края, Сибири и Дальнего Востока, а также интернационалисты из числа иностранных военнопленных (венгры, немцы, чехи, словаки, южные славяне, румыны и др.), солдаты интервенционистских войск (поляки, югославы, итальянцы, американцы и др.) и иностранные рабочие-переселенцы (китайцы, корейцы).

Необходимо подчеркнуть, что применяемое по традиции в исторической литературе определение «большевистское подполье» неоднозначно подпольным организациям РКП(б). Некоторые организации и группы состояли из членов Коммунистической партии. В некоторых из них проводился официальный прием в РКП(б) новых членов. В большинстве же своем подпольные организации и группы, особенно сельские, солдатские, в лагерях военнопленных, были неоднородными, состоящими из большевиков, членов Социалистического союза рабочей молодежи, беспартийных, нередко в них входили представители левых эсеров, меньшевиков, анархистов, как правило, на деле порвавшие со своими организациями, вставшие на советскую платформу и выполнявшие решения Коммунистической партии, подпольных партийных центров. Это накладывало определенный отпечаток на работу неоднородных по партийному составу организаций, практику руководства ими. Следовательно, под «большевистским подпольем» подразумевается система организаций, основной костяк и руководящие органы которых (за редким исключением) составляли члены РКП(б).

Формирование и деятельность большевистских подпольных организаций в тылу противника, в том числе в восточных районах, возглавлял Центральный Комитет партии. Вопрос этот находился в поле зрения В. И. Ленина, в ряде случаев принимавшего непосредственное участие в определении поручений посылавшимся в тыл врага работникам.

Практическое осуществление руководства подпольем, и прежде всего на Урале и в Сибири, лежало на секретаре ЦК РКП(б) Я. М. Свердлове, встречавшемся с большевиками, направлявшимися за линию фронта. Он давал им задания, передавал для организаций директивы, инструкции, определял раз-

меры денежной помощи и т. д. Но на первых порах из-за крайне сложной обстановки в стране и на фронтах, отсутствия регулярных связей с подпольем оказываемая ему помощь со стороны ЦК РКП(б) была ограниченной. Центральному Комитету активно помогали прифронтовые партийные, военно-политические и специальные органы, но главным образом Уральский обком РКП(б) и эвакуировавшийся на Урал партийный актив Западной Сибири.

Важным шагом в их деятельности было создание организационного бюро РКП(б) Сибири в составе видных коммунистов М. И. Сычева, С. А. Черепанова, К. М. Молотова и других, оставшихся вместе с целым рядом работников в тылу противника. Оргбюро, обосновавшееся в Томске, опираясь на актив, проводило большую работу по консолидации партийных сил Урала и Сибири, подготовке и созыву в начале сентября 1918 г. в Томске Сибирской подпольной конференции, принявшей ряд важных решений и избравшей областной комитет под председательством К. М. Молотова.

Именно с этого времени начинается деятельность большевистского подполья региона как единой системы организаций, которая продолжает укрепляться и расширяться. Следующая, II Сибирская (I Общесибирская) конференция, состоявшаяся во второй половине ноября 1918 г. также в Томске, была более представительной. Ею тщательно разрабатывается тактика, формы и методы нелегальной партийной работы и революционной борьбы трудящихся. В избранный комитет, неправомерно названный «Центральным» и так именовавшийся до марта 1919 г., вошли видные работники во главе с А. Я. Нейбутом.

Наряду с общим ростом и укреплением рядов организаций, успехами в работе ими допускались ошибки, промахи и недоработки организационного и тактического характера. Ужесточение белогвардейской диктатуры после прихода к власти Колчака, усиление слежки за подпольщиками и многочисленные карательные мероприятия привели к ряду первых крупных провалов, ощутимым потерям в кадрах, тогда как нужда в них по мере расширения масштабов работы возрастала, становилась все более острой. Столь же остро испытывали организации потребность в денежной помощи. Запаздывала, нерегулярной была информация из ЦК партии, других руководящих органов.

Одним словом, назрела необходимость для установления более тесной связи с подпольем, улучшения руководства им, систематического и оперативного решения всех вопросов. И во второй половине декабря 1918 г. создается Сибирское бюро

ЦК РКП(б) на правах его отдела в составе Ф. И. Голощекина, И. Н. Смирнова, находившихся с советской стороны фронта, и председателя и члена сибирского подпольного центра А. Я. Нейбута и А. А. Масленникова, остававшихся в тылу врага. Сибирское бюро, до освобождения Урала именовавшееся также и Урало-Сибирским, разместилось в прифронтовой полосе, при Реввоенсовете 5-й армии. Сиббюро и созданное им, по согласованию с ЦК партии, отделение (оно размещалось при Реввоенсовете 3-й армии и имело районом действий Северный и Средний Урал) осуществляли руководство партийным подпольем во всем колчаковском тылу через Сибирский комитет или местные комитеты.

Стала более централизованно оказываться помощь подполью кадрами, денежными средствами, доставкой информации, литературы, директив. В ближайший тыл врага переправлялись не только большевики для постоянной работы, связные, ходоки, разведчики, но и партизанские отряды, военно-боевые группы. По нашим подсчетам, основанным на различных источниках, бюро и отделение направили в тыл противника более 560 человек. Из их числа линию фронта смогли перейти 226. Для организации было направлено около 9 млн. рублей.

Многие посланцы бюро ЦК, которым не удалось переправиться, были схвачены колчаковцами и погибли. Не все денежные суммы поступили по назначению. Тем не менее усиление помощи большевистскому подполью стало значительно ощущаться и проявлялось в нарастании революционной борьбы масс. Но нельзя не отметить, что подпольщики до последних дней колчаковской власти испытывали трудности в опытных кадрах и средствах.

С 1919 г., особенно с момента наступления армий Восточного фронта, начатого в конце апреля его Южной группой под командованием М. В. Фрунзе, роль и активность большевистских подпольных организаций в целом возрастает. И это, несмотря на тяжелый провал в Омской, Челябинской, Екатеринбургской и ряде других организаций, аресты и гибель большинства членов Сибирского ОК РКП(б) (А. А. Масленникова, М. М. Рабиновича, А. П. Вагжанова, А. Н. Усова, П. Ф. Парнякова, М. С. Никифорова, А. Я. Нейбута). Нельзя не восхищаться мужеством и стойкостью этих и многих других большевиков, оказавшихся в колчаковских застенках. Они были чрезвычайно стойкими людьми, беззаветно преданными делу пролетарской революции. То же следует сказать о большевиках-подпольщиках, о ком рассказывается в сборнике, часть из которых отдали свои жизни борьбе за коммунистические идеалы.

Конечным и главным результатом работы большевистского подполья Урала и Сибири, действовавшего под руководством Центрального Комитета ВКП(б) и его Сибирского бюро, было развернувшееся повсеместно повстанческо-партизанское движение, достигшее в последние месяцы власти Колчака поистине грандиозных размеров.

По нашим подсчетам, на завершающем этапе борьбы в указанных районах партизанские соединения и отряды насчитывали до 190 тыс. человек — значительно больше, чем в других регионах страны, оккупированных интервентами и белогвардейцами.

Партизанские командиры, многие из которых были членами Коммунистической партии, начинали с нелегальной работы в составе большевистского подполья. Они вели свои соединения в сражения, по-прежнему действуя с ним в контакте или непосредственно под его руководством. Значительная часть городских и большинство сельских подпольщиков включились в партизанское движение, составив его костяк. На смену подвигам на поприще нелегальной работы пришли подвиги боевые, в открытых схватках с войсками Колчака и интервентов.

Необходимо подчеркнуть, что во многих районах наиболее крупную роль в нанесении ударов по отступающему врагу сыграли не партизанские отряды, а именно повстанцы. Например, на Урале летом 1919 г. партизанское движение не получило такого мощного размаха, как в Сибири, но восстания прокатились широкой волной по заводам. В. И. Ленин, давая высокую оценку этим восстаниям и возлагая особые надежды на революционные массы Сибири, отмечал: «...мы встречаем полосу настоящего рабочего восстания и снова говорим, что есть все шансы и все основания ожидать в ближайшие месяцы, что победа на Урале будет переломом к полной победе всей массы сибирского населения над колчаковщиной»[1].

В победе над объединенными силами международного империализма и внутренней реакции, в мощном революционном движении на Урале и в Сибири ярко высвечивается выдающаяся, поистине историческая роль большевистского подполья, его героических участников.

О деятельности этого подполья, его представителей и рассказывается в предлагаемом читателю сборнике.

В книге помещены воспоминания о людях большевистского подполья на Урале и в Сибири. Их нельзя читать без волнения. Мы сопереживаем с авторами воспоминаний все то, что выпало

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 39.– С. 39.

на их долю в прошлом. Не менее остро воспринимаются очерки о подпольщиках, которые в большинстве своем погибли в борьбе с белогвардейцами и, естественно, не могли нам оставить воспоминаний. Необходимость рассказа о них давно назрела. И дополнение воспоминаний очерками, написанными историками, публицистами, участниками революционных событий, вполне правомерно.

В своей совокупности воспоминания составляют определенное тематическое и смысловое единство, отражают многие важные аспекты истории большевистского подполья. В них раскрываются некоторые стороны напряженной героической жизни большевистского подполья, а также разносторонняя деятельность ЦК партии и его Сиббюро.

Почти все помещенные в сборнике материалы были подготовлены специально для данного сборника и прежде не публиковались. Их сбор, составление и кропотливая подготовка к печати потребовали многолетнего труда.

Как очерки, так и воспоминания сверены с документами, другими источниками, в необходимых случаях снабжены примечаниями, комментариями, иным справочным материалом. И поэтому статьи сборника сами явятся или источником для последующих исследований, или полезным материалом, который нельзя обойти при изучении и освещении истории большевистского подполья.

Сборник несомненно вызовет большой интерес у самого широкого круга читателей, у всех, кто интересуется героическим прошлым нашей партии и народа.

И. Ф. Плотников,
заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор исторических наук

А. А. Чумак,
член КПСС с 1930 г.

«ПЕТР БОЛЬШОЙ»

Под этим именем в Омской подпольной организации РКП(б) действовал Арнольд Яковлевич Нейбут. Он был расстрелян белогвардейцами в Омске 8 февраля 1919 г. В смертный час ему не было еще 30 лет, но он уже проявил огромную силу партийного агитатора и организатора. Он был из тех людей, которые не забываются. Это и побуждает меня рассказать, хотя бы очень кратко, о главных моментах его жизни.

А. Я. Нейбут родился 6 ноября 1889 г. в семье крестьянина Молотнинской волости Баусского уезда Курляндской губернии. Шестнадцати лет он вступил в Латышскую социал-демократическую партию и активно участвовал в революции 1905—1907 гг. Зимой 1906 г. он стал пропагандистом Елгавского комитета партии.

В 1907 г. у него при обыске полиция нашла гектограф и нелегальную литературу. Самого Нейбута схватить не удалось. Он перебрался в Баку, устроился на нефтезавод, работал в рядах местной организации РСДРП. Здесь в 1910 г. был арестован, но бежал из тюрьмы и переехал в Омск, где снова продолжал активную деятельность в подпольной организации. Весной 1912 г. полиция вновь напала на его след. Нейбут был вынужден нелегально пробираться за границу.

В 1912 г. Нейбут прибыл в Нью-Йорк и присоединился там к левому крылу Американской социалистической партии.

Находясь в Америке, Нейбут старательно изучал марксистскую литературу, а также читал рабочим лекции по истории революционного движения в России. Он стал представителем латышской секции в Исполкоме Американской социалистической партии и редактором латышской партийной газеты «Страдникс». Тесные связи у него были и с Русским отделом Американской социалистической партии.

В апреле 1917 г. в составе одной из первых групп полити-

ческих эмигрантов А. Нейбут через Тихий океан прибывает во Владивосток. Рабочие Владивостока в это время готовились к празднованию 1 Мая. Нейбут написал передовицу в первомайский номер газеты «Красное знамя». На митинге в день праздника с речами выступили А. Нейбут и В. Володарский. Так Нейбут начал свою политическую деятельность в России после возвращения из эмиграции. Он остался для работы во Владивостоке, где показал себя опытным революционером и вскоре стал большевистским руководителем Приморского края.

Приморская организация РСДРП в 1917 г. была объединенной. В ней тогда состояли не только большевики, но и меньшевики. А. Нейбут и другие большевики — И. Кушнарев, П. Никифоров, М. Губельман, К. Суханов, А. Воронин, В. Антонов, А. Калнин, Н. Любарский — вели активную работу по искоренению меньшевистского влияния в организации. После июльских событий при обсуждении вопроса об отношении к Временному правительству меньшевики потерпели первое крупное поражение, на партийных собраниях были приняты большевистские резолюции.

А. Нейбут часто выступал на собраниях во Владивостокском гарнизоне, среди моряков, на военных кораблях, разоблачая контрреволюционный характер Временного правительства. Солдаты и матросы слушали А. Нейбута с большим вниманием. После выступлений большевиков на собраниях принимались только большевистские резолюции.

18 сентября в Никольске начала работу первая Дальневосточная конференция РСДРП. Приморскую делегацию возглавил А. Нейбут. По его предложению конференция приняла резолюцию, в которой указывалось, что государственная власть должна перейти в руки пролетариата и революционного крестьянства. Меньшевики были изгнаны из организации.

После конференции Нейбута избрали председателем Дальневосточного комитета партии большевиков и редактором газеты «Красное знамя».

Для выполнения решений первой большевистской конференции в местные партийные организации выехали А. Нейбут и И. Кушнарев. Сначала они направились в Никольск, где было сильно влияние партии большевиков. Нейбут и Кушнарев были приняты там особенно сердечно солдатами и железнодорожниками, которых большевики поддерживали во время забастовки. Было заметно, что в Никольске меньшевики понесли особенно большие потери в процессе развития революции.

Когда А. Нейбут и И. Кушнарев находились в Хабаровске, эсеры и меньшевики пригнали вооруженные части, чтобы сорвать забастовку железнодорожников, и настраивали солдат против рабочих. А. Нейбут и И. Кушнарев рассказали солдатам о характере забастовки и объяснили, что забастовка направлена против политики Временного правительства. Настроение солдат изменилось, и они приняли резолюцию о солидарности с железнодорожниками. Встревоженные меньшевики и эсеры организовали митинги, желая ослабить растущее влияние РКП(б), однако большевики сами использовали эти митинги, чтобы еще больше увеличить число своих сторонников. А. Нейбут и И. Кушнарев отбили все атаки меньшевиков.

«Мы ехали,— писал позднее Нейбут,— в Благовещенск в довольно мрачном настроении, припоминая выступления на Благовещенской конференции известного меньшевика-делегата, так как мы помнили, что в Благовещенске организация была целиком меньшевистской». В пути Нейбут и Кушнарев узнали, что Благовещенский Совет арестовал председателя стачечного комитета Амурской железной дороги. «Мы с товарищем Кушнаревым были почти убеждены,— писал А. Нейбут в своем отчете о поездке,— что нас там арестуют». Однако уже на первом собрании рабочих и солдат после выступления А. Нейбута рабочие и солдаты сказали, что за семь месяцев они впервые услышали правду. На следующий день рабочие и солдаты пригласили Нейбута и Кушнарева на свои собрания. По их требованию арестованный председатель стачечного комитета был освобожден.

Владивостокская партийная организация признала, что эта поездка А. Нейбута и И. Кушнарева по краю была вполне успешной.

А. Нейбут энергично работал, чтобы подготовить на Дальнем Востоке Вторую партийную конференцию. Она состоялась 18 октября 1917 г. На этой конференции было завершено оформление Дальневосточной краевой организации РКП(б), которая стала, таким образом, авторитетным руководителем рабочих, солдат и крестьян края.

Трудящиеся Дальнего Востока с восторгом встретили победу Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. По всему краю были организованы вооруженные демонстрации рабочих, солдат и матросов под лозунгом: «Вся власть Советам! Да здравствует Ленин!»

В последние дни ноября А. Нейбут написал яркую статью для журнала левого крыла Американской социалистической

партии «Международное социалистическое обозрение» — о русской социалистической революции и перспективах ее развития. Статья была напечатана в журнале за февраль 1918 г. со следующим предисловием редакции: «Публикуем письмо, которое получили от товарища Нейбута — представителя большевиков от Приморского края в Учредительном собрании. Это первая и единственная правдивая информация о событиях в России, самых славных событиях, которые человечество когда-либо знало».

10 января 1918 г. открылся III Всероссийский съезд Советов. А. Нейбут был на этом съезде избран в члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. В это время А. Нейбута избрали руководителем Отдела агитации ВЦИК. В мае 1918 г. Совет Народных Комиссаров назначил его представителем Народного комиссариата иностранных дел РСФСР на Дальнем Востоке.

27 мая А. Нейбут вместе с другими посланцами из Москвы прибыл в Омск. В это время уже развивался контрреволюционный мятеж, начатый восстанием чехословацкого корпуса. На Омск с запада и с востока надвигались мятежные эшелоны вооруженных чехов и словаков. В связи с этим в Омске был создан Западно-Сибирский военно-оперативный штаб, в состав которого вошел и А. Нейбут.

Члены ВЦИК А. И. Окулов и А. Я. Нейбут выехали в лагерь военнопленных мадьяр, где созвали собрание, а затем организовали отряд из 300 венгерских революционеров. Они отправились на фронт. Венгерские и красногвардейские части под руководством большевиков в героической борьбе задержали врагов на подступах к городу, но когда мятежники получили подкрепление, то после тяжелых и ожесточенных боев при поддержке местных контрреволюционеров в начале июня 1918 г. они заняли Омск. Этот город стал резиденцией Временного Сибирского правительства.

После занятия Омска белыми А. Нейбут некоторое время находился на Алтае, но затем вернулся в Омск для подпольной работы.

В начале октября 1918 г. в Омске состоялась вторая нелегальная общегородская большевистская конференция. На ней А. Нейбут выступил с докладом о задачах партии, о стратегии и тактике большевиков в Сибири. На конференции был избран Омский подпольный комитет, членом которого стал А. Нейбут.

По призыву Омского подпольного комитета РКП(б) в октябре была организована стачка омских железнодорожников, которую поддержали рабочие городских предприятий. Хотя эту стач-

ку потопили в крови, она имела большое политическое значение: она не только дезорганизовала товарный и военный транспорт, но и заставила Временное Сибирское правительство показать народу свое настоящее лицо. Стачка сильно обострила политическое положение в Сибири и поставила рабочий класс перед необходимостью вооруженной борьбы.

Во второй половине ноября 1918 г. в Томске состоялась II Сибирская подпольная конференция РКП(б). Делегатами от Омской подпольной партийной организации на ней были А. Нейбут и А. Масленников. Они и руководили этой конференцией. Конференция разработала организационные и тактические вопросы для деятельности большевистского подполья в тылу Колчака. Решение о подготовке всеобщего вооруженного восстания в тылу белого фронта было принято еще на I Сибирской подпольной партийной конференции РКП(б), которая проходила в конце августа 1918 г. На II конференции подготовка этого восстания была поставлена как актуальная задача.

Конференция избрала Сибирский подпольный комитет РКП(б) в составе А. Я. Нейбута, А. А. Масленникова, М. М. Рабиновича, Г. Я. Суудера и М. С. Русакова. Местонахождением этого комитета стал Омск, председателем его был избран А. Нейбут.

4 декабря 1918 г. в Москву приехал посланец из Омска А. Я. Бакаев. Он привез два письма. Одно от А. А. Масленникова к Я. М. Свердлову и И. В. Сталину с информацией о политическом положении в Сибири и работе Омского подпольного комитета партии. Второе письмо было от А. Я. Нейбута к Я. М. Свердлову.

«Дорогой Яков Михайлович! С товарищем Бакаевым нами посланы в ЦК подробные информации о нашей работе и наших требованиях. Все имеющееся у меня употреблено уже в дело. Впредь сноситесь только с нами и для связи посылайте только старых испытанных товарищей. Мы делаем большое дело, и к нашим требованиям поэтому отнеситесь с сугубой серьезностью. Поклон всем вам и до скорого свидания.

Твой А. Нейбут
Омск, 28 октября 1918 г. »[1].

В ответном письме Я. М. Свердлов сообщил:

«Дорогие товарищи! Ваши записки, посланные с Комарцом, получили. Мы ни на минуту не забываем о Вас. Посылали

[1] Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918—1920 гг.: Сб. документов.— Новосибирск, 1978.— С. 51.

неоднократно деньги, мало — не по нашей вине. Теперь решили создать специальное Сибирское бюро ЦК из пяти человек: двоих, писавших мне и Сталину, Франца, Ивана Никитича (Москвича) и Филиппа (Жоржа).

Принимаем сейчас все меры к постановке прочной связи с Вами. Мировая революция сделала такие шаги вперед, что остановить ее никакими силами не удалось. Внутренне мы крепче, чем когда-либо. Возможны временные неудачи, но значения они не могут иметь. Мы победим. Установим прочную связь с Вами, и работа пойдет полным ходом. Привет всем вам от всех нас»[1].

Я. М. Свердлов в этом письме из осторожности не назвал ни одной фамилии, но подпольщики из этого письма, конечно, могли узнать, что в состав Сиббюро были назначены А. Я. Нейбут, А. А. Масленников, М. И. Сычев (Ф. Суховерхов), И. Н. Смирнов и Ф. И. Голощекин.

Сибирский подпольный партийный комитет после переезда в Омск определил, что для того, чтобы зажечь сибирское восстание против Колчака и поскорее помочь Советской России, находящейся в кольце вражеских фронтов, надо нанести удар по белогвардейцам в Сибири, в самом центре — в городе Омске. Вооруженное восстание здесь готовилось интенсивно. К участию в восстании были привлечены не только рабочие, но и солдаты Омского колчаковского гарнизона, перешедшего на сторону Советской власти. Восстание в Омске было назначено в ночь с 21 на 22 декабря 1918 г. Сомнений в успехе не было. Но неожиданно случилась беда. Ночью, когда должно было начаться восстание, белогвардейская контрразведка захватила на двух конспиративных квартирах его организаторов, главным образом из солдат. Подпольный штаб, узнав об этом, оценил обстановку неправильно и дал сигнал об отмене восстания. Некоторые воинские части, не получив этого сигнала, выступили. Были освобождены политические заключенные в тюрьме. Восставшие солдаты 8-го полка разоружили сотню казаков. В Куломзине был разоружен батальон мятежников и милиция. Но эти разрозненные выступления днем были подавлены с большими потерями для восставших.

Несмотря на это поражение, большевистские подпольные организации в Омске и повсеместно во всех районах колчаковского тыла продолжали дальнейшую неустанную и самоотверженную борьбу за свержение колчаковской власти.

В этой борьбе трудящиеся, и прежде всего большевики,

[1] Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918—1920 гг.— С. 60.

понесли большие жертвы. Погиб и Арнольд Яковлевич Нейбут.

7 и 10 февраля 1919 г. колчаковский прифронтовой военно-полевой суд приговорил к смертной казни 14 человек. Среди них были два латыша, которые отказались давать какие-либо показания и не назвали даже своих имен. Эти латыши, как сообщается в документах врага, покушались на самоубийство, разрезав себе горло и вены на руках, но им своевременно были сделаны принудительные перевязки. Даже после вынесения им смертного приговора они подвергались допросам с целью получить от них ценные сведения. Но и эти попытки врага остались безуспешными.

Два латыша, которыми в особенности заинтересовалась белогвардейская контрразведка, по обнаруженным у них документам значились как Петр Байков, по кличке «Большой», другой — как Алексей Емельянович Миликеев, по кличке «Иван Хромой». Настоящие имена этих латышей Арнольд Яковлевич Нейбут, председатель Сибирского подпольного комитета РКП(б), другой — Виллис Янович Чунчин — секретарь Омского подпольного комитета РКП(б).

Те, кто работал вместе с А. Нейбутом, характеризуют его как простого, очень добродушного и одаренного человека. Его энергия сочеталась с мужеством, а бесстрашие — с выдержкой и скромностью. Д. И. Бойко-Павлов, близко знавший А. Нейбута, узнав о его смерти, писал о нем так: «Товарищ Нейбут был высокого роста, с широким, добродушным лицом, веселой улыбкой и сильной волей. Он встал на путь борьбы еще в юношеские годы. Выдержанный, предприимчивый и самоотверженный — таким он был в юные годы, таким он оставался и всю свою жизнь».

В зале Омского краеведческого музея экспонируются скульптурный портрет и фотография А. Нейбута. В городе Омске именем А. Нейбута названа улица. Имя Арнольда Нейбута, так же как и имена всех борцов, отдавших свою жизнь за победу коммунизма, живут и будут жить вечно в памяти народа.

А.И.Мельчин,
канд. исторических наук

АЛЕКСАНДР МАСЛЕННИКОВ

Александр Александрович Масленников родился 10(22) июня 1890 года в Петербурге в семье старшего бухгалтера экспедиции заготовления государственных бумаг, выходца из крестьян Александра Петровича Масленникова. Его мать Ольга Алексеевна из семьи обедневших дворян Краевских. Она работала телеграфисткой, а затем вынуждена была всю себя посвятить семье, состоящей из 10 человек. Старшим из детей был Александр. Он окончил гимназию и в 1908 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Еще в гимназии юноша проявил большие способности в математике, много читал, в том числе и нелегальную литературу, близко узнал жизнь рабочих, особенно сдружился с рабочими Путиловского завода, находившегося вблизи дома, где жили Масленниковы.

В 1909 г. Масленников был принят в РСДРП и со всей юношеской страстностью окунулся в партийную работу, ведя ее в 1-м городском районе Петербурга.

Вместе с Масленниковым большую работу вели как в стенах университета, так и среди рабочих студенты-большевики, его однокашники Н. В. Крыленко, В. А. Быстрянский, А. А. Вермишев, А. М. Назаретян, Л. М. Карахан, К. А. Мехоношин, Ян Анвельт, Е. А. Придворов — будущий поэт Демьян Бедный. Масленников и Быстрянский в это время были также членами Петербургского комитета.

Весной 1910 г. был арестован почти весь состав Петербургского комитета РСДРП. Масленников, оставшийся на свободе, и ряд других товарищей восстанавливали комитет. Являясь его членом, Масленников руководит организованной им школой пропагандистов, готовит листовки для новичков. Неожиданно вся эта деятельность была прервана. В сентябре 1910 г. Масленникова арестовали. Находясь в доме предварительного заключе-

ния, Масленников вел дневник, который, к счастью, сохранился. Вот несколько выдержек из этого дневника[1]:

«17 октября. Воскресенье. Начал и кончил читать «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.». Блестящая книга, которая читается в один присест, и по богатству мысли, по удивительной умелости глядеть в корень вещи, а также по прекрасному языку, это выдающаяся книга. Не мудрено, что я, читая ее второй раз, получил не меньшее удовольствие, чем в первый раз.

9 декабря. Четверг. Жизнь везде побеждает. Жизнь все победит. Правильно. Кончил читать Горького «Трое». «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный... Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..»

Масленников готовит себя к участию в этой буре, но до этого ему пришлось пройти тернистый путь.

Отсидев в доме предварительного заключения около четырех месяцев, Масленников был выслан в Вологду. Вскоре его перевели в Никольск, откуда, как говорилось в жандармском донесении, он скрылся в неизвестном направлении 4 декабря 1911 г.

Проработав некоторое время в Москве, Масленников был арестован и выслан в Тобольскую губернию. Бежал и оттуда.

Несколько месяцев работы в Ростове, затем арест, ссылка в Нарым и побег оттуда. Работа в Донбассе, организация забастовки на Юзовском металлургическом заводе и опять ссылка в конце 1914 г. в Туруханский край. Здесь в селе Монастырском отбывали ссылку Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, сюда приезжали И. В. Сталин и Г. И. Петровский. Общение с товарищами, имевшими большой опыт революционной работы, многое дало Масленникову. Он готовил себя к новым боям. Февральская буржуазно-демократическая революция принесла свободу узникам царизма. Масленников становится комиссаром Туруханского края, организует отправку своих товарищей в европейскую часть России, а затем и сам уезжает в Самару, где жила его жена С. В. Хорошеина. В Самаре Масленников быстро стал известен как один из самых любимых рабочими ораторов. Он выступал почти ежедневно, иногда и по нескольку раз в день в цехах, на заводских дворах, на городских площадях, в рабочих клубах.

[1] Опубликованы в газете «Волжская коммуна» 24 сентября 1965 г. *(Сост.)*

Здесь, в городе на Волге, Масленников встретил Великий Октябрь и был одним из руководителей борьбы за власть Советов в Поволжье.

25 мая 1918 г. подняли мятеж белочехи. Опасность угрожала Самаре. Во время боев за нее Масленников и ряд других руководителей были захвачены в плен и отправлены на Восток. Растянувшиеся в эшелонах по всему сибирскому железнодорожному пути, белочешские войска совместно с белогвардейскими отрядами на всем пути следования свергли Советскую власть. Надежды узников «поезда смерти» на то, что где-нибудь их вызволят партизаны, не оправдались.

Масленников рассказал товарищам, как он несколько раз бежал из ссылки. Стали строить планы побега. «Будем ждать подходящего случая»,— подбадривал он товарищей.

И случай представился: когда эшелон стоял на станции Омск, узникам разрешили постирать белье и даже искупаться в Иртыше в сопровождении охраны. Большевики-подпольщики обнаружили этот эшелон и выслали к нему для разведки своих девушек. Масленникову удалось переговорить с одной из них — латышкой — и передать записку: «Дорогие товарищи! Мы, самарцы-смертники, 8 человек из 15 красногвардейцев, взятые в плен безоружными и брошенные в «тюрьму на колесах». Семеро бойцов по дороге белогвардейцы замучили и расстреляли. Наш эшелон пока держат на станции Омск. Наша восьмерка живых добилась разрешения ходить в сопровождении конвойных на Иртыш купаться. Здесь есть островок, где раздеваемся и греемся. Пришлите к острову лодку с лодочником, одеждой и прочим, что необходимо в подобном случае».

Записка эта в тот же день была передана по назначению. По тревоге поднялась вся подпольная организация и созданный ею Красный Крест. В ответной записке сообщалось о готовности привести в исполнение план самарцев, было назначено время побега. Но случилось непредвиденное: за день до назначенного срока смертников перевели в «комиссарский» барак концентрационного лагеря.

Узнав об этом, подпольщики тотчас установили связь с заключенными и получили от них новое сообщение:

«Мы в лагере, спасите... расстреливают! Ночью одного уже казнили. Нас водят в баню, откуда через окно есть возможность бежать. Помогите всем необходимым».

Обсудив эту записку, Омский подпольный комитет предложил другой план побега. Один из большевиков работал в штабе белогвардейцев и сумел раздобыть там несколько пропусков. Передачу пропусков поручили сестрам Кристине и Эльзе

Козак — опытным конспираторам. Вот как описывает в своих воспоминаниях этот эпизод Кристина Козак-Ларозе:

«Нам открыл молодой офицер, к которому я обратилась на немецком языке с объяснением мотивов нашего визита. Я льстила, как могла, его «демократизму» и просила устроить свидание с заключенным-латышом. Я расположила молодого чеха так, что он вызвал Стыше и разрешил поговорить с ним. Мы «расчувствовались», я вынула носовой платок и вместе с ним незаметно сунула Стыше 4 пропуска на выход из лагеря и 3 пропуска на право круглосуточного движения по городу, а также адресявку. Так были спасены... три самарских большевика — Масленников, Вавилов («Лесной»), Стыше».

Имея на руках пропуска, трое беглецов явились на Волошинскую улицу, 80. С паспортом на имя Иосифа Францевича Раугалло Масленников был устроен на конспиративной квартире и включился в работу Омской подпольной организации.

В это время (сентябрь 1918 г.) организация готовила II городскую подпольную конференцию. Она состоялась под руководством Александра Масленникова и испытанного большевика, также члена ВЦИК, Арнольда Нейбута. Первый сделал на ней доклад «О международном и внутреннем положении», второй — «О задачах и тактике партийной работы в Сибири». На конференции Масленников был избран председателем Омского городского подпольного комитета РКП(б).

Прошло всего несколько месяцев, как власть в Омске захватили белогвардейцы, а город нельзя было узнать. По его главным улицам разгуливала съехавшаяся со всей России буржуазия. Работали рестораны, кафешантаны и другие увеселительные заведения.

Совсем другая жизнь была на окраинах города и в районе железнодорожного узла — рабочей цитадели Западной Сибири. Здесь в главных железнодорожных мастерских и в депо работало около пяти тысяч человек. В октябре рабочие решительно выступили против приказа начальника Омской железной дороги инженера Козырева о переводе рабочих узла на сдельную оплату и о снижении расценок.

Даже существовавший легально профсоюзный центр железнодорожников — Главный дорожный комитет, в котором верховодили меньшевики, боясь потерять остатки доверия в рабочих массах,— поднял голос протеста против этого приказа. Более решительно повел себя районный комитет профсоюза при железнодорожных мастерских, в который входили несколько большевиков. Лучше зная настроения масс, воспрянувших после известий о победах Красной Армии, этот комитет поддер-

жал требование группы рабочих ответить на приказ начальника дороги забастовкой.

Вопрос о забастовке был поставлен на очередном заседании Омского подпольного комитета РКП(б), который поддержал идею забастовки, и ее организацию поручил Масленникову.

После заседания Масленников дал задание парторганизатору железнодорожного района, чтобы уже на следующий день в районном комитете профсоюза были собраны представители всех цехов Главных железнодорожных мастерских и депо.

На другой день, когда Масленников и другие члены горкома вошли в помещение профсоюзного комитета, там уже собралось человек сорок. Одним из первых выступил Масленников.

— Товарищи,— негромко начал он,— вы знаете, что Советская Россия переживает сейчас огромные трудности и лишения. Она до крайности напрягает свои силы в борьбе с многочисленными врагами и нуждается в нашей помощи. Наша помощь нужна немедленно. Правда, нам здесь, в Сибири, особенно тяжело. Со времени чехословацкого переворота у нас под вывеской эсеровской демократии действует буржуазная диктатура. Можем ли мы и дальше выжидать? Нет и нет! Пора включиться в борьбу! У рабочих есть в руках такое мощное средство борьбы, как стачка. Пора ответить на притеснения и попрание ваших прав решительным протестом не на словах, а на деле.

После выступлений других большевиков слово взял представитель Главного дорожного комитета. Смысл его речи сводился к тому, что комитет не против забастовки, но, поскольку подготовка к ней еще не закончена, объявлять ее рано.

— Напрасно вы стараетесь нас заверить, что затягивание начала забастовки в интересах рабочих,— ответил ему Масленников.— Вы злоупотребляете доверием, которое вам оказано.

Вопрос был поставлен на голосование. Решение о забастовке приняли единогласно. Был избран стачечный комитет, председателем которого стал Масленников.

На следующий день в квартире кондуктора Васина на Атаманском хуторе состоялось заседание стачечного комитета. В небольшой комнатке, где проходило заседание, стоял маленький столик и был всего один стул. На него усадили Масленникова, а все остальные сгрудились возле стола. Прежде всего был единогласно решен вопрос о дне забастовки — 17 октября, затем было внесено предложение составить письмо начальнику дороги: известить о начале забастовки и изложить требования рабочих.

Вспоминая, как составлялось письмо, Масленников

рассказывал, что все это очень походило на знаменитую сцену сочинения письма запорожцев турецкому султану:

— Я писал, а надо мной висели головы членов комитета, стоявших вокруг столика, гудели их голоса, каждый старался сказать что-то от себя.

Тогда же написали и «Обращение к железнодорожникам». В нем говорилось:

«Товарищи! Временное Сибирское правительство, пришедшее на смену рабочему и крестьянскому правительству, ведет по всему фронту поход против рабочего класса и против нас, железнодорожников, против наших завоеваний в Февральской и Октябрьской революциях. Мы, железнодорожники, отстранены от участия в управлении дорогой, и наши органы управления уничтожены без ведома наших комитетов. Увольняются наши товарищи и принимаются новые... Понижаются расценки до голодного минимума... Нет надобности перечислять все, что отнято у нас, каждый железнодорожник знает это. Этому походу Временного Сибирского правительства должен быть положен предел. Мы принуждены прибегнуть к старому оружию рабочего класса — к стачке. Мы принуждены обороняться против похода на нас контрреволюции...»[1]

Масленников предложил нескольким товарищам организовать распространение «Обращения...» и послать телеграммы на узловые станции с просьбой поддержать забастовку омичей. По его предложению во всех цехах были изъяты списки рабочих с их адресами, а также были приняты меры к выводу из строя к назначенному сроку всех паровозов.

17 октября кочегар железнодорожных мастерских Михаил Прохоров в 12 часов дня призывным гудком дал сигнал о начале забастовки. Через несколько минут толпы рабочих уже шли через проходные ворота, машинисты покидали паровозы. Жизнь на железнодорожном узле Омска замерла.

Забастовка застала власти врасплох. Главнокомандующий войсками директории генерал Болдырев записал в этот день в своем дневнике:

«Омск, вагон, 17 октября.

Целый ряд неприятностей. Забастовка на Омской ж. д., требования рабочих чрезмерны, и, конечно, подоплека исключительно политическая. Экономические вопросы — предлог...»

Военные власти издали приказ по Сибирской армии, в котором предлагалось принять к ликвидации забастовки самые энергичные меры, вплоть до расстрела на месте агитаторов и всех лиц, мешающих возобновлению работ.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 288, оп. 2, д. 18, л. 246.

С начала забастовки железнодорожная станция Омск и все цеха Главных железнодорожных мастерских и депо были заняты войсками. В течение 17 и 18 октября шла охота за рабочими. Их хватали в рабочих поселках, вели к месту работы под конвоем и принуждали работать. Офицеры и солдаты инженерной и Первой железнодорожной рот пытались привести паровозы в годное состояние. Однако колчаковцам удалось отправить лишь несколько поездов.

В ночь на 19 октября на станции Омск появился карательный отряд атамана Красильникова, которому кадетско-эсеровская власть поручила подавление забастовки. Утром 19 октября его солдаты согнали большую группу рабочих во двор Главных железнодорожных мастерских, и здесь атаман Красильников потребовал немедленного прекращения забастовки с угрозами расправиться за неповиновение. Тут же по его команде были расстреляны пятеро рабочих, арестованных накануне. Одновременно были арестованы еще 16 человек.

В ответ на эту зверскую расправу началась общегородская забастовка. Но и эта забастовка стала подавляться военными методами.

В воскресенье, 20 октября, Омский подпольный комитет партии определил, что продолжение забастовки невозможно, что она уже выполнила свое основное назначение протеста рабочих против контрреволюционной власти и войны против Советской России. В этот же день стачечный комитет объявил о прекращении забастовки во всех рабочих поселках. 21 октября рабочие вышли на работу.

Эта забастовка оказала большое влияние на развитие революционной борьбы во всей Сибири.

18 ноября 1918 г. адмирал Колчак организовал государственный переворот и объявил себя верховным правителем России. Политическая обстановка в Сибири резко обострилась.

Еще до этого в конце октября 1918 г. А. Масленников обратился с обширным письмом в ЦК РКП(б), в котором освещалось развитие политической обстановки и партийной работы в Сибири. В этом письме он писал: «В рабочей среде оппортунизм изжит. На съезде профсоюзов более 2/3 наших. На местах настроение еще лучше. Все рабочие жадно ждут восстания.

В крестьянской среде также настроения ломаются в пользу Советской власти. Прокатываются волной стихийные крестьянские восстания... Поводы к ним — набор новобранцев, взыскание старых недоимок, ненависть к карательным отрядам...

Среди новобранцев настроение великолепное: они ждут призыва к восстанию и на фронте сдадутся...

Комитет также энергично держит курс на восстание. Как кажется — это удастся. В войсках за последнее время (главным образом среди новобранцев) идет усиленная работа. Партизанская борьба возможна, вообще говоря, но нет средств. Настроения среди крестьян теперь подходящие. Имеются у нас и чехи (до 2500 человек), которые отказались идти на фронт и сидят в лагерях. Партийная работа налаживается все-таки с большими усилиями...»[1]

В этом письме А. Масленников настаивал на присылке опытных партийных работников и просил о материальной помощи.

Одновременно с письмом в ЦК РКП(б) обратился и А. Я. Нейбут.

ЦК РКП(б) и Сибирское бюро наладили связь с подпольными организациями через специальных курьеров, которые различными путями проходили через линию фронта, передавали сибирским большевикам директивы, деньги. Но эта связь была очень сложна и опасна. Многие курьеры в попытках перейти фронт погибали.

Большое значение для улучшения работы большевистского подполья в тылу врага имела II Сибирская подпольная партийная конференция, состоявшаяся в Томске 23—24 ноября 1918 г. На конференции присутствовали делегаты от Челябинска, Омска, Новониколаевска, Томска, Иркутска и других городов, всего около 15 человек. По результатам работы и представительству подпольных организаций конференция имела общесибирское значение.

Отмечая перелом в настроении среднего крестьянства и его поворот в сторону Советской власти, видя решимость пролетариата и беднейшего крестьянства подняться на борьбу против интервентов и белогвардейцев, конференция считала основной задачей большевиков «подготовку восстания против буржуазной диктатуры в Сибири, восстания на восстановление власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, восстания в целях объединения с Советской Россией».

В резолюции указывалось: «Самостоятельно ЦК (имеется в виду Сибирский ЦК.— *А. М.*), а также организации на местах подготавливают в Сибири планомерное всеобщее восстание рабочего класса, беднейшего крестьянства и солдатской массы в целях нанести единый удар буржуазной диктатуре. ЦК организует также в целях восстановления Советской власти и тем самым расширения базы социалистической революции восста-

[1] Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918—1920 гг.— С. 61.

ние, охватывающее более или менее крупные районы при наличности особо благоприятных условий»[1]. Участники конференции высказывались за обязательность партийного руководства всеми стихийными выступлениями трудящихся, подчеркнув, что «ни одно восстание не должно идти помимо руководства и вмешательства партии».

Вторая подпольная конференция уделила значительно больше внимания агитационной и организаторской работе среди крестьян, чем первая. Конференция обязала подполье тесно связаться с нараставшим партизанским движением, взять под свое постоянное руководство партизанские отряды. Для усиления помощи Красной Армии конференция потребовала обратить внимание на дальнейшую дезорганизацию вражеского тыла, на повышение активности партизан и расширение диверсионной работы. Конференция решительно высказалась против соглашений с контрреволюционными мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров.

Конференцией был принят временный устав и положение о военной организации. При партийных комитетах создавались военно-революционные штабы, состоящие из военного и разведывательного отделов, отдела связи и Красного Креста. Все коммунисты, не работающие в нелегальных организациях, считались исключенными из рядов партии.

На этой конференции Масленников был избран в состав Сибирского областного подпольного комитета. После ареста А.Я.Нейбута он стал председателем этого комитета.

Суровые дни подполья отягощались отсутствием средств. Надо было доставать деньги на жизнь, для подпольной работы, для того, чтобы позаботиться о товарищах, попавших в беду. Все, кто имел возможность работать по найму, работали. Масленников стал давать уроки. Он устроился на работу к купцу, чтобы готовить по математике двух его сыновей.

Зимой 1918/19 г. А. А. Масленников, М. М. Рабинович и П. А. Вавилов («Лесной»)[2] жили на одной квартире. Вместе с ним проживали связные Кристина и Эльза Козак. Это была своеобразная коммуна.

О том, как жила коммуна, вспоминает Кристина Козак-Ларозе: «С едой возились недолго, поставили в печь горшок, и ладно. Иногда на обед были молоко или простокваша. Лаурис,

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 6.

[2] М. М. Рабинович — секретарь Сибирского областного подпольного комитета. П. А. Вавилов — руководитель Сибирского военно-революционного подпольного штаба.

садовник, имел за городом свое хозяйство — привозил масло, творог, молоко.

— Руководителям надо питаться,— говорил он.

Александр предложил деньги, но Лаурис отказался.

— Разве я за деньги вожу?

Александр предложил, чтобы каждый мыл свою посуду, но мыли все-таки женщины.

Беллетристику читали, если было что-то новое. Обсуждали, спорили...

Александр — веселый, остроумный, как человек, он был что-то необыкновенное».

Заседания Сибирского и Омского подпольных партийных комитетов зачастую проходили совместно. Заседали на разных конспиративных квартирах, часто на центральной явочной квартире на Степной, в доме №1, где проживала фельдшерица Зинаида Богоявленская. Масленников и его правая рука по подготовке восстания — начальник Центрального штаба Павел Александрович Вавилов часто оставались на всю ночь в этой квартире, вызывая сюда для инструктажа руководителей районных штабов. Однако Масленников при подготовке восстания работал главным образом как агитатор. Он выступал на конспиративных квартирах, куда собирались молодые солдаты из разных воинских частей. Страстные речи Александра приводили солдат в большое волнение. С собрания уходили воодушевленные, убежденные сторонники Советской власти, окрыленные, увлеченные величием предстоящей задачи — свержения ненавистной диктатуры белогвардейцев.

В середине декабря 1918 г. кропотливая, напряженная работа по подготовке восстания была закончена. Руководителям казалось, что все было предусмотрено. В частях Омского гарнизона — 1-го, 2-го и 8-го стрелковых полков, среди артиллеристов — были созданы партийные организации, руководители которых докладывали, что колчаковские солдаты готовы участвовать в восстании. Были созданы рабочие отряды, добыто оружие.

Разрабатывая оперативный план, Масленников, Нейбут и Вавилов предусмотрели в нем одновременный удар сил повстанцев всех четырех районов по главным объектам врага: по крепости, где находился штаб корпуса, артиллерийским складам и тюрьме — первый район; по ставке Колчака и зданию его совета министров, телеграфу и радиостанции — второй район; по станции, пороховым складам и бронепоездам — третий; по казармам белочехов, мосту через Иртыш, находившемуся в поселке Куломзино,— четвертый.

Успех восстанию, как считали руководители, должна обеспечить внезапность. В случае победы на следующий же день предполагалось создать революционный комитет, которому передавалась вся власть в городе.

Ночь на 22 декабря была тихая, морозная, город погрузился в беспросветную тьму. Собравшиеся еще засветло на свои пункты руководители районов, видимо, не везде обеспечили безопасность этих пунктов. За два часа до времени, назначенного для выступления, в 10 часов вечера колчаковцы, очевидно, предупрежденные кем-то, одновременно и неожиданно напали на два пункта, где находились руководители второго района. Не проанализировав по-настоящему значение этого события, не имея сведений о положении в других районах, штаб отдал слишком поспешный приказ об отмене восстания.

Однако посыльные не всем успели сообщить об этом приказе. Некоторые революционные отряды выступили. Части 2-го стрелкового полка освободили более 200 политических заключенных из тюрьмы. Большинство из них тут же включились в борьбу. Дружно поднялись на восстание солдаты 8-го полка. Они разоружили казачью сотню и сняли караулы в лагере военнопленных.

В Куломзине рабочим удалось разоружить милицию, чехословацкую часть, охрану железнодорожного моста и захватить этот мост. К утру на них обрушился ответный удар колчаковцев. Весь день здесь героически сражались повстанцы, однако силы были неравные. Восстание было подавлено, но это был первый и самый крупный в Сибири вызов колчаковской диктатуре.

Большевики-подпольщики возлагали большие надежды на это восстание. «Мы были твердо уверены,— вспоминал член Центрального штаба П.Г.Кринкин,— что при разгроме Колчака и кадетско-меньшевистского блока в Омске, который являлся центром контрреволюции, победа и торжество трудящихся Сибири обеспечены, ибо мы знали, что после падения Омска 5-я армия не замедлит сомкнуться с нами».

Сохранился пространный доклад начальника контрразведки при колчаковском штабе, в котором подробно анализируется деятельность большевиков Омска по подготовке восстания. В этом докладе отмечается, что из тех сил, на которые опирались большевики-рабочие, крестьяне и солдаты, наиболее важны воинские части. В работе с солдатами омские большевики достигли значительных успехов. К 22 декабря на их сторону перешел почти весь гарнизон. Другой колчаковский генерал признавал в своем донесении, что вооруженное восстание в Омске могло принять грандиозные размеры, если бы Омский

центральный военный штаб не отдал распоряжения о приостановке дальнейших событий.

Руководитель вооруженного восстания Масленников прекрасно понимал, что, если бы не поспешное решение об отмене восстания, оно бы разгорелось и победило. Вот что он и Рабинович сообщили в ЦК РКП(б):

«В декабре в Омске подготовлялось восстание, назначенное комитетом на 22 декабря. Вечером 21 декабря оно было отменено из-за частичных провалов. Все же некоторые части отрядов выступили. Было захвачено предместье Омска Куломзино. Освобождена тюрьма. Выступила одна новобранческая часть. До девяти часов утра в городе не было власти. Среди белых была растерянность. Достаточных сил у Колчака нашлось с трудом... Чехи и англичане остались нейтральными. Захват города без отмены восстания был бы осуществлен, что давало возможность создать в первые же дни 20-тысячный отряд и открыть три фронта. С расширением базы восстания мобилизованное крестьянство (оно пошло бы охотно) дало бы новые силы. Была возможность справиться с транспортной разрухой для посылки войск на фронт. Учесть силы противника до восстания было крайне трудно, этим и объясняется отмена восстания под влиянием провала».

Из колчаковских документов видно, что восстание вызвало панику в колчаковской резиденции; колчаковцы даже не сразу решились выводить солдат из казарм, боясь, что те присоединятся к восставшим. Позднее они признавали, что восстание могло стать для них катастрофой, и только несогласованность действий восставших и выступление против них белоказачьих частей решили исход событий.

То, что к восставшим примкнула часть, хотя и незначительная, Омского гарнизона, показывает, что опора белогвардейских властей — армия была не настолько верна им, как казалось. Этот факт напугал колчаковское правительство. После декабрьского восстания в Омске «верховный правитель», окончательно сбросив маску демократа, издал ряд указов, восстанавливающих законы и учреждения царизма. Командующим вновь учрежденных округов было дано право утверждать смертные приговоры и объявлять военное положение в округе. Был восстановлен царский закон о генералах-губернаторах, исправниках и приставах, введен институт государственной охраны — той самой печально знаменитой царской охранки, восстановлены в правах чины бывших жандармских управлений.

Открывая заседание партийного комитета, посвященное обсуждению причин неудачи восстания, Масленников сказал:

— Мы потерпели поражение, понесли большие жертвы. Настроение у нас, руководителей, и у трудящихся подавленное. Но мы — большевики, и никакие трудности не должны сломить нашу волю к победе. Мы можем погибнуть, но партия всегда будет жить. И нас, погибших, заменят тысячи, миллионы. Ради этого стоит бороться. И я хочу бороться, работать для партии. Везде. Всегда!..

Александр Масленников, учитывая опыт восстания, решил наладить более крепкие связи с сибирской деревней, поднимавшейся на партизанскую борьбу против колчаковцев.

Работа коммунистов среди крестьян Сибири очень скоро дала результаты. Члены Сибирского областного подпольного комитета РКП(б) А.Масленников и М.Рабинович 21 марта 1919 г. направили в ЦК РКП(б) доклад о работе комитета, в котором информировали, «что среди крестьян ведется большая работа и что крестьянство само теперь ищет связей с комитетами большевиков». Сообщая далее о необходимости помочь создаваемым крестьянами отрядам оружием, боеприпасами, деньгами, авторы доклада заключали: «К весне можно ожидать широкого партизанского движения крестьянских масс, которое должно быть охвачено нами и введено в организационные рамки».

Партия возглавила вооруженную борьбу, придала ей организованность и широкий размах, еще больше укрепив этим свой авторитет среди крестьян сибирской деревни.

Для того чтобы мобилизовать сибирские подпольные организации на решение стоящих перед ними задач, была созвана подпольная партийная конференция. Она работала 20—21 марта 1919 г. в Омске под руководством Масленникова, Рабиновича, Вавилова. Конференция в своих решениях указала, что главной задачей большевиков Сибири является организация вооруженного восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс для установления во всей Сибири Советской власти. Масленников еще до этой конференции стал председателем Сибирского подпольного областного комитета РКП(б). Перед ним было открыто широкое поле деятельности.

Но вскоре после конференции колчаковцы нанесли жесточайший удар по большевистскому подполью: 2 апреля 1919 г. им удалось арестовать Масленникова, Вавилова, Рабиновича и ряд других товарищей. Дела их были переданы в прифронтовой военный суд, о чем управляющий отделом милиции Акмолинской области (Омск входил в эту область) сообщал директору департамента колчаковской милиции: «По сообщению коменданта города Омска и уполномоченного командующего войсками

Западно-Сибирского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Акмолинской области, дело о членах Сибирского центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Иосифе Раугелло (А. А. Масленникове), Александре Рабиновиче (М. М. Рабиновиче), Иосифе Болтровском (П. А. Вавилове), Эльзе Козак и Даниле Пашкове передано согласно резолюции командующего войсками округа от 13 сего апреля за № 616 в прифронтовой военно-полевой суд при управлении коменданта города Омска»[1].

18 апреля 1919 г. А. Масленников и его товарищи были расстреляны.

С той поры прошло почти семьдесят лет. Но советские люди не забыли Масленникова и его вклад в победу социалистической революции. Его именем названы крупнейший завод в Куйбышеве, одна из улиц в Омске.

В газете «Советская Сибирь» от 3 декабря 1919 г. было опубликовано предсмертное письмо А. А. Масленникова, М. М. Рабиновича, П. А. Вавилова. «Умирая на заре всемирной революции, мы с радостью прошли тернистый путь и отдаем жизнь за дело. Американский рабочий класс и крестьянство уже стали понимать цели доморощенных демократов, носящихся с торбой «лиги народов», и их приспешников гомперсов и также предъявлять свои права.

Революционное движение не оставляет Китай, Японию и Индию, где происходят восстания против власти насильников.

Мы верим, что недалек тот час, когда весь мир сольется в общей борьбе с великой российской революцией против угнетателей и паразитов.

Мы верим, несмотря на то, что царские холопы во главе с Колчаком железом и кровью стремятся задушить малейшее проявление живого дела свободы... Скоро кровавому владычеству будет конец.

Уже сейчас вся Сибирь покрыта сетью восстаний крестьянских масс. Несмотря на дикую расправу белогвардейской сволочи, вплоть до сжигания и уничтожения целых семей, революционное движение растет все шире и шире...

Умирая в момент напряженной борьбы рабочего класса с мировой буржуазией, зная, что через день нас уже не будет в живых, мы с радостью умираем за рабочее дело освобождения рабочих и крестьян.

---

[1] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 20, л. 106.

Мы знаем, что борьба требует жертв, и мы жертвуем себя: нисколько не жалея своих жизней, ибо глубоко верим в грядущую Всемирную социалистическую революцию и в конечную победу рабочего класса...

Веря в победу пролетарской революции, мы с тем большей легкостью умираем, что чувствуем себя не в долгу у товарищей. Мы отдали все для служения великому идеалу, что могли, и даже жизнь — самое ценное.

Просим товарищей не скорбеть о нашем уходе из мира сего, а просим продолжать наше будущее дело борьбы с буржуазной сволочью.

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует Всемирная социалистическая революция!»

И. А. Кузнецов,
член КПСС с 1918 г.

НОЧЬ НА 1 ФЕВРАЛЯ

В эту ночь в 1919 г. большевики в Омске пытались поднять вооруженное восстание, чтобы нанести удар по белогвардейской власти в самом ее центре. Успех этого восстания имел бы большое революционизирующее значение для Урала, Сибири и Дальнего Востока, оно также отразилось бы в немалой степени на положении Восточного фронта Красной Армии.

Попытку к восстанию в Омске большевики делали еще до этого, 22 декабря 1918 г., но она была подавлена.

Согласно официальным данным, во время этого восстания колчаковцами было убито 247 человек и расстреляно по приговорам военно-полевых судов — 117. Фактически же погибших среди повстанцев было намного больше.

Несмотря на это поражение, омские большевики не пали духом. Они взялись за подготовку нового восстания.

Среди руководителей Сибирского подпольного комитета РКП(б) было полное единодушие в вопросе о необходимости подготовки нового вооруженного восстания против Колчака. Разногласия возникли по вопросу о том, когда поднять восстание. А. Я. Нейбут («Петр Большой») стоял за то, чтобы не торопиться с восстанием и хорошо его подготовить к весне 1919 г. А. А. Масленников («Александр») считал, что нужно выступать уже в феврале, чтобы быстрее оказать помощь Советской России, которая находится в тяжелом положении. Победила точка зрения «Александра». Сибирский и Омский подпольные комитеты большевиков назначили новое вооруженное восстание на 1 февраля 1919 г.

Какими же силами располагали колчаковцы и интервенты? По приблизительным данным, в Омске в то время было около 10 тысяч солдат и офицеров: 51-й и 52-й стрелковые пехотные полки, не полностью укомплектованные; чехословацкий запасной полк, несший охрану концентрационного лагеря, неболь-

шие казачьи части, артиллерийский дивизион, английский батальон, комендантская команда и другие части.

Каковы же были силы подпольщиков-большевиков? Подпольный комитет считал, что благодаря проводимой коммунистами работе в воинских частях белой армии 51-й и 52-й стрелковые пехотные полки будут подняты подпольными воинскими организациями и выступят против Колчака.

В Омске тогда насчитывалось около 10 тысяч рабочих, из которых примерно половина приходилась на рабочих железнодорожных мастерских, депо и других служб Омского железнодорожного узла. Это был наиболее крупный и организованный отряд среди омских рабочих. Там была самая большая подпольная организация большевиков. Железнодорожники давали много боевиков и командиров для восстания в городе.

Солидное пополнение ожидалось после освобождения заключенных из тюрьмы и концентрационного лагеря, где сидело много пленных красногвардейцев.

В комендантской команде, состоявшей главным образом из сербов, также была организована большевиками подпольная группа.

В ночь на 1 февраля в комендантской команде находились Эдмунд Радо — член партии с 1918 г., венгр, бывший военнопленный, член военно-революционного штаба, один из боевых военных руководителей восстания, и Григорий Наумович Войтинский, член партии с 1918 г., работавший в Красноярске и бежавший в Омск после падения Советской власти в Сибири. Войтинский тогда работал в «Закупсбыте», хорошо знал экономику Сибири и оказал большую помощь «Александру» и «Леониду» (М. М. Рабиновичу), когда они писали доклад в Центральный Комитет РКП(б). Вместе с ними Войтинский участвовал в написании воззвания от подпольного комитета к английским солдатам с призывом не выступать на стороне Колчака, а примкнуть к восставшим рабочим или держать нейтралитет и не вмешиваться в события.

Г. Н. Войтинский хорошо знал английский язык. Предполагалось, что в день восстания он зачитает воззвание подпольного комитета английским солдатам.

Мне, как участнику Омского большевистского подполья, пришлось принять непосредственное участие в вооруженном восстании солдат 51-го стрелкового полка, расположенного в военном городке.

Вечером 31 января 1919 г. в районе на конспиративной квартире, в сапожной мастерской, Э. Радо раздавал личное оружие командирам. Вокруг сапожного стола с колодками, гвоздями,

обрезками кожи сидели подпольщики в шинелях и рабочих куртках. Рабочие почти все в сборе, представителей же от солдатских воинских частей очень мало. А ведь в этом районе находится военный городок («Крепость»), где сосредоточены главные воинские части. Но ждать некогда, уже седьмой час вечера. Нужно идти на районное собрание участников восстания, а в 9 часов следует быть в казармах, так как после вечерней проверки в казармы никого из посторонних не пропускают.

— Ну вот, товарищи, забирайте по револьверу и по одному, по два двигайте на сборный пункт,— говорит Радо и раздает оружие.

Но что это за оружие? Два-три хороших нагана, а остальные — низкопробные «браунинги», «смит-вессоны».

— Товарищ Эдмунд,— обращаемся мы к военному организатору,— нельзя ли дать всем наганы, а то ведь из этой чертовщины, пожалуй, не выстрелишь.

— Больше ничего нет, товарищи, что могли, то и собрали.

Делать нечего. По одному, по два и разными путями идем на районное подпольное собрание командиров. Здесь большинство уже в сборе. Сильно прокуренная большая комната битком набита. Во дворе и на углах квартала стоят свои люди, которые проверяют подпольщиков, охраняют собрание. Вскоре была проверка прибывших.

— Товарищи, кто из «Крепости»?

— Я,— выступил молодой солдат.

— Почему ваших ротных представителей нет?

В ответ — молчание.

Здесь следует напомнить, что со времени декабрьского восстания в Омске не прошло еще и полутора месяцев. Часть восставших солдат тогда была расстреляна, полки переформированы и некоторые подразделения отправлены на фронт как «неблагонадежные». Учитывая рост революционных настроений среди населения и тревожное состояние войск, колчаковцы усилили надзор за солдатами. Офицерам было приказано ночевать при своих частях в казармах. Все это, конечно, оказывало на сознание молодых солдат сильное влияние.

Подпольщики, работавшие среди солдат, и представители воинских частей на конспиративных собраниях заявляли, что солдаты не хотят воевать за Колчака, что они дружно восстанут, как только будет дан сигнал к вооруженному восстанию. Но, как становилось видно, бодрого духа и уверенности в победе революционного восстания у солдат не было.

Уже половина девятого вечера. Пора расходиться. Я с четырьмя товарищами пошел в «Крепость», в 51-й стрелковый

пехотный полк, где руководителем восстания был «Лесной» (П. А. Вавилов)[1], председатель подпольного Сибирского военно-революционного штаба.

Наша задача состояла в том, чтобы с помощью солдат-подпольщиков одновременно поднять восстание в четырех-пяти ротах, затем поднять другие роты и привести восставший полк к зданию коменданта города к 5 часам утра 1 февраля.

Из 51-го полка вместо шести пришел только один солдат из первого батальона, что сразу же усложнило нашу задачу. Таким образом, вместо того чтобы рассредоточиться по ротам, нам пришлось идти всем вместе в одну роту.

На дворе темно. Незаметно (мы все были в серых шинелях) вместе с другими солдатами входим в казармы. Выбирая темные места в коридоре, ждем нашего солдата — вожатого, который ушел в казармы других рот за не пришедшими на подпольное собрание ротными организаторами. Вскоре он появляется в сопровождении одного солдата и встревоженным голосом сообщает, что все организаторы взяли увольнительные записки и ушли в город, до утра их не будет в ротах. Из всех знакомых он нашел только одного товарища, который окажет нам помощь.

— Вот что, товарищи,— говорит им «Лесной».— Сейчас отведите нас куда-нибудь, чтобы здесь, в коридоре, не нарваться на офицеров или фельдфебеля, а сами идите по ротам, найдите в них хотя бы по одному-двум надежным ребятам и свяжите их с нами.

Идем на кухню, взбираемся на большую печку и ложимся на ней вповалку. Положение чрезвычайно осложнилось. Вместо шести ротных организаторов налицо имеется только один, да и тот мало что знает и не связан с другими ротами. Что делать? Как быть? Ждем ушедших, может быть, они с кем-либо из подпольщиков свяжутся.

Изредка на кухню заходят с постов солдаты погреться и перекурить. Отбивая «трепака» перед печкой, они тихонько разговаривают о своих делах:

— Ну вот, скоро на фронт погонят, так там покажем «кто за что»...

— Эх, хоть бы скорее шли красные.

— Красные-то, брат, далеко, а вот они нашего брата чешут в хвост и в гриву. В декабре вон сколько перебили...

Примерно через час является наш знакомец солдат.

---

[1] Член партии с 1911 г., рабочий-слесарь Уфимского депо. За революционную деятельность он был несколько раз осужден и сослан, при Советской власти в 1918 г. был комиссаром Самаро-Златоустовской железной дороги.

— Ну как, что? — нетерпеливо спрашиваем его.

— Плохо, товарищи, никого не мог найти. Как быть? Черт его знает. Сейчас все уже полегли спать. Как бы еще это знать заранее, так еще можно было бы кое-кого найти.

Как быть? Посовещавшись между собой, решили начать с одной роты, а потом уже, взяв каждый по группе солдат, идти поднимать другие роты. А сейчас, пока не заснули офицеры, оставаться здесь и часа в два ночи перейти в казармы. Восстание намечалось начать одновременно во всех районах в четыре часа утра 1 февраля 1919 г.

Опять долгое томительное ожидание. Шепотом обсуждаем создавшееся положение. Тишина. Только угли, догорая, потрескивают в печи, да неугомонные крысы шуршат, бегают по кухне. Изредка зайдет какой-нибудь замерзший постовой, погреется, проклянет свою службу и все на свете, и опять тишина.

На печке тесно, отлежали бока. Стараясь не шуметь, меняемся местами. Легкая дремота сковывает глаза, но напряжение и мысли о предстоящих боях отгоняют сон. Порой впадаешь в какое-то безразличное состояние, как будто ты делаешь самое обыденное дело и никакая опасность тебе не угрожает.

Зная по рассказам ротного организатора о расположении солдат и офицеров в ротной казарме, руководитель восстания «Лесной» инструктирует нас, определяет задачи.

— Будем действовать так: Алексей возьмет с собой одного-двух солдат и прикончит офицера, который спит в общей казарме с солдатами. А мы с другими товарищами пойдем в офицерскую комнату, там их пять человек. Только смотрите, товарищи, все нужно делать без шума, без выстрела...

А время хотя и медленно, но течет,— уже два часа ночи. Дрова в печи совсем прогорели. На кухне стало темно. Вот кто-то вошел, осмотрел кухню, все в порядке. Это пришел солдат — ротный организатор:

— Ну, товарищи, идем в казарму. Я уже подготовил своих, ждут, наготове.

В казарме темень. Где-то в углу коптит плошка с самодельным фитилем. Богатырский храп десятков молодых солдат потрясает воздух. Душно, знакомый запах прелых портянок, вонь — хоть топор в воздухе вешай.

Ложимся среди солдат на нары. Проходит час, кончается другой, уже без четверти четыре. Пора. Подтягиваем пояса, повязываем полотенцами рукава шинелей (отличие подпольных командиров). Револьверы в руки. Поднялись солдаты-активисты. Разбиваемся на две группы. Алексей с одним бойцом

пошли прикончить офицера, спавшего в общей казарме, а остальные двинулись в офицерскую комнату.

Офицера прикончили без шума. У нас же тихо не получилось. В офицерской комнате пришлось открыть по оказавшим сопротивление офицерам стрельбу из револьверов. В этой перестрелке был ранен в руку «Лесной».

В казарме поднялась суматоха. Солдаты, услышав выстрелы, повскакали, таращат глаза, ничего не понимая. Иные торопливо одеваются.

— Товарищи, я ранен,— говорит нам «Лесной».— Ставьте часовых около двери офицерской комнаты и никого не выпускайте. Я ухожу. Товарищ Илья,— говорит мне,— бери на себя командование, подымай солдат.

С трудом восстанавливаю порядок и кричу на всю казарму:

— Товарищи! В городе идет восстание. Власть Колчака пала. В Омске уже объявлена Советская власть. Одевайтесь быстрее, берите винтовки и патроны, выходите на двор.

— Одевайтесь!.. Выходите!..— разносится по казарме.

Пока солдаты одеваются, решаем проникнуть в соседнюю роту и поднять ее в ружье. Вход в эту роту через офицерскую комнату, дверь в которую с этой стороны заставлена шкафами.

Шум и выстрелы в нашей роте всполошили офицеров соседних рот, они, должно быть, догадались о причинах переполоха у соседей и были наготове. Когда мы отодвинули шкафы и открыли дверь в офицерскую комнату, нас встретили выстрелами. Алексей был легко ранен в ногу. Дверь захлопнулась, офицеры забаррикадировались. Попытка войти не удалась.

Что делать? Надо поднимать роты, но там нас встречают залпами. Ни солдат, ни офицеров из других рот не видно, должно быть, всполошились и сидят наготове по ротам. Начальство батальонное и полковое не подает признаков жизни.

— Идем, товарищи, хотя бы одну роту выведем к повстанческому военно-революционному штабу, который должен разместиться в здании коменданта города.

Идем во двор. Человек шестьдесят толкутся посреди двора. А где остальные солдаты? Бежим в казарму. Плошки еле мерцают, плохо освещая нары. Пользуясь темнотой, солдаты кучками разбрелись по углам, стоят, переговариваясь и выжидая.

— Вы что стоите и не идете в строй? — спрашиваем у них.— Выходите немедленно!

Они выбегают во двор, пристраиваются к ранее вышедшим.

По всему двухэтажному зданию идет переполох. Откуда-то со второго этажа раздались выстрелы, по двору запели пули.

Наши необстрелянные солдаты кинулись врассыпную...

Наконец собираем их у ворот, восстанавливаем порядок.

А стрелка часов приближается к пяти часам утра. Пора уже быть около штаба. Построив роту, двигаемся сначала к городскому театру, расположенному недалеко от здания коменданта города. От театра посылаю разведку к штабу и к мосту через реку Омь, которые уже должны быть заняты повстанцами.

Кругом тишина. Мороз стоит крепкий. Снег хрустит под сапогами. Из «Крепости» слышится беспорядочная стрельба. Из других районов города никакого шума не слышно. Вокруг казачьих казарм, также недалеко расположенных от театра, спокойно ходят часовые, никакой тревоги не видно.

Минут через пятнадцать вернулись связные от комендантского здания и сообщили, что там преспокойно ходит часовой — чех или серб. От моста разведка не вернулась. В городе тихо...

Что за ерунда? У театра стоим около часа. На каланче пробило уже шесть часов. Послышались гудки фабрик и заводов. Рабочие появляются на улицах, спеша на работу.

Созываю командиров и говорю им, что восстание, должно быть, отменено, но нас не смогли об этом предупредить. Уже светает. Дальше в таком положении оставаться нельзя. Решаем распустить солдат, а самим быстрее уходить на конспиративные квартиры.

Как ни больно, но говорим солдатам, чтобы они быстрее шли обратно в казармы, не падали духом и ждали нового призыва к восстанию. Солдаты пошли в «Крепость», мы разошлись.

В 52-м стрелковом полку обстановка для подпольщиков сложилась еще более трудной. Группа подпольщиков, руководимая членом Сибирского военно-революционного штаба А. А. Бушуевым («Петр малый»), проникла в 9-ю роту третьего батальона, которую попытались поднять на восстание. Подпольщики в роте наткнулись на вооруженное сопротивление офицеров. Один из рабочих-командиров в перестрелке был убит, другой (рабочий Омских железнодорожных мастерских П. Е. Жданов) был задержан, а остальные успели скрыться.

В Куломзине на восстание было поднято около 150 рабочих. Они обезоружили железнодорожную милицию, перерезали связь с городом, со ставкой «верховного правителя», разобрали в трех местах путь между станциями Куломзино и Омск. Не имея связи и не получая дальнейших указаний от подпольного штаба, куломзинцы утром разошлись по домам.

Неудачным также получилось нападение на железнодорожный разъезд на 753-й версте, где были расположены артиллерийские и пороховые склады. Наступающая в четыре часа ночи

на разъезд группа повстанцев из 25 человек была обнаружена, обстреляна полевым караулом и отступила.

Вооруженная группа повстанцев в ночь на 1 февраля подошла к интендантскому складу, находившемуся в районе «Крепости», сняла часового, взломала замки и печати, забрала часть имущества и ушла, уведя с собой и часового.

Повстанцами было перерезано 17 телефонных проводов, идущих к сельскохозяйственному училищу, где помещалась часть карательного отряда атамана Красильникова.

Это были вспыхивавшие в ряде мест города огни восстания, но они гасли, общего костра зажечь не удалось.

После провала вооруженного восстания в Омске в этот день товарищи А. Масленников и М. Рабинович так писали в ЦК РКП(б):

«1 февраля было подготовлено новое вооруженное восстание, но новобранцы, боясь урока 22 декабря (факты выступления отдельных частей), в последний момент проявили нерешительность, и восстание не состоялось».

Новобранцы в Омске в ночь на 1 февраля действительно не проявили решимости поднимать восстание против Колчака. Молодые солдаты еще не оправились от шока, вызванного подавлением Омского восстания 22 декабря 1918 г. и белым террором, который начался после этого. Требовалась длительная подготовка восстания и большая политическая работа среди солдат. Руководители Омского большевистского подполья не смогли этого учесть. Именно в этом и заключался главный просчет в плане подготовки восстания.

Наши потери в ночь на 1 февраля были такие: в 51-м полку у нас было только двое раненых. В 52-м полку один подпольщик был убит и один задержан, на 753-й версте был также задержан один подпольщик. Задержанных подвергли допросам и пыткам, что привело к новым арестам. Сразу же после 1 февраля были арестованы председатель Сибирского подпольного комитета РКП (б) А. Я. Нейбут, секретарь Омского подпольного комитета В. Я. Чунчин, член Военно-революционного штаба А. А. Бушуев, группа солдат (в 51-м и 52-м полках — по 8, а в артдивизионе — 4) и часть рабочих.

7 и 8 февраля 1919 г. на прифронтовой военно-полевой суд были отправлены 24 человека. Из них 14 приговорены или к расстрелу, или к каторжным работам на 20 лет.

Я не ставлю перед собой задачи оценить в полной мере деятельность омских коммунистов в подготовке вооруженного восстания в Омске 22 декабря 1918 г. и 1 февраля 1919 г., но скажу, что эта деятельность была героической и она не прошла бесследно.

Е. С. Гуревич,
член КПСС с 1917 г.

АПРЕЛЬСКИЙ ПРОВАЛ

В истории Великой Октябрьской социалистической революции много героев, отдавших свою жизнь за ее победу. К их числу относится Агния Свищева, расстрелянная колчаковцами 2 июня 1919 г. в Омске, когда ей было всего 23 года.

Эта жизнерадостная девушка оставила глубокую зарубку в моей душе.

Впервые я встретила Агнию в апреле 1919 г. в Омске, в подпольной организации большевиков. «Антонина» — это была ее кличка — работала партийным организатором II района Омска. До ареста я знала ее мало, но она сразу к себе располагала и производила впечатление смелой и отважной девушки, мужественно борющейся за дело нашей партии и народа.

Утром 21 апреля 1919 г. мы встретились с «Антониной» на квартире члена Сибирского областного подпольного комитета партии Александра Николаевича Усова, жившего по Воздвиженской улице, 63. Хозяйка его квартиры С. Т. Скипина снимала оба этажа дома и сдавала комнаты квартирантам.

Каждый из нас пришел к Усову по своему делу. Разговаривая с «Антониной», я заметила, что в комнату приходят все новые товарищи. Обеспокоенная этим, хозяйка квартиры заглянула к нам и сказала всем, ожидавшим А. Усова, что он не ночевал дома.

Стало тревожно. Захотелось уйти из квартиры.

Вскоре выяснилось, что уйти нам тогда все равно бы не удалось, ибо Александр Усов был арестован накануне в другом месте и дом, в котором мы были, уже окружили контрразведчики.

Вскоре раздался сильный стук в дверь квартиры. Все насторожились. Мы с Агнией быстро вышли из комнаты и по совету хозяйки сели за накрытый в проходной комнате пасхальный стол. Был второй день пасхи. За стол сели, кроме нас, дочь

хозяйки Феша и ее подруга Шура Хохлова, пришедшая к ним в гости.

Хозяйка открыла входную дверь, и в квартиру ворвались контрразведчики. Первым вбежал офицер лет 32—35, в руках у него был стек, которым он усиленно размахивал. Это был прапорщик Хмель, которого мы потом называли «пучеглазый». Офицер подбежал к столу и, в упор рассматривая нас, спросил, обращаясь ко мне: «Какого вы вероисповедания?» — «Православная»,— ответила я. Паспорт у меня тогда был на имя Зотиной Глафиры Александровны.

«Вы арестованы»,— объявил офицер всем сидящим за столом. Сразу же начался тщательный обыск в комнате Усова, обыскивали также находившихся там мужчин. У одного из них — Боброва, по виду призывного возраста — не было паспорта. По законам Колчака только за уклонение от воинской повинности ему грозил расстрел.

Вскоре в квартиру вошла Вера Оленич-Гнененко. Вера была одета в светлое платье, на груди у нее был приколот цветок. Обаяние молодости и красоты исходило от нее. Веру я немного знала, так как несколько дней скрывалась у нее на квартире, куда меня направила «Елена» (Нина Заливина), работавшая тогда в подпольной организации Омска. Шура, Вера и Феша работали тогда в больничной кассе Омска. Там же работала «Елена».

Увидев Веру Оленич-Гнененко, прапорщик Хмель воскликнул: «И вы здесь!» — «Да, и я здесь»,— ответила Вера.

В поисках «добычи» Хмель неоднократно наведывался в больничную кассу, поэтому он знал «Елену», Фешу и Шуру.

Пока под руководством прапорщика Хмеля контрразведчики рылись в небогатом скарбе подпольщика Усова и проверяли у мужчин документы, мы с Агнией шепотом говорили о том, что «Петру» (Боброву) надо сбежать. Мы обдумывали, как это сделать, когда нас поведут в контрразведку.

Арестованных набралось десять человек: Бобров («Петр»), Соркин («Михаил»), который только что приехал в Омск из Тюмени, Дергачев Кирилл (парторганизатор железнодорожного района), «Ковригина Антонина Николаевна» (Свищева Агния), «Зотина Глафира Александровна» (Гуревич Елена Семеновна), Оленич-Гнененко Вера Павловна, Скипина Феша, Хохлова, квартиранты Скипиной — Бестятных, Иванов.

Хмель отправил нас в контрразведку под конвоем трех солдат. Контрразведка «верховного правителя» Колчака размещалась в здании управления Омской железной дороги, довольно далеко от центра города.

День был праздничный, теплый и солнечный, на улицах города гулнло много народу. Солдаты вели нас посередине улицы, через толпы людей, нисколько не думая о том, что кто-нибудь из нас незаметно уйдет, сольется с толпой.

«Петр», получив команду от «Михаила» (Соркина), незаметно для солдат вышел из колонны и скрылся. Это было на мосту через Омку. По дороге на одной из улиц мы увидали шедшего по тротуару нашего товарища М. С. Никифорова. Он остановился, увидев нас под конвоем солдат.

Солдаты привели нас в контрразведку и оставили в коридоре, где не было ни скамеек, ни стульев. Сесть можно было только на грязный заплеванный пол. За множеством дверей, выходивших в коридор, находились служебные комнаты контрразведчиков.

Войдя в коридор, мы увидели Александра Усова. Брюнет, невысокого роста, привлекательной внешности, он стоял, прислонившись к стене. Его охранял солдат, стоявший вплотную к нему. Мы сделали вид, что не знаем друг друга. Через некоторое времн его увели, и мы его больше не видели.

Не прошло и получаса, как появился прапорщик Хмель с чемоданом вещей, изъятых при обыске. Окинув нас острым взглядом, он сразу заметил исчезновение «Петра». Взбешенный тем, что его перехитрили, он набросился на «Михаила» (Соркина), ударил его по голове и, схватив за шиворот, втолкнул в дверь служебной комнаты. Через некоторое время Соркина вытолкнули оттуда — он был весь в крови[1].

Вскоре нас начали вызывать на допросы. Одной из первых была вызвала Агния. Немедленно в квартире, где она жила, был сделан обыск. На столе в ее комнате контрразведчики взяли письмо, которое Агния не успела отправить. О письме, оставленном на столе, Агния сказала мне тотчас, как только нас арестовали. В нем она сообщала одному из товарищей, работавшему в Новониколаевске, об арестах в Омской организации, о тяжелом положении, создавшемся в ней. На условном языке она писала, называя товарищей по имени,— а это были клички,— что «Александр» (Масленников), «Михаил» (Рабинович) (назвала и других) тяжко больны и находятся при смерти. Это означало, что им грозит расстрел. Клички упоминаемых ею товарищей были уже хорошо известны контрразведке.

Письмо, найденное у Агнии, явилось главной уликой против нее. Оно подтвердило ее участие в работе нелегальной организации.

---

[1] «Михаил» — Соркин умер в тюрьме.

На первых допросах контрразведчиков интересовало, где каждый жил и работал. После этого следовал обыск, искали документы, письма и другие бумаги, подтверждавшие участие в работе большевистского подполья.

Я не могла указать адреса квартиры, где жила. Меня временно поселили у сестры М. С. Никифорова — Надежды Семеновны, жившей на Северной улице, 7. На ее квартире хранились партийные документы. В случае ареста я должна была забыть этот адрес, что я и сделала.

Допрашивавший меня контрразведчик упорно и настойчиво требовал указать, где я жила. Я утверждала, что приехала три дня тому назад и ночевала на вокзале.

У меня создалось трудное положение. И вот на помощь пришла арестованная вместе с нами Вера Оленич-Гнененко. Вера тогда еще не была членом партии, но, будучи связана с партийной подпольной организацией, выполняла различные ее поручения.

Вера предложила мне сказать, что я жила у нее. Даже теперь, когда пишутся эти строки, необходимо отметить, что требовалось немалое мужество, чтобы пойти на такой шаг. Связывая себя со мной, она ставила под удар не только себя, но и свою семью.

После тщательного обыска на квартире Оленичей-Гнененко и допроса родителей, категорически отрицавших мое пребывание у них, я была вызвана вновь на допрос.

Контрразведчик спросил меня: «Узнаете ли вы отца Веры Оленич-Гнененко, если вам устроят с ним очную ставку?» Оленич-Гнененко в это время находился в этой же комнате, его тоже допрашивали. Повернувшись в его сторону и указав на него, я сказала: «Узнавать его нечего, вот он».

Я видела его в коридоре, где он находился, как и мы, до допроса. Вера указала мне на него, сказав, что это ее отец.

Веру также вызвали на очную ставку с отцом. Во время допроса Павел Павлович сказал, обращаясь к Вере: «Зачем ты на себя клевещешь? У нас никто не жил».— «Неправда, она у нас жила. Вы боитесь, что вам придется уплатить штраф за жившую у нас без прописки девушку. Ничего, продадите рояль и уплатите штраф. Отрицая это, вы запутываете ни в чем не повинного человека»,— сказала Вера.

В квартире Александра Усова была устроена засада. Все, кто приходил в эту квартиру, попадали, как рыба в бредень.

Их арестовывали и отправляли в контрразведку. Так был арестован брат Веры, посланный родителями узнать, почему она не пришла домой. В числе арестованных оказался отставной

царский генерал лет восьмидесяти, пришедший узнать, не сдаются ли комнаты.

Когда бывшего генерала привели в контрразведку и оставили в коридоре, где мы сидели на грязном, заплеванном полу, он завопил: «Считаю для себя позором быть вместе с большевистским отребьем! Я всю жизнь служил верой и правдой царю и отечеству».

Все мы, но в особенности Агния, смеялись от души, несмотря на трагизм нашего положения.

В контрразведке нас продержали четыре дня, а затем Агнию и меня под конвоем отправили в Омскую тюрьму. Дочь хозяйки Фешу и ее подругу освободили. Веру Оленич-Гнененко выпустили, взяв с нее расписку о невыезде. За ней был установлен негласный надзор.

Нас поместили в камеру политических заключенных женского корпуса. Новых обитателей тюремной камеры товарищи встретили тепло и участливо, мы почувствовали себя среди родных и близких нам людей.

После всего пережитого за последние дни наступила как бы временная передышка, затишье перед грозой. Заключенные женщины жили дружной семьей-коммуной. Все передачи Красного Креста, что получали с воли, распределялись среди всех членов коммуны.

Сидя в тюрьме, мы с Агнией сдружились. На нарах спали рядом. Много говорили о нашей заветной мечте — близкой победе над Колчаком. До нас доходили радостные вести о продвижении Красной Армии на восток. Агния была полна оптимизма и горячей веры в нашу победу.

На допросы Агнию вызывали несколько раз, она была присоединена к той группе заключенных, с которой колчаковцы хотели расправиться поскорее.

Однажды, придя с допроса, Агния сказала мне, что один из арестованных коммунистов-рабочих, не выдержав пыток, во время допроса выдал ее, сказав, что Агния работала партийным организатором одного из районов города.

Агния чувствовала, что ей не вырваться из вражеского кольца, что близка развязка. Незадолго до расстрела, в конце мая 1919 г., Агния мне сказала: «Если ты останешься жива, разыщи сестру Анну и расскажи ей о последних месяцах моей жизни».

Вспоминая этот почти последний разговор, я и сейчас после стольких лет не могу спокойно говорить об этом. Она дала мне адрес сестры. Я распорола складку нижней юбки, написала чернилами адрес и вновь зашила.

Записывая адрес сестры Агнии, я не верила в то, что когда-нибудь смогу выполнить просьбу Агнии, ибо не верила, что сама останусь жить.

Чувствуя приближение страшного конца, Агния держалась мужественно, ни жалобы, ни страха, только возросшая ненависть к врагам и глубокая уверенность в победе над ними. Она шла на смерть как солдат, верный до конца своей присяге.

Красная Армия наступала, одерживая победы над армией Колчака. «Верховный правитель» спешил расправиться со своими смертельными врагами. 31 мая 1919 г. в помещении гарнизонного собрания состоялся прифронтовой военно-полевой суд по делу о Сибирском областном комитете партии. Суду были преданы 16 человек, из них 10 человек: И. Б. Борисов, М. А. Воробьев, Л. З. Годисова, К. Г. Дергачев (он же Александр Антонович Громов), А. Н. Ковригина (Агния Свищева), А. Н. Косоуров, А. Я. Михеева, М. С. Никифоров, А. А. Улыбин, А. Н. Усов были приговорены к расстрелу. Дела остальных были направлены на доследование.

Суд происходил при закрытых дверях и закончился поздно ночью. Публику впустили только при объявлении приговора. Осужденные были бледные, но улыбались и успокаивали своих близких. На груди у них появились красные банты.

Вот их прощальные записки:

Мужайтесь, товарищи! Мы выбываем из ваших рядов, и эти места не должны оставаться пустыми. Нас много, победа обеспечена за нами. Итак, товарищи, вперед, к борьбе!

Кирилл (Дергачев)

...Мы победим, товарищи! С нами творчество и радостный дух. Не отчаивайтесь, если волна революции уменьшится. Верьте, снова поднимется ветер. Будьте всегда сильны духом. Мы всегда с вами. Да живет мировая революция!

Шура (Усов А. Н.)

Агния была расстреляна 2 июня 1919 г. вместе с Марком Никифоровым. Агния прожила недолгую, но прекрасную жизнь, она погибла накануне победы. Но в этой победе есть и ее подвиги, ее самоотверженность и энтузиазм, ее боевая доблесть.

Довольно скоро мне удалось выполнить предсмертную просьбу Агнии. После выхода из Иркутской тюрьмы в ноябре 1919 г. я была послана во Владивосток для установления связи Иркутского комитета партии с Дальневосточным комитетом партии. В нелегальной партийной организации Владивостока работали сестра Агнии — Анна и ее муж Николай Леушин. Я рассказала Анне все, что знала о последних месяцах жизни ее сестры.

А. Я. Климов,
член КПСС с 1918 г.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АЛЕКСАНДРА УСОВА

Путь Александра Усова в ряды революционных борцов был сложным.

Он происходил из интеллигентной семьи. Отец Александра во время революции 1905—1907 гг. был начальником службы движения Забайкальской железной дороги. Позднее отец Усова, будучи уже редактором газеты «Верхнеудинский железнодорожник», поместил статью к годовщине революции 1905 г. За эту статью по распоряжению Иркутского генерал-губернатора он был уволен и выслан за пределы края. Старику Усову пришлось вместе с семьей перебраться в Харбин, где он вначале перебивался случайными литературными заработками, позднее стал редактором «Харбинской железнодорожной газеты».

Александр Усов учился в Хабаровском коммерческом училище, после окончания которого в 1915 г. поступил в Восточный институт во Владивостоке. Кроме занятий по учебной программе, увлекался философией, много читал и писал стихи.

В начале 1916 г. мы вошли с ним в рабочий кружок при Дальзаводе, в котором было 30—40 человек, в основном пожилые рабочие. Кружок назвали «Юная Россия» — в смысле «будущая», «новая».

В этом кружке Шура Усов читал лекции по политической экономии, основными пособиями были книги: Бах — «Царь-голод», В. Либкнехт — «Пауки и мухи», Железнов — «Политэкономия» и Туган-Барановский — «Русская фабрика». Очень популярными среди кружковцев были произведения С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов» и другие.

Мы хотели осознать расстановку классовых сил в нашей стране, понять, из-за чего возникла гражданская война и нашу роль в ней. Решили единогласно, что большевики правы и надо

вставать в ряды борцов за восстановление Советской власти.

Одними из первых, осознавших это, были мы с А. Усовым. Пошли работать в профсоюзы, в Центральное бюро, где еще сохранились наши старые связи с рабочими. Здесь мы связались с подпольной парторганизацией и были приняты в партию большевиков.

Одновременно с нами в Центральное бюро профсоюзов Владивостока (ЦБ) пришел работать «Морозов». Это был партийный работник Марк Семенович Никифоров, только что вернувшийся из эмиграции.

После чехословацкого мятежа в 1918 г. ЦБ профсоюзов было единственным уцелевшим крупным центром большевистских профорганизаций. Оно могло играть важную роль в политической деятельности, созывать рабочие собрания, издавать газету, производить сбор средств для помощи политическим заключенным.

В ЦБ профсоюзов А. Усов быстро занял руководящее положение. Это произошло в то время, когда руководителю ЦБ Г. Ф. Раеву нужно было переходить на нелегальное положение и подпольная парторганизация искала для него замену.

Вскоре после мятежа меньшевистско-эсеровское руководство объявило перевыборы местных органов самоуправления. Были объявлены выборы во Владивостокскую городскую думу на основе «четыреххвостки» (всеобщее, прямое, равное и тайное голосование). По указанию подпольного комитета РКП(б) Центральное бюро решило принять участие в выборах и выставило свой список, включив в него сидящих по тюрьмам и лагерям арестованных руководителей Советской власти.

Выборы состоялись. За списки ЦБ проголосовало большинство. Контрреволюционной буржуазии предстояло решить: освободить арестованных или аннулировать выборы. Она предпочла последнее, показав даже самым отсталым, какую «демократию» она несет на своих знаменах.

Одержав большую морально-политическую победу, ЦБ продолжало укреплять ее.

В конце 1918 г. местными властями были объявлены новые выборы во Владивостокское городское самоуправление. Подпольная партийная организация решила их бойкотировать. В связи с этим ЦБ созвало общегородскую профсоюзную конференцию.

Конференция состоялась в Народном доме. Зал был переполнен. С докладом выступал А. Усов. Докладчик поставил вопрос о выборах в городскую думу. Он связал его с общим положением в Сибири и на Дальнем Востоке, борьбой рабочего

класса с контрреволюцией и иностранной интервенцией, контрреволюционной ролью меньшевиков и эсеров; он говорил о растущей роли международной революции, задачах рабочего класса в настоящих условиях.

Вывод, который он сделал,— мобилизовать рабочий класс на бойкот, чтобы этим ослабить силы контрреволюции и хотя бы косвенно помочь Красной Армии.

Подавляющим большинством его предложение было принято.

После этой конференции через несколько дней мы стали замечать появление в ЦБ каких-то подозрительных личностей, а еще через некоторое время А. Усов убедился в слежке за ним. Тогда впервые мы поняли, что приближается время, когда и ему надо исчезнуть из города.

Возник вопрос об отправке его на запад, по возможности в Советскую Россию. Мы хотели послать с ним информацию в центральные органы и поставить перед ними свои вопросы. Вскоре он и М. С. Никифоров уехали в Омск делегатами на III Сибирскую подпольную конференцию РКП(б).

Эта конференция состоялась 20—21 марта 1919 г. Она приняла весьма важное решение о дальнейшем развитии революционной борьбы против иностранной интервенции и колчаковской власти. А. Усов был избран в состав Сибирского подпольного комитета РКП(б). Спустя несколько дней в этот состав был кооптирован и М. С. Никифоров.

Вскоре после этой конференции во Владивосток прибыл Г. Н. Войтинский. Явка ко мне у него была от Усова. Войтинский доставил во Владивосток решения III Сибирской подпольной конференции РКП(б). Мы с ним начали создавать Информационное бюро для издания большевистской литературы на английском, японском, китайском и корейском языках.

Эта работа была оборвана в самом начале после выпуска первой листовки.

Недолго поработали в Омске А. Усов и М. Никифоров. Оба они были арестованы 21 апреля 1919 г. и вскоре казнены.

По рассказам товарищей, А. Усов стойко держался в тюрьме, несмотря на пытки. Он морально поддерживал, успокаивал товарищей и даже учил их английскому языку.

Усова и Никифорова судил вместе с другими членами Омской подпольной парторганизации военно-полевой суд. У меня есть сообщения одного белогвардейского офицера, присутствовавшего на заседании полевого суда, напечатанные в 1926 г. в хабаровской газете «Новости жизни» под заглавием «Как умер Александр Усов».

Судя по этим воспоминаниям, поведение А. Усова производи-

ло сильное впечатление в стане врагов. Даже через семь лет после смерти Усова они не могли не отметить его стойкость и спокойствие, отдавая дань уважения его героической смерти. Не могу отказать себе в том, чтобы не привести выдержки из этих сообщений:

«Я видел, как Усов в перерыве суда, улыбаясь, взял хлеб из рук подошедшей к нему молоденькой еврейки и стал есть, спокойно говоря ей о чем-то.

— Удивительный парень! — сказал мне сосед.— Держится как дома. И аппетит прекрасный. Жалко, если его расстреляют, а расстреляют обязательно.

И, подумав, он прибавил:

— Председатель суда мой приятель. Разве поговорить с ним? А? Как вы думаете?

— А что же, попробуйте.

Мы вышли из зала и прошли в комнату судей. Председатель — батальонный командир унтер-офицерской школы, пил чай и курил.

Принял он нас любезно, но на просьбу моего соседа пощадить студента Усова спокойно ответил:

— Таких-то и нельзя щадить. Он честный и убежденный большевик, невозможно сделать так, чтобы он порвал связь с партией. Если мы не будем расстреливать подобных ему сейчас, то они расстреляют нас через полгода.

И поучительно прибавил, взглянув на нас свысока:

— Во время гражданской войны сентиментальничать глупо».

Далее автор этой статьи рассказывает, как Усов воспринял объявление ему смертного приговора.

«Я смотрел на Усова. Он улыбался. Молоденькая девушка, прижавшись к нему, держала его за руку. От всей фигуры молодого человека веяло силой, спокойствием и, страшно сказать, какой-то иронией ко всему происходившему».

И он так заканчивает свои сообщения:

«Через сутки приговоренные были расстреляны. Передавали, что девушка, когда ее привели в тюремную контору, выбросилась из окна и вся была изранена осколками стекла. Усов умер спокойно, с тем же далеким, словно ироническим, взглядом».

Что еще рассказать о Шуре Усове?.. Сохранилась его прощальная записка товарищам, в которой сказывается весь молодой Усов с его характером, внутренней силой, убежденностью и героизмом. Привожу из нее несколько слов:

«Умирая на заре мировой революции, всем сердцем приветствую ее животворные лучи. Мы победим, товарищи!..»

В. А. Орлова,
член КПСС с 1918 г.

ЗАПИСКИ О ПРОШЛОМ

Октябрьская революция докатилась до Омска только в декабре 1917 г. Начали саботаж чиновники омских учреждений, а мелкие служащие не знали, какую позицию им занять. В учреждении, где работала я машинисткой, митинги проходили чуть ли не каждый день. Совдеп прислал туда комиссара, женщину-большевичку Кристину Козак. Ее встретили «в штыки». Ей улюлюкали чиновники, когда она выступала на митинге.

За машинкой тогда мне сидеть было незачем: работы секретарь не давал, и я ходила на митинги, хотя и не всегда понимала, кто из выступающих говорил правильно, а кто — просто оголтело кричал.

Женщина-комиссар мне понравилась своей твердостью, тем, что не боялась свиста и улюлюканья чиновников.

На одном из городских митингов я познакомилась с парнем, который работал в «Омских известиях». Редакция этой газеты находилась в Доме республики. Вечерами я встречалась с ним, мы долго бродили по улицам Омска. Он мне давал кое-какие брошюры о большевиках, листовки с призывами к населению города помогать Советской власти.

Вскоре я перешла на работу в редакцию «Омских известий» секретарем. Я начала думать о том, как дальше жить, кому помогать. Тогда в Омске существовали партийные организации большевиков, максималистов, эсеров, левых эсеров, меньшевиков, интернационалистов и анархистов.

Скоро сама жизнь мне указала, с кем идти. А случилось вот что.

25 мая 1918 г. рано утром раздался гудок, зовущий и грустный. Я вскочила с постели, выбежала во двор, но причины гудка не узнала. И только в 8 часов утра, выйдя на улицу, услышала шипение лавочников: «Скоро, скоро каюк большевикам. Христопродавцы». А в 4 часа дня на станции выносили из вагонов трупы

убитых красногвардейцев. И я узнала о контрреволюционном мятеже белочехов и белогвардейцев и о столкновении Красной гвардии с ними на станции Мариановка, в 40 километрах от Омска.

Через несколько дней я шла в первой шеренге за гробами 70 убитых товарищей, которые несли на плечах рабочие. И когда у общей могилы гробы поставили на землю, я увидела убитого Колю Нефедова, моего хорошего друга, первого омского поэта, который читал мне в редакции свои стихи о революции.

Начался траурный митинг. И я тут же мысленно поклялась стать коммунисткой и уйти на фронт.

На заседании партийного комитета мне был задан вопрос: «Почему ты вступаешь в нашу партию?» Я ответила: «Вы за бедных». Хотела отдать революции себя всю. Но не сказала этого. Председатель, на которого я смотрела с робостью, вдруг улыбнулся и сказал: «Товарищ вполне сознательный». Других вопросов не было. Меня приняли.

Через несколько дней, 7 июня 1918 г., я вместе с латышским отрядом уже плыла по Иртышу на маленьком пароходе «Святая Ольга» на фронт.

В Ялуторовске, где находился полевой штаб, мне выдали солдатскую форму, и я была оставлена при штабе для мелких поручений.

Белые превосходили красногвардейцев численно, были лучше вооружены. Нам пришлось временно оставить Ялуторовск и Тюмень. Мы перебрались в Екатеринбург.

А через два дня ко мне пришел человек в котелке, новом сером костюме и стал советовать мне снять солдатскую форму и по возможности не выходить на улицу. Я изумилась такому совету. Он сказал:

— Ты и я должны будем перебраться через фронт в Омск. Я останусь в Омске, а ты возьмешь сведения о положении белых и доставишь их в Уральский обком. Так вот, сними солдатскую форму.

— А что я надену? У меня, кроме этой формы, теперь нет ничего.

— Будут у тебя платья.

Так разговаривал со мной Антон Валек. Партия посылала его в Омск на подпольную работу.

Он приходил ко мне каждый день. Принес пальто, платье, удостоверение на маленьком шелковом лоскутке, в котором говорилось, что я, член Коммунистической партии, направляюсь областным комитетом в Омск. «Просим доверять и содействовать».

Принес Валек и некоторые предметы женского туалета, которые мне не были нужны: корсет, пудру, щипцы для завивки волос. Принес все это и сам стал укладывать в мой чемодан сверху. Видя мое недоумение, он разъяснил: «Это нужно для декорации».

Дня через три-четыре, вечером, мы отправились из Екатеринбурга. Заехали в полевой штаб, встретились с начальником штаба и потом уже не поездом, а на телеге отправились на станцию Чумляк, что севернее Челябинска, а оттуда стали добираться до Омска.

Доехали спокойно. В поезде Валек изображал моего отца, охранял меня от пристававших солдат.

В Омске мы разошлись по разным направлениям. Он пошел в железнодорожный поселок, к своей семье, а я поехала в город к родителям.

Дома очень обрадовались, увидя меня живой и невредимой. Мама приготовила мне поесть и рассказала, как они с отцом ходили на берег Иртыша и искали мой труп, чтобы похоронить.

В Омск приехали мы в одиннадцать утра, а в пять вечера я уже была на Степной улице, в доме № 1, у Зинаиды Ильиничны Богоявленской. В комнате шел ремонт. Женщина стояла на табуретке и белила потолок. Она очень осторожно спросила, кто я и что мне нужно. Из складки юбки я вынула зашитое там удостоверение и молча протянула ей. Зина, прочитав, сразу сунула его в карман широкого фартука и внимательно посмотрела на меня. Потом она вымыла руки и спросила: «Голодная?» Я ей сказала, что была у родителей, накормлена. День был субботний. Зина сказала: «Придешь во вторник сюда». Во вторник у Зины был П. Г. Кринкин. Знакомя с ним, Зина назвала его Митей. Потом я познакомилась с членом городского комитета партии — А. Д. Шнейдером. Его Зина ласково звала «Михайлушка». Он стал давать мне разные поручения. «Митя» Кринкин также давал мне задания. Так началась моя подпольная работа. Сведения о белых в Омске повез через фронт другой товарищ.

Я выполняла разные поручения и никогда не спрашивала «Что? Зачем?», а говорила только: «Надо — сделаю». Печатала на машинке партийные листовки и помогала их распространять. Ходила в «Крепость» к солдату «Коле» под видом невесты, передавала прокламации. Ходила под видом невесты в тюрьму. Знакомилась с офицерами, чтобы получить нужные сведения. Один раз через весь город несла каравай хлеба с запеченным в нем револьвером.

В большевистском подполье Омска я была связана с латышами, с Антоном Поворотником, познакомилась также с Алек-

сандром Масленниковым, Павлом Вавиловым, Михаилом Рабиновичем, Нейбутом. Какое было счастье работать в организации с такими людьми!

Вскоре я почувствовала, что приношу пользу нашей партии. Комитет стал посылать меня для связи в другие города Сибири: Томск, Новониколаевск, Барнаул.

Я выполняла партийные поручения охотно и с радостью. Встречи с товарищами, их непоколебимая уверенность в правоте нашего дела вдохновляли меня. Помню, как после одного собрания я шла по улице и все во мне пело: «Над миром наше знамя реет...» Шла и повторяла слова Короленко: «А все-таки впереди огни! А все-таки впереди огни!»

В Новониколаевск я была послана Омским комитетом. До этого у меня был обыск, товарищи сказали, что я «провалилась» и мне опасно работать в Омске. В Новониколаевск я уехала с Еленой (Августой) Бердниковой, которая просила комитет дать ей в помощь кого-нибудь. У нее и жила в августе 1918 г.

Поручения получала от Бердниковой — она была членом Новониколаевского партийного комитета. Знакомилась с «техникой» — смывала чернила с паспортов, была хозяйкой квартиры за Ельцом, куда приходили товарищи для встречи.

Особенно памятно одно задание — свидание с А. Тепляковым — «женихом», который был арестован чешской контрразведкой. Это задание мне дала Бердникова и рассказала, как и что делать. Сначала я явилась к начальнику чешской контрразведки полковнику Славеку за пропуском. Славек сказал: «К большевику пропуск не дам». Я тут же стала платочком вытирать глаза и обратилась к полковнику так: «Господин полковник, не так давно и вы были женихом. Вы интеллигентный человек и поймете мои чувства к моему жениху. Он не большевик, он хороший парень. Дайте пропуск к нему». Мой юный вид и подчеркнутое «интеллигентный человек» подействовали на Славека. Он взял какую-то бумажку и что-то написал. Это был пропуск.

Я опрометью бросилась к тюрьме. Караульному солдату протянула пропуск и очутилась в длинном коридоре тюрьмы. Надзиратель отпер последнюю камеру, и оттуда вышел высокий, худой молодой парень в нижней рубахе, по внешности такой, как его описывала Бердникова. Это был «мой жених» — А. Тепляков. Я бросилась к нему, обняла его и тихо сказала, кто я и от кого пришла. Десять минут свидания пролетели. Прощаемся. Тепляков не выпускает моей руки. Я снова плачу, едва достаю до его плеча, обнимаю и снова шепчу про дела в Новониколаевске. Подходит надзиратель, свидание окончилось. Мы расходим-

ся. Теплякова снова запирают в камере. Я ухожу с мыслями о том, что расскажу.

В Новониколаевске я познакомилась с «дядей Васей» (Апучиным), подпольщиками Георгием Соболевским, Марусей Яичниковой и Дусей Шамшиной. Мы все выполняли разные поручения В. С. Опучина и А. В. Бердниковой.

Как-то к ее родителям пришли с обыском. Августу мать заставила горшками в печи (благо печь была холодная). Ее сестру Веру арестовали. Я стала кочевать — где питаюсь, где ночую. Так жила до конца декабря 1918 г.

В ноябре меня послали в Томск. Там я должна была встречать Нейбута, который приезжал на партийную конференцию, ходить с ним по городу, когда нужно.

В конце декабря 1918 г. Омский комитет послал меня из Новониколаевска в Барнаул, чтобы получить деньги.

В Барнауле я вместе с товарищами Сурновым, Тиуновым, Кужелевой, братом и матерью Сурнова и другими на квартире Сурнова встречала Новый год. А потом мы с Еленой Кужелевой уселись отдельно от других на кровати и долго беседовали о делах в Омске.

В начале января 1919 г. я получила распоряжение приехать из Новониколаевска в Омск.

Оказывается, на 1 февраля 1919 г. в Омске было назначено восстание и я должна была вести работу среди солдат. Давали мне задания П. Вавилов и Э. Радо. В ночь на 1 февраля я должна была встретить артдивизион, вывести его на Любинский проспект, перевести по мосту через Омь на Атаманскую улицу, где был кадетский корпус. Однако восстание не состоялось.

В эту ночь я до рассвета стояла возле магазина Шаниной, но артдивизион так и не появился, даже ворота не открывались. Потом я побежала на конспиративную квартиру. Там были Эдмунд Радо и еще какой-то человек. Они были серьезные, молчаливые. Сказали: «Иди домой».

Пошла к родителям. Братья еще спали. Отец надевал валенки. Мать стояла у печи. Я повалилась на сундук и зарыдала. Меня трясло, но не от холода, а от горя, что восстание не удалось. Мать стала стаскивать с меня ботинки и растирать ноги. Утром я уже была на Степной у Зины, спрашивала, когда придет Шнейдер. Мне надо было узнать, что делать дальше.

Арестовали меня в Омске 4 апреля 1919 г. на квартире у Эммы Одынь, куда я явилась под предлогом заказать платье.

Помню, что в день, когда меня арестовали, таял снег, под ногами была жидкая каша. Дойдя до нужного дома, я быстро шмыгнула в ворота. И тут увидела сначала винтовку, а потом

молодого солдата. Я хотела повернуть обратно и вскрикнула: «Я не туда попала». Солдат взял винтовку наперевес, преградив ею мне обратную дорогу. «Туда иди»,— сказал он и кивнул головой в глубь двора. Делать нечего, пришлось пойти. Вошла на крыльцо. Вспоминаю: есть что со мною или нет. В кармане пальто только паспорт на имя Сугробиной — ничего другого нет.

Открыла дверь и тут же увидела солдат и офицера. Офицер сразу же подошел ко мне и обыскал карманы моего пальто. Из внутреннего кармана вытащил паспорт и бросил на стол, где лежали отобранные у товарищей вещи. «Зачем сюда пришла? Кого знаешь из этих людей?» — спросил офицер. «Я никого не знаю. Здесь живет портниха. Она шьет мне платье: белое в черную крапинку,— ответила я.— Вот я и пришла сюда». Ничего у меня не найдя, офицер пошел продолжать обыск, а я быстро схватила свой паспорт и снова сунула его в карман.

Нас всех, кто был в доме, арестовали. Там были: Эмма Одынь, какой-то старик, Сусанна Мезинь, я и еще одна женщина, по-моему, ее звали Антонией.

Было часов пять вечера, когда нас повели в контрразведку, что находилась в здании управления железной дороги. Вели долго. Идти было трудно. Нас втолкнули в помещение на третьем этаже.

Страшную картину мы увидели в коридоре. Арестованных было очень много. Товарищи сидели вдоль стен по обеим сторонам коридора. Я увидела там Александра Масленникова, Михаила Рабиновича и других подпольщиков. Скоро мне передали, что в комнате контрразведки находится Шамшин. Будто его увели туда и больше не выпускают и не показывают. В контрразведке я его не видела.

Первой же ночью я сжевала все листки паспорта, а обложку его, довольно жесткую, я изжевала, но не проглотила, а выбросила в унитаз.

На второй день пребывания в контрразведке меня вызвал на допрос офицер в мышиного цвета солдатской форме. Она назвал меня не по фамилии, а громко сказал: «Гимназистка, гимназистка, на допрос». Я вошла в комнату, где находился только этот офицер, и увидела, что на его столе лежат три шомпола. Вдоль стены стояла широкая скамья, в комнате находился стол и два стула. Офицер, приступая к допросу, почему-то сказал, что он художник, а мне, гимназистке, интеллигентной девушке, должно быть стыдно появляться на квартире у большевиков. Потом замолчал. Я воспользовалась этой паузой и стала излагать свою легенду. Я — дочь священника, уехала из Белебея потому, что хочу учиться. Отца арестовали большевики. Как буду жить?

Не знаю. Есть дальние родственники, но они не здесь. Офицер уставился на меня, оперся щекой на руку, молчал. Форма гимназистки и мой юный вид, а главное, отсутствие всяких улик спасли от расправы. А потом меня отправили в тюрьму.

В тюрьме мы устроили празднование 1 Мая. Разорвав красную кофту Елены Киржнер, мы сшили из кусков флаг и пристроили его ночью к железной решетке окна. Утром вели в баню мужчин. Они увидели флаг и стали выкрикивать: «Да здравствует мировая революция!», «Да здравствуют наши женщины!» Надзиратель стал бить их и заталкивать обратно в камеру.

Во время обеда в нашу камеру влетел казацкий офицер с нагайкой и стал кричать: «Кто сделал флаг, кто посмел вывесить его за окно? В карцер!» Бесновался офицер ужасно. Коекому пришлось отведать нагайки. Зосю Лигети — слабую, хрупкую женщину — казаки вытолкали в коридор и бросили на каменный пол. У нее скоро начался сердечный приступ. Она была без сознания. Офицер погрозил нам и вместе с казаками исчез.

Надзирательница закрыла камеру на ключ, но мы все бросились к дверям и стали колотить чем попало. Кричали: «Зосю к нам! Пустите нас к Зосе!» Надзирательница вынуждена была открыть камеру. Мы внесли Зосю.

Наш красный флаг казаки сняли и изорвали. Ну, что же — мы сделали то, что хотели. Мы отпраздновали свой праздник. Мы живы еще. Мы испугали белых. Настроение наше не было подавленным. Мне от этого очень хорошо было на душе.

Хочу еще рассказать об одной страшной ночи, какую мы пережили в Омской тюрьме. Сердце сжимается сейчас, когда я вспоминаю об этой ночи.

Это было в начале мая 1919 г. Надзирательница вывела нас на 15-минутную прогулку. С нами были три женщины, которые проходили по делу Сибирского областного подпольного комитета. Все молодые, 20—25 лет. Хорошо сохранился в памяти образ Любы Годисовой, этой хрупкой, большеглазой, маленькой женщины. Мы рядом спали на тюремных нарах. Она рассказывала мне о прочитанных книгах. Говорила мне, каким ей хочется видеть человека будущего.

Помню и Шуру Михееву. Она выделялась не столько своим шелковым платьем, красивым пальто, сколько легкостью, женственностью. Всегда гладко причесанная, с тонкими правильными чертами лица, сероглазая, она была самой красивой из нас. О себе говорила мало, беспокоилась о товарище Борисове — «Цветкове», с которым ехала выполнять поручение ЦК нашей партии. Их арестовали в дороге.

Третья — Агния Свищева — высокая, круглолицая девушка-сибирячка. Она была в черном сатиновом платье, и от этого казалась выше ростом, всегда смотрела на молодых с доброй улыбкой. Вот и теперь успокаивает нас, говоря: «Девушки, будьте веселее, чего приуныли? Вот увидите, вернемся».

Не сбылись эти слова. Их увели, а у нас стало пусто на душе. Мы ждали их возвращения весь день. Не дождались. Вечером, сдав дежурство, надзирательница пошла в мужской корпус, но скоро вернулась и сказала нам, что все трое посажены в камеру смертников. Они не вернутся.

Мы стояли на нарах у окна и молчали. Прислушивались к каждому звуку. Настал день — ясный, безоблачный. Никто не радовался этому дню, он прошел в скорбном молчании. А вечером опять у окна столпились все. Их повезут на казнь сегодня ночью. Утром надзирательница кинула нам их записки. Записки короткие, но бодрые: «Не унывайте и не жалейте меня. ...Совершенно спокойно жду своей смерти. Я знаю, за что иду на смерть. Будьте и вы бодры и не падайте духом!» Это подбадривала нас Шура Михеева.

Люба Годисова писала мне: «Верочка, сходи к моей маме и скажи ей: Люба не дрожит, не плачет, пощады у палачей не просит. Поднимутся миллионы и довершат то, что мы начали. Прощай!»

Кто-то всхлипнул, не выдержав. Стали плакать все. Читали и перечитывали эти короткие записки.

Два часа ночи. Хрипло закашляла у ворот тюрьмы грузовая машина. Слезы уже не текли, а лились ручьями по нашим лицам.

«Прощайте, товарищи! Смерть палачам нашим!»

Их увезли в сторону Иртыша. Мы еще долго стояли у окна. Нас было 20 человек. Теперь осталось 17. Кого еще палачи вырвут?

Люба Годисова, Агния Свищева, Шура Михеева — вас убили палачи. Вас нет. Но вы бессмертны. Дело, за которое вы отдали жизнь, живет и будет жить и сиять вечно.

В июне 1919 г. я была освобождена «за недостаточностью улик», а улики «на девушку Дусю» были в контрразведке, но меня не опознали, хотя и писал шпик в контрразведку, что «девушка по имени Дуся ходит в «Крепость» и агитирует солдат». В контрразведке я звалась «гимназисткой», и только. Гимназическая форма позволяла играть роль «интеллигентной барышни».

В Омске мне было уже невозможно работать среди солдат. Вновь созданный Омский городской комитет (помню «Митю»

Кринкина и И. М. Скрябинского) направил меня в Иркутск. Явка была у Шуры Булатовой, которая жила при бирже труда. Совершенно неожиданно в первый же день по приезде я встретила Бердникову. Она меня свела с Любой Литвиной, Дорой Жирковой (я у них стала жить), а потом эти девушки познакомили меня с Василием Букатым, Александром Байковым, «Павликом маленьким» (Москалевым), Анатолием Флюковым и Андреем Сирулем.

Получала задания от Сируля, Байкова и Букатого.

При белогвардейской власти я нигде не работала. Когда я приехала из Екатеринбурга, отец у меня спросил: «А где ты работать будешь?» Я сказала: «При этой власти нигде и никогда работать не буду». Товарищи мне не разрешили работать. Они сказали: «Ты профессиональная революционерка. Будешь работать только в организации». Я горда была этим невероятно.

От предателя Пасютина («Михаила») контрразведка в Иркутске узнала о моей деятельности. Вот что было написано обо мне в докладе начальника контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа: «10. Вера Орлова. Она же «Дуся» — ярая поборница большевизма, пропагандистка».

Меня арестовали вместе с Андреем Сирулем в Иркутске. Вот как это произошло...

Сентябрьское солнце заливает улицу в центре города яркими лучами. Недалеко отсюда иркутский рынок. На рынке толпа: покупают — продают. Всего здесь много, особенно овощей. Я раздвигаю толпу и подвигаюсь вперед. На руке корзина с овощами. Мне надо на главную улицу. Иду на встречу с Пасютиным. Он должен сидеть напротив земской управы и ждать меня, чтобы рассказать о выполнении задания подпольного штаба. А я должна передать это Андрею Сирулю — руководителю подпольной организации. Вот и управа. Напротив скамья. Пасютин уже здесь. Но что-то странное с ним. Он не смотрит на меня и не говорит о своем задании, а только пытается узнать, кого сегодня увижу. На его вопросы я не отвечаю. Мой первый учитель конспирации Антон Валек учил меня: лишнее не спрашивать и на вопросы, особенно связанные с людьми, не отвечать.

Возле дерева, в трех шагах от нас, стоят двое мужчин: курят, смотрят часто в нашу сторону, но делают вид, что им я совершенно безразлична. Ничего толком не узнав от Пасютина, я говорю ему приглушенным голосом: «Ты, Михаил, какой-то странный сегодня». Он на это ничего не ответил, но тут же сказал: «Вон, Андрей возле управы. Тебя, наверное, ждет». Я поднялась и пошла через улицу к Андрею Сирулю. Он сидел на ступеньке

у здания. Я не успела ничего произнести, как возле меня очутился один из мужчин, что стояли возле дерева, и сказал Андрею: «Вы арестованы». Я хотела сделать вид, что мне здесь делать нечего, и пыталась уйти в переулок, но услышала: «И вы арестованы». Я возмутилась: «Что вы на улице хватаете людей? Я хотела устроиться сюда работать машинисткой. Я — безработная».— «Там узнают, кто ты»,— был ответ. Он повел нас в контрразведку. Андрей был бледен. Думаю, что и я побледнела,— ведь знала, как зверствует белогвардейская контрразведка. Сразу подумалось и о товарищах, работавших в подпольной организации: уцелели ли они? Мучил вопрос, кто повинен в провале. Я не знала тогда, что предатель — Пасютин.

В контрразведке нас посадили друг против друга. Контрразведчик ушел, видимо, докладывать о нас. В коридоре никого не было. Молниеносно Андрей вытаскивает из верхнего кармашка пиджака маленькую записную книжечку, вырывает из нее несколько листков, сует их себе в рот, кашляет, но глотает изжеванные листки. Затем вырывает остальные листочки и также молниеносно сует их мне, показывая, что мне сделать. Книжечка уничтожена. Теперь глаза у Андрея горят. Он смотрит на меня с какой-то особенной твердостью и спокойствием. Его твердость передается и мне.

Вечером под конвоем двоих верховых и троих пеших солдат отправили нас с тюрьму.

В колчаковской тюрьме свирепствовали тогда тиф и дизентерия. В Иркутскую тюрьму контрразведка сгоняла людей из Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Челябинска, Новониколаевска и других городов Сибири.

Андрея я больше не видела. Фельдшерица Зина Богоявленская, добровольно ухаживавшая за политзаключенными тюрьмы, сообщила мне, что Андрей умер. С его женой я познакомилась уже в 1922 г. в Москве.

Вот что я хотела рассказать об Андрее. Я с ним часто виделась. Он давал мне разные поручения, и я гордилась тем, что получаю их от руководителя подпольной организации большевиков.

Однажды я увидела фотографию мужчины с подписью «Г. Суудер». На ней молодой человек, хорошо одетый. Андрею Сирулю в 1919 г. было 36 лет, но я сразу вскрикнула: «Андрей Сируль». Суудер и Сируль — одно лицо.

В ночь с 30 на 31 декабря 1919 г. в коридоре Иркутской тюрьмы послышался звон ключей надзирательницы и раздался топот мужских ног.

Я еще не оправилась от тифа и воспаления легких, которые свалили меня одновременно, потому не могла выйти из камеры и посмотреть, что происходит, а стояла, держась за притолоку. Камеру надзирательница открыла. Вдруг по лестнице на второй этаж поднимается мужчина в белом полушубке и в шапке-ушанке и направляется ко мне. Я не успела разглядеть его и понять, кто это, как он схватывает меня в охапку и несет во двор. Это был товарищ «Кепка»[1] — так мы звали его в подполье.

При свете горевшей в коридоре тюрьмы лампочки я увидела огромные сани с соломой, в которые не посадил, а положил меня «Кепка». Меня повезли в штаб повстанческого комитета. Какое счастье! Задыхаюсь от радости. Спасена товарищами, восставшими за два дня до военно-полевого суда. И снова окунаюсь в работу.

---

[1] «Кепка» — И. М. Касаткин. *(Сост.)*

С.Г.Черемных,
член КПСС с 1917 г.

НИНА ЗАЛИВИНА

Как-то участники гражданской войны — группа сибиряков и дальневосточников — собрались на вечер воспоминаний. Непосредственным поводом к этому послужил запрос Омского краеведческого музея. Омичи спрашивали: кто такая Елена Тихонова, работавшая в Омском большевистском подполье в 1918—1919 гг., какова ее судьба? Ответили, что Елена Тихонова — это Нина Тимофеевна Заливина, и сообщили все, что мы о ней знали.

Нина Заливина приехала в Омск из Красноярска летом 1918 г., вскоре после контрреволюционного переворота в Сибири. Работала в больничной кассе с паспортом на имя Елены Михайловны Тихоновой, а жила по паспорту Чеканинской. В нелегальной же парторганизации Омска Заливину в то время знали только по кличке «Елена».

Эта тройная конспирация была совсем нелишней для нее. Нина вела опасную политическую и организаторскую работу среди солдат белой армии. Она заводила знакомства с новобранцами, улавливала их настроения и постепенно отбирала кадры для формирования нелегальных большевистских ячеек.

В марте 1919 г. «Елена» попала в поле зрения белогвардейской контрразведки. Как раз в это время в Омске появился провокатор Барболин (агент «Никольский»). И пока его не выявили и не расстреляли, он сумел выдать нескольких коммунистов, в том числе и Елену.

Из сообщений Барболина колчаковская охранка установила, что Елена Тихонова в Омской большевистской организации занимает видное положение, бывает на заседаниях комитета партии и, возможно, она является хранителем партийных денег. Провокатор подробно описал внешность «Елены», назвал место ее службы, адрес.

2 апреля 1919 г. был отдан приказ об аресте «Тихоновой»,

но это оказалось не так просто сделать. Ее искали на Екатерининской, 35; ставили засаду на Тобольской, 16; наконец, 5 апреля явились на Каинскую, 13. Здесь белогвардейцы действительно могли бы схватить «Елену», и тогда бы ей не миновать расстрела, но за несколько дней до этого она получила от Сибирского подпольного комитета РКП(б) задание и выехала в Новониколаевск. А там у нее были другой паспорт и другая кличка.

Нина Заливина родилась в Красноярске в 1897 г. в семье железнодорожного служащего, выходца из крестьян. Там же она училась в женской гимназии «по бедности родителей на казенный счет».

Нина отличалась большими способностями в учении и постоянным стремлением к знаниям.

Будучи человеком серьезным, Нина в то же время обладала веселым, общительным характером. Она хорошо пела. Ее задушевный, мягкий, грудной голос и теперь памятен тем, кто общался с ней. Хорошо Нина играла на мандолине и поэтому всегда участвовала в выступлениях ученического струнного оркестра.

Она была очень подвижна. Зимой часто ее можно было встретить с коньками, а летом Нина собирала группу молодежи и отправлялась верст за 15 от Красноярска, в тайгу, на так называемые «Столбы».

Радостно было встречать там восход солнца на высоких диких скалах, не уставая смотреть на вьющуюся голубую ленту Енисея, теряющуюся в таежной дали, окутанной дымкой утренней зари. Здесь юные души охватывала революционная романтика. Издалека на малодоступной площадке Второго столба была видна надпись «Свобода!», сделанная огромными — в рост человека — буквами, на Первом столбе — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Молодые люди, посещая «Столбы», конечно, знали, что здесь в дни революции 1905 г. проходили митинги, печатались революционные прокламации, а на вершинах «Столбов» были вывешены красные флаги. По приказу карателей флаги сорвали, а вот надписи оказались для жандармов недоступными, продолжая звать к революционной борьбе.

Летом 1916 г. Нина Заливина познакомилась со ссыльным инженером Николаем Леонидовичем Мещеряковым. Это был человек широко образованный, хорошо знавший русскую и иностранную литературу, крупный марксист, лично знакомый с В. И. Лениным и Н. К. Крупской. Мещеряков и его жена Анна Ивановна тянулись к молодежи. В 1916 г. вокруг них организовался кружок из девушек, только что окончивших женскую гим-

назию. В этом кружке, кроме Нины Заливиной, были Вера Литвинцева, Галина Клопова, Зина Прокопович, Зина Климовская, Лиза Касимовцева, Лиля Новикова, Женя Кламмер.

На первом же собрании Николай Леонидович поставил вопросы: «Что такое истина?», «Что такое прогресс?». По своим ответам девушки сами увидели, какие же они «зеленые». Впервые перед ними предстал материалист. Как будто сухой и резкий, он покорял своей логикой и горячей убежденностью.

Мещеряков дал девушкам прочитать книги: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова.

В дальнейшем он провел еще несколько занятий-бесед в этом кружке, во время которых ознакомил девушек с идеями революционного преобразования общества, изложил программу большевиков и ее отличия от программ других политических партий.

Осенью 1916 г. эти девушки разъехались на учебу. Нина Заливина приехала в Москву, в университет Шанявского.

Приехавшие из Красноярска девушки поселились вместе большой группой. Так образовалось у них общежитие, которое они впоследствии называли «Сибирская коммуна на Девичьем Поле».

Большое влияние оказывал на девушек хозяин квартиры Иван Афанасьевич Баутин[1]. Он работал ответственным секретарем журналов «Новый колос» и «Бюллетень иностранной литературы». Иногда к нему приходили писатели: Николай Никандров, Семен Подъячев, Федор Гладков. Они были гостями и девичьей коммуны.

Осенью 1916 г. студент Московского университета большевик Черных привлек Зину Прокопович к изучению первого тома «Капитала». Затем несколько раз такие занятия (руководил ими Петр Смирнов) проходили и в «Сибирской коммуне на Девичьем Поле».

Через Черных в коммуну стала попадать и нелегальная литература. Первым был «Манифест Циммервальдской конференции».

Девушки посещали лекции, выставки, театры, музеи, много читали. Интересы коммуны могут характеризовать книги, преподнесенные в подарок к новому, 1917 году: Нине Заливиной

---

[1] И. А. Баутин в 1918 г. был председателем Забайкальского областного Совета, в 1919 г. он, находясь на подпольной работе в Амурской области, был арестован и расстрелян. *(Сост.)*

подарили «Развитие капитализма в России» Ленина, Марии Поляковой — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова, Галине Клоповой — «Финансовый капитал» Гильфердинга, Зине Прокопович — книгу Бельше «Любовь в природе».

В конце февраля 1917 г. Черных в столовой университета передал девушкам коммуны пачку прокламаций, разъясняющих революционные события в Петрограде. Гордые поручением, они вышли вечером на Большую Царицынскую и раздавали их прохожим. Сами они читали эту прокламацию с восторгом. Поняли, что начинается то, чего люди давно ждали.

Первые дни Февральской революции девушки провели главным образом у здания городской думы или на улицах,— везде, где шли летучие митинги, где спорили и выступали. Впоследствии в автобиографии Нина Заливина писала, что Февральская революция ее «закружила, увлекла», поэтому она в марте 1917 г. оставила университет Шанявского, вернулась в Красноярск и здесь вступила в ряды РСДРП(б), стала работать в газете «Красноярский рабочий» корректором, помощником секретаря редакции и в Совете профессиональных союзов по организации культурно-просветительной деятельности.

Летом 1919 г., после контрреволюционного переворота в Сибири, Нина была вынуждена покинуть Красноярск. Она очутилась в Омске и здесь при помощи Г. Н. Войтинского и И. А. Кузнецова связалась с большевистским подпольем и включилась в его работу.

Я встретил Нину Заливину в Новониколаевске в мае 1919 г. Ей тогда было 22 года. Открытое лицо, спокойный взгляд голубых глаз, весь ее облик внушал доверие и уважение. Впечатление это не обманывало, она действительно была прямым, рассудительным, принципиальным человеком и надежным товарищем.

В Новониколаевске Нина Заливина работала парторганизатором района. Звали ее здесь Верой. У нее была подруга Мария Кузнецова, учительница, такая же молодая, как и она, и такая же бесстрашная. Мария тоже вступила в ряды РСДРП (б) в Красноярске в 1917 г., позже работала в большевистском подполье в Омске и Томске. Обе девушки были в Новониколаевске на положении профессиональных революционерок, вкладывали в дело всю свою душу. Но их деятельность здесь неожиданно прервалась.

В июльское утро 1919 г. я пришел в дом, где жили Заливина и Кузнецова, и застал их обеих крайне взволнованными. По району, где работала Нина, проходили аресты участников большевистского подполья. Девушки сознавали надвигающуюся на

нас опасность. В городе действовали три контрразведки: русская, польская и чехословацкая. Кто идет по нашим следам, откуда будет удар и когда, мы не знали.

— Больше нам здесь работать нельзя,— сказала Нина решительно.— Надо уходить из города и поскорее.

— Куда?

— Поедем вместе во Владивосток.

— Зачем так далеко? Красная Армия наступает, она уже на Урале.

— На Дальнем Востоке огромный размах партизанского движения. Там до своих ближе,— объяснила Нина.

Ее доводы казались убедительными. Кроме того, я знал, что белогвардейские контрразведчики усиленно разыскивали меня в мае 1919 г. в разных местах, и не только в Омске, но и в Новониколаевске.

Обе девушки исчезли из Новониколаевска в тот же день. Через некоторое время и я, получив в парторганизации партийную явку в Иркутск и документы для проезда «в распоряжение Владивостокского воинского начальника», оставил Новониколаевск и направился в далекий путь. В Иркутске от А. В. Бердниковой я получил партийную явку во Владивосток и отправился туда.

После этого переезда я понял, как мало был подготовлен к нему и как легко я мог «влипнуть» по дороге, в особенности на границе с Маньчжурией. Во Владивостоке меня приняла секретарь нелегального Дальневосточного комитета РКП(б) М. М. Сахьянова. Она вручила мне новый паспорт, предложила пойти работать на судостроительный завод и там же стать парторгом.

Спустя полтора месяца меня избрали в состав Дальневосточного комитета РКП(б) заведующим организационным отделом.

Нина была назначена парторгом железнодорожного района Первая речка. В этом районе было три партийных ячейки в железнодорожном депо, по одной ячейке на мельнице, на стекольном заводе Пьянкова, на фанерном заводе в Кипарисово, две — на Второй речке, в военном гараже и у сербов (интернационалистов, штрафных солдат) и другие. Вера ходила по этим ячейкам вместе с рабочим «Временных мастерских» А. И. Савельевым или «Федором» (Шумятским), устраивала собрания, беседы по текущему моменту, рассказывала об успехах Красной Армии, о революционной борьбе в тылу Колчака.

Антон Иванович Савельев рассказывает в своих воспоминаниях, что Вера, встречаясь с ним на партийной работе, познакомилась и с его семьей, беседовала с соседями, приводила к ним бежавших из «эшелона смерти». Их нужно было размещать

по квартирам рабочих и до поры укрывать, чтобы затем, снабдив паспортами, вновь открывать им путь для революционной борьбы.

Всегда в серой панаме на голове, в стареньком жакете, в серенькой юбочке, Вера выглядела скромной рабочей девушкой.

Она хорошо знала быт, надежды, горе и радости рабочих, понимала их и любила, и те понимали и любили ее. Она владела всеми качествами партийного работника. Так рисует ее облик А. И. Савельев. Он же вспоминает и такой эпизод:

«Возвращаясь домой после беседы с сербскими солдатами в лесу на Второй речке, я сказал ей: «А заметила ты, как этот рыжий серб вертелся около тебя?» И тут же пожалел. Она не обиделась и не возмутилась, а, подняв брови, с удивлением ответила: «Что ты, Антон! Как ты не понимаешь! Да ведь это сербы, южные славяне, они настолько эмоциональны, что при малейшей радости способны обнять и расцеловать первого встречного без всякой задней мысли. А ведь этот солдат — рабочий — он больше других распропагандирован нашей революцией и от одной только встречи с нами мог разволноваться до слез».

Вот эта ее вера в чистоту помыслов и переживаний рабочего, ее знание души человека, мечтающего о свободе, ее любовь к простым людям и делали ее такой привлекательной».

В последние дни января 1920 г., когда готовилось вооруженное восстание против колчаковской власти в Приморье, мне пришлось вместе с Верой, «Власовой» (В. А. Васильевой) и Е. С. Гуревич обеспечивать связь Объединенного ревштаба. Помню, что в ночь на 31 января 1920 г. ревштабу понадобились автомашины для переброски воинских частей. Взять их можно было в военном гараже. Но как? Послать отряд? Начать преждевременную перестрелку и рискнуть этим отрядом? Решили поручить Вере добыть автомашины. С приказом ревштаба в кармане она явилась к начальнику военного гаража и потребовала перебросить все автомашины в Гнилой Угол в распоряжение революционного командования. Командир autoроты, колчаковский офицер, прочитав приказ, с удивлением посмотрел на отважную девушку.

— И вы не побоялись явиться ко мне с этим?

Вера, конечно, боялась, но ответила спокойно:

— К утру колчаковской власти не будет в городе. Чего же бояться?

Автомашины были отправлены в назначенное место.

Помню, что у Заливиной и Кузнецовой были прекрасные голоса (у одной меццо-сопрано, у другой — контральто). Они любили петь народные и революционные песни.

Помню, как-то Вера предложила мне пойти вместе на симфонический концерт. Я был в простой рубашке, без галстука и небритый, чувствовал себя неловко в большом светлом зале среди нарядных дам и офицеров. Но Вера заметила это и сказала: «Не обращай внимания». Музыка, которую я слышал впервые, произвела на меня огромное впечатление.

После японского выступления в Приморье 4—5 апреля 1920 г. Вера была послана с ответственным партийным поручением через Китай, Монголию, Иркутск в Москву. Это поручение она выполнила успешно.

В конце двадцатых годов Нина Заливина работала членом президиума ЦК профсоюза работников общественного питания. Осенью 1931 г. партия направила ее на учебу. Нина готовилась стать инженером, организатором пищевой промышленности. Училась она хорошо. В то же время она, как всегда, вела большую партийную работу: в Академии снабжения, где она училась, Заливина была секретарем партийного комитета.

Оценку деятельности Нины Заливиной на посту секретаря партийного комитета академии выразила в своих воспоминаниях слушательница Ф. Дубинская. Она писала: «Политическая четкость, глубокая партийность, ясность выдвигаемых задач, глубокое понимание перспективы в работе — эти качества дали Нине возможность в короткий срок изменить лицо академии... Ни один вопрос не проходил мимо ее внимания, со всеми вопросами товарищи шли к Нине».

В канун окончания академии, летом 1934 г., Нина Заливина внезапно умерла.

Из гражданской войны она вышла с туберкулезом легких и уже всю остальную жизнь была очень больным человеком. Несмотря на тяжелый недуг, Нина всегда сохраняла свой оптимизм, энергию, неустанно трудилась и никогда не забывала о партийном долге.

Русские врачи прошлого столетия своим символом считали горящую свечу и надпись: «Светя людям, сгораю». Так с полным основанием могла бы сказать о себе Нина Заливина, вся жизнь которой — подвиг во имя счастья народа.

С.Г.Черемных

ЕЛЕНА-АВГУСТА

А впереди —
как живая песня,
Идешь ты,
стараясь быть незаметной.
Девушка в полушубке,
воскреси
Такой же юной,
двадцатидвухлетней!
Воскреси
на боевой перекличке
Вещей силой воображения:
Елена —
по давней кличке,
Августа —
по паспорту и рождению.

(Из поэмы Казимира Лисовского «Сумасшедший поезд»)

В Елене-Августе Бердниковой не было ничего необычного. Она была увлечена идеями Октябрьской революции и всем своим существом стремилась к борьбе за победу этих идей. Таких девушек в большевистском подполье было немало. В то же время Елена-Августа, как и всякая другая большевичка-подпольщица, отличалась своеобразием, неповторимостью.

В дни Октябрьской революции Августе исполнилось 20 лет. В это время она уже была членом РСДРП(б) и участницей установления Советской власти в Новониколаевске.

Ее способности и стремления были замечены. В феврале 1918 г. она была избрана в городской партийный комитет. Так она включилась во все дела по укреплению Советской власти и партийной пропаганде. Она участвовала в кампании по выборам в Учредительное собрание, в организации Красной гвардии, в отправке продовольствия в Центр из Сибири. Большую работу она провела и по созданию Социалистического союза рабочей молодежи.

Но вдруг неожиданно обстановка в Сибири резко изменилась.

В ночь на 26 мая 1918 г. чехословацкий корпус вместе с русскими белогвардейцами осуществили контрреволюционный переворот. В эту ночь Августа была арестована вместе со многими другими советскими работниками.

Помещение городской управы, куда привели Августу, было набито арестованными. Здесь она встретила Федора Серебренникова — своего партийного руководителя. Вместе они подошли к Федору Горбаню, комиссару труда и председателю комиссии по борьбе с контрреволюцией, а потом к председателю Бюро профсоюзов латышу Адольфу Клепперу и устроили совещание арестованных членов партийного комитета. Решили обратиться к рабочим, чтобы они потребовали восстановления Советской власти и освобождения арестованных. Письмо такого содержания, адресованное Совету профсоюзов, тут же написал Клеппер.

На другой день, 27 мая 1918 г., в Новониколаевске состоялась конференция профессиональных союзов, и она, обсуждая текущий момент, приняла резолюцию, в которой переворот, совершенный чехословаками при содействии буржуазии, объявила контрреволюционным. Конференция заявила о непризнании новой власти, потребовала восстановления Советов и немедленного освобождения арестованных.

Через несколько дней Августа была переведена из городской управы в арестный дом, и здесь она узнала о трагедии, которая произошла накануне. В ночь на 4 июня 1918 г. все заключенные арестного дома были выстроены во дворе. Из них вызвали пятерых: А. И. Петухова, Ф. П. Серебренникова, Ф. И. Горбаня, А. И. Шмурыгина, Д. М. Полковникова. Это были руководящие деятели Советской власти в Новониколаевске. Их вывели на берег Каменки и там прикончили штыками и шашками. Августа слушала о гибели дорогих ее сердцу людей с глубоким волнением и не могла удержаться от слез.

В конце июля 1918 г. эсеро-меньшевистская следственная комиссия выпустила Августу на свободу. Сразу же она была включена в состав подпольного комитета и приняла на свои плечи значительную часть его работы.

Август 1918 г. в Новониколаевске был отмечен общегородской забастовкой рабочих. Для руководства ею был создан стачечный комитет во главе с большевиком Георгием Богдановым. Забастовку начали строители под руководством большевика И. Д. Шамшина. 6 августа забастовали грузчики, руководимые большевиком Касьяновым. 7 августа начали бастовать печатники (руководитель — большевик А. Денисов), за ними рабочие мельниц, чугунолитейного завода и коммунальных предприя-

тий. Всего забастовкой было охвачено свыше 3000 человек. Они требовали улучшения условий труда, освобождения арестованных советских работников и пленных красногвардейцев, установления демократических свобод.

Сибирское правительство категорически отказалось обсуждать с рабочими требования политического характера и в туманных выражениях обещало рассмотреть профессиональные требования. К ликвидации забастовки были привлечены управляющий уездом, комендант города, командующий чехословацкими войсками, и они совместными усилиями к 15 августа подавили забастовку. Стачечный комитет был арестован. Все помещения у профсоюзов отобраны. Некоторые из профсоюзных активистов вынуждены были выехать из города.

Рабочие не добились удовлетворения своих требований. Все же забастовка имела крупное политическое значение. Главный итог ее заключался в том, что даже политически отсталые рабочие поняли, что эсеры и меньшевики действуют совместно с кадетами и белогвардейцами и являются врагами рабочего класса.

Учитывая, что забастовка вызывает обострение политической борьбы, Августа вместе с председателем стачкома Г. Богдановым еще в ходе забастовки подготовила выпуск листовки, которая должна была готовить рабочих к новому этапу борьбы. Листовка призывала: «Тесней ряды вокруг своих организаций, создавайте тайные кружки, вооруженные отряды, чтобы по первому нашему призыву вступить в схватку с узурпаторами народных прав». Листовка заканчивалась лозунгами: «Все на защиту власти рабочих и крестьян! Да здравствует социалистическая революция!»

В связи с разгромом профсоюзов из состава подпольного партийного комитета выбыли активные участники профсоюзного движения: Дрягин и Кутергин, скоро (в начале сентября 1918 г.) была арестована В. В. Бердникова. Из состава подпольного комитета осталась одна А. Бердникова.

Учитывая сложившуюся обстановку, она еще в августе съездила в Омск за помощью. Омский подпольный партийный комитет направил в Новониколаевскую организацию В. А. Орлову и бежавшего из концлагеря Г. К. Соболевского. Затем стараниями Августы в Новониколаевске в августе 1918 г. была созвана нелегальная партконференция, которая возродила городской партийный подпольный комитет в составе: Г. К. Соболевский (председатель), В. С. Опучин и А. В. Бердникова (секретарь).

Успешно подпольной парторганизацией могли руководить только люди с героическим складом характера. Такими яркими

личностями были профессиональные революционеры. В этом составе комитета только Августу можно относить к такой категории людей. На ее плечи и легла вся ответственная организаторская работа. За короткий срок партийные ячейки были созданы на всех предприятиях города. Работали два райкома партии: Вокзальный и Закаменский. Весной появился и третий район — Центральногородской.

Лето и осень 1918 г. — это период, когда большевики в Сибири видели свою задачу главным образом в том, чтобы разоблачить контрреволюционную сущность эсеро-кадетской власти и политически подготовить трудящихся к ее ликвидации. II Сибирская подпольная конференция РКП(б), созванная в Томске в середине ноября 1918 г., поставила свержение белогвардейской власти не только как конечную цель революционной борьбы, но и как непосредственную задачу.

На пути к решению этой задачи были большие трудности и опасности. Но это не уменьшало активности подпольщиков. Наоборот, величие задачи порождало рост революционной активности и энтузиазм.

Военный штаб при подпольном комитете партии в Новониколаевске был создан еще осенью 1918 г. Сначала в нем работали А. Бабра и И. Шамшин. Зимой 1918/19 г. в нем стали работать А. Бердникова вместе с А. Домбровским.

Главное в подготовке свержения белогвардейской власти — это формирование вооруженных сил, способных выполнить эту задачу. Главное в формировании армии восстания — это партийно-организаторская работа в войсках противника.

В конце 1918 г. в Новониколаевске были размещены: 1-й Новониколаевский сибирский полк — 1770 чел., 2-й кадровый Барабинский сибирский полк — 2287 чел., унтер-офицерская школа — 428 чел., один батальон Енисейского сибирского полка — 102 чел., один батальон Барабинского действующего полка — 1020 чел., Казанская дивизия особого назначения — 400 чел., чешский гарнизон — 500 чел., сербский отряд — 200 чел. и части 5-й польской дивизии[1].

Военный штаб подпольного партийного комитета основное внимание обратил на колчаковские и польские полки. В колчаковские полки по мобилизации было призвано много молодежи, недовольной колчаковской властью. Среди них были красногвардейцы и даже члены партии. Этим создавались благоприятные условия для формирования внутри колчаковского войска подпольных революционных групп.

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 200, л. 5.

О политических настроениях в частях польской дивизии можно судить по документам того времени. В письме штаба главного командования Колчака, посланном главнокомандующему союзными войсками в Сибири генералу Жанену, сообщалось, что 1-й и 2-й стрелковые полки этой дивизии ненадежны, инженерный батальон может восстать и перебить всех офицеров. К борьбе с большевиками, по мнению авторов этого письма, пригодны лишь 3-й стрелковый полк, размещенный по линии железной дороги от Новониколаевска до станции Татарской, 4-й полк (кавалерийский), 5-й полк (артиллерийский) и штурмовой батальон[1].

Начальник Новониколаевского пункта контрразведки в донесении утверждал, что преступными настроениями в польских частях охвачено 10 процентов, из них 450 человек под предлогом назначения в нестроевые части будут обезоружены[2].

Главным пунктом связи с организаторами революционной работы в колчаковских частях была квартира А. Денисова. Такую же роль для польских частей играла квартира Иосифа Свильпова.

В связи с этой работой Елена-Августа пережила один из опаснейших периодов в своей жизни. События развивались так. Вечером 4 марта 1919 г. она спешила на Обдорскую, 35, где квартировал Иосиф Свильпов. Августа подошла к высокому забору знакомого дома, отворила калитку и вдруг столкнулась с польским солдатом.

— Стой! Куда идешь?

— Вот сюда, в ту квартиру,— ответила Бердникова, указывая не на квартиру Свильпова, а на соседнюю,— я иду за ситом.

Но хитрость не удалась. Августа была задержана. При личном обыске у нее обнаружили подготовленную для передачи в нелегальную типографию рукопись — бюллетень, в котором рассказывалось о борьбе Красной Армии и партизан, а также содержались призывы к трудящимся и солдатам армии Колчака объединиться и выступить на борьбу с колчаковской властью.

В этот день, кроме Августы, были арестованы на Обдорской улице, 35 проживающие там И. А. Свильпов и его жена Е. Ф. Свильпова, два поляка — «Адам» и «Малиновский», на Омской, 15, в квартире родителей Бердниковой, подпольщица Мария Яичникова, пришедшая помочь старикам, лежащим в тифу, и квартирант Бердниковых С. А. Тучин. Все арестованные были приведены на допрос в польскую разведку.

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 36, л. 16.
[2] Там же, л. 4.

Августу допрашивал начальник контрразведки Панковский. Он отрекомендовался как человек, сочувствующий социал-демократии. Вообще вел себя с подчеркнутой любезностью, рассчитывая, как видно, что это произведет на Елену-Августу нужный эффект. Но ее ответами на вопросы остался недоволен.

— Я хотел вам помочь, но вы сами себя губите. Вам предстоит военно-полевой суд. А результаты его известны.

На другой день всех арестованных перевели на гауптвахту.

Во время ареста у Елены-Августы, кроме рукописей подпольного бюллетеня, находилась и другая нелегальщина: в складках юбки были зашиты явочные адреса подпольных организаций других городов Сибири. При первом обыске они остались незамеченными. А после, еще во время пребывания в польской разведке, был момент, когда Елена-Августа незаметно распорола складку юбки и с помощью Марии Яичниковой раздергала лоскутки ткани с записями явок по ниточкам. Тут она почувствовала, как будто гора упала с ее плеч. Все же оснований для беспокойства было еще много. Главное в том, что с арестом Елены-Августы для подпольной парторганизации исчезли и многие внутренние связи. Ведь никаких возможностей для передачи всех своих дел подпольному комитету партии она не имела. И это ее мучило.

На гауптвахте арестованные, обсуждая сложившуюся для них ситуацию, пришли к заключению, что Елене-Августе надо отсюда бежать и возможность для этого есть. Дело в том, что заключенных три раза в день выводили в уборную, которая находилась во дворе у забора. В этой уборной обнаружилась широкая доска задней стенки, которую можно было раскачать. Ее сразу начали раскачивать. И раскачали так, что она стала послушной. Вечером, который, кстати, оказался сумрачным, женщин из военной гауптвахты повели в уборную. Сопровождал их польский конвоир. По дороге Е. Ф. Свильпова завела с ним разговор по-польски. Солдат оказался сочувствующим и даже спросил: «Как вам помочь?» Ему ответили: «Ничего не замечайте». Когда подошли к уборной, Свильпова осталась с конвоиром, продолжая отвлекающий разговор, а Елена-Августа с Марией Яичниковой вошли в уборную, легко вынули доску в задней стенке уборной и вышли к забору. Тут Яичникова уперлась руками в стену, а Бердникова взобралась ей на спину и попыталась перелезть через забор, но сорвалась и упала. Несмотря на ушибы, она снова залезла на спину Яичниковой, а потом встала ей на плечи и таким образом перебралась через забор.

После этой операции Мария Яичникова с будничным видом выходит из уборной.

— А где ваша подруга? — спрашивает конвоир.

— Она еще там,— был ответ.

Прошло еще несколько минут. И когда выяснилось, что «там» никого нет, Елена-Августа уже отъехала на извозчике от гауптвахты довольно далеко. Она исчезла бесследно.

До этого, в день перевода арестованных из польской контрразведки на гауптвахту, убежали от конвоира оба польских товарища — «Адам» и его заместитель по партийной работе в частях польской дивизии. Все это вызвало в контрразведке, как польской, так и колчаковской, большой переполох. В тот же вечер, когда бежала Елена-Августа, в городской тюрьме, в камере, где находилась в заключении Вера Бердникова, появился комендант города. Уставившись тяжелым взглядом на Веру, он спросил ее грубо:

— Где ваша сестра?

— Я вас должна спросить об этом, господин полковник. Я восьмой месяц здесь, в заключении,— что я могу знать.

— Вашим глазам верить нельзя.

Комендант резко повернулся и вышел. Зачем он приходил — неизвестно.

Можно полагать, что расчет польской контрразведки раскрыть всю военную организацию коммунистов в польских частях и все партийное руководство через аресты на квартире Свильпова и Бердниковой 4 марта 1919 г. не удался. Партийные связи с польскими частями были нарушены, но частично. Партийная работа здесь продолжалась.

Однако в июне 1919 г. противник нанес этой работе новый и более сильный удар. Что произошло, об этом можно судить по информации, которую дал в штаб Омского военного округа начальник Новониколаевского пункта контрразведки. Он сообщил, что 1 июня 1919 г. раскрыта польская военная организация партии большевиков, поставившая своей целью захват власти в Новониколаевске. Один из арестованных по этому делу, бывший подпоручик русской армии, ныне стрелок польских войск Павел Дродейко, дал исчерпывающие сведения о деятельности этой организации. По обвинению в принадлежности к ней было арестовано 14 польских солдат и трое русских подданных: Алексей Павлов, Михаил Юрлов, Максим Жлобинцев. Военно-полевой суд при штабе 5-й польской дивизии приговорил из 17 обвиняемых 10 — к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 6 июня 1919 г. В числе этих десяти были Павлов, Юрлов и Жлобинцев. В отношении остальных 7 обвиняемых дела переданы в полковой суд[1].

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 36, л. 39.

Этот провал, как и другие, которые постигли парторганизацию Новониколаевска летом и осенью 1919 г., поставили ее в такое положение, когда она в деле свержения белогвардейской власти в Сибири уже не могла сыграть большой роли.

После побега Елена-Августа пришла к своей бывшей учительнице К. С. Полянской и попросила укрыть ее на несколько дней. Эта просьба вызвала горячее сочувствие. Бердникову устроила на свою квартиру директор гимназии С. П. Тыженова, она даже выписала для нее ученическое удостоверение.

На следующее утро Августа встретилась с членами подпольного комитета партии и передала им свои связи. Вместе было решено заменить некоторые явочные квартиры, привлечь к работе новых людей. Все это обеспечивало продолжение подпольной работы в Новониколаевске.

Так как Бердниковой оставаться здесь было далеко не безопасно, то Сибирский подпольный комитет решил ее направить в Иркутск для налаживания там партийной работы. В конце марта 1919 г. Августа, познакомившись с решениями III Сибирской подпольной конференции, выехала сначала в одну из деревень Новониколаевского уезда, где она несколько дней прожила в латышской семье, затем ее увезли на тихую станцию и усадили в иркутский поезд.

Иркутская подпольная партийная организация до весны 1919 г. была немногочисленна. И потому, как заявила об этом на III Сибирской подпольной партконференции делегат от Иркутска Е. И. Дерябина, что она страдала от безлюдья и безденежья. С весны 1919 г. положение стало резко меняться к лучшему. В Иркутск стали прибывать партийные активисты, получившие опыт подпольной работы в других городах Сибири. Среди них были: П. Ф. Москалев, И. А. Дорофеев, Д. К. Чудинов, К. П. Чудинова, В. А. Орлова, А. В. Байков, Л. В. Решетников, Д. Жиркова, Л. Литвина, З. Н. Шахматова и многие другие. Одной из первых среди прибывших была А. В. Бердникова. По прибытии в Иркутск она была включена в состав партийного комитета и в налаживании партийной работы сыграла большую роль.

Вот что рассказала об этой поре и об Елене-Августе одна из участниц большевистского подполья в Иркутске К. П. Чудинова:

— Вспоминаю нашу первую встречу с Августой в Иркутске. Это начало апреля. С Ангары дует холодный пронизывающий ветер. Четверо молодых людей (Августа Бердникова, Дмитрий Чудинов, Георгий Ржанов и Ксения Чудинова.— *С. Ч.*), не замечая холодного ветра и неприятного крупитчатого снега, ходят по берегу, спорят, обсуждают, как лучше организовать работу

подполья, как подготовить встречу 1 Мая (а она была организована неплохо), какую выпустить листовку к 1 Мая. А главная тема разговора — как объединить разрозненные группы коммунистов, ведущих работу в разных районах, как установить связь с партийцами, работающими в Иннокентьевке, в Черемхове, в железнодорожных мастерских...

Встретились мы с Августой, и на душе стало легко — ей веришь до конца. Она знает мою судьбу. Она организовала мой побег из Новониколаевской тюрьмы, скрывала и оберегала меня, моего мужа и нашего ребенка... Она замечательный человек, даже не человек, а явление, созданное и выкованное тяжелейшими условиями подполья. Чудесный сплав горячего сердца и твердой воли. Бердникова вся в партийной работе. Сказать об этом необходимо, чтобы дать представление о руководителе Иркутского подполья.

Тогда, весной 1919 г., перед Иркутской парторганизацией стала задача: провести серию партийных конференций, районные, городскую, губернскую, сибирскую, и в связи с большим притоком новых партработников заново переформировать комитеты, штабы, создать централизованную организацию, партаппарат. Все это и было сделано при активном участии Бердниковой в течение лета 1919 г. И военная и партийная работа в связи с этим быстро пошла на подъем. Иркутская парторганизация превратилась в одну из самых мощных в Сибири. Одновременно Иркутск стал центром большевистского подполья Сибири.

Осенью 1919 г. для Восточной Сибири быстро приближался завершающий этап гражданской войны, в котором Иркутской парторганизации предстояло сыграть крупную историческую роль. Но Бердникова еще в конце августа вынуждена была покинуть Иркутск. Обстоятельства к этому были такие. В Иркутске на улице с тремя наганами, завернутыми в бумагу, был арестован Юрий Милаш — член Иркутского комитета партии. Августа знала об этом аресте и очень удивилась, когда он спустя три дня явился к ней на квартиру, якобы по партийным делам. Бердникова разговаривала с ним, а ее голову сверлила одна мысль: как же это он из контрразведки появляется на конспиративной квартире. Не предатель ли он?

Парторганизация быстро расследовала это событие. Факт предательства был установлен, а предатель устранен. В связи с этим Августе посоветовали переехать в другой город. Она выбрала Черемхово. «На последнем этапе борьбы,— говорила впоследствии Бердникова,— мне довелось работать в Черемхове. И навсегда останется в памяти и сердце этот славный шахтер-

ский город и его люди, их мужество, их преданность партии и Советской власти. Именно они позволили в течение двух месяцев создать партийную организацию, охватывающую все рудники»[1].

Бердникова приехала в Черемхово, имея только одну явку, к шахтеру Натальинского рудника Персикову Павлу Ивановичу. Довольно скоро они взяли в свои руки все главные нити партийных связей.

Доверие и уважение пожилых шахтеров пришло к ней, конечно, не сразу. Игнатий Пестун — старый питерский рабочий, участник боев Октября в самом центре пролетарской революции, встретившись с Августой, удивился, как мог Иркутский комитет направить в рабочий район для ведения подпольной работы среди шахтеров такую молодую девушку. «Но вскоре я убедился,— вспоминал он впоследствии,— что ошибся в выводах по отношению к Августе. Она умело вовлекала шахтеров в подпольную работу, внимательно изучала их и давала соответствующие поручения.

Вспоминаю, как эта девушка получала сведения из районов. В базарные дни приходила на рынок и, прикинувшись торговкой, раскладывала старые слесарные инструменты. Здесь ей удавалось встретиться с интересующими ее товарищами, зачастую ей приходилось ночевать у нас на Андреевском руднике. В нашем бараке жили двадцать шахтерских семей, но никто, кроме меня, не знал, зачем приходит эта девушка»[2].

В середине сентября 1919 г. к Павлу Ивановичу Персикову пришли «гости». Они собирались якобы для того, чтобы почтить хозяина и хозяйку в святой праздник Воздвижения. Тут были шахтеры разных копей, рабочие Шелкуновского завода, Хайтинской фабрики и железнодорожники. Хозяин пригласил «гостей» к столу. Здесь, за столом, они выполнили свою главную задачу, обсудили «текущий момент» и выбрали Черемховский подпольный партийный комитет. Были избраны А. В. Бердникова, П. И. Персиков, И. С. Пестун, А. С. Иванов, Краузе (Аузен). Так прошла одна из наиболее важных партконференций большевистского подполья Черемхова.

Примерно в то же время возле Черемхова появились сорок бывших красногвардейцев, бежавших из Александровского централа. Один из них пришел в Черемхово, чтобы найти там рабочую организацию и просить ее о помощи. Когда об этом узнала Бердникова, она организовала коммунистов, и они за одну ночь разместили по рабочим квартирам всех беглецов. И по-

[1] Сибирские огни.— 1967.— № 7.— С. 141.
[2] Годы огневые, годы боевые.— Иркутск, 1961.— С. 173.

том еще недели три заботились о бежавших, добывая для них документы, одежду, сухари, чтобы помочь им включиться в партизанские отряды или переместиться в более безопасные места.

Иркутский губернский подпольный комитет партии в помощь Черемховской парторганизации послал еще двух партийных товарищей: Зинаиду Рудых и Марию Павлову. Первая должна была обеспечить партийную связь Черемхова и Иркутска, а вторая — стать хозяйкой явочной квартиры. Марии Павловой удалось снять флигелек у одной старушки, и скоро здесь появилась Зинаида Рудых.

Однако не все шло гладко. Однажды Елена-Августа в доме шахтера Малиновского проводила совещание парторгов. Оно уже подходило к концу, как вдруг появился хозяин квартиры, стороживший на улице. Он предупредил, что со стороны станции к общему бараку движется отряд солдат. Все участники совещания моментально скрылись. Августа осталась. Она взяла на руки маленького внука Малиновских и стала кормить его кашей. Когда сюда завернул прапорщик, он ничего подозрительного не заметил.

Однако облава оказалась далеко не безвредной. В это время были арестованы три участника подпольной организации, в том числе член комитета Павел Персиков и Зинаида Рудых.

После бегства Колчака из Омска политическая обстановка в тылу колчаковской армии накалялась с каждым днем. Вся Восточная Сибирь жила в ожидании крупных событий. Подпольная партийная организация Иркутска готовилась к вооруженному восстанию. По плану Иркутского партийного губкома первый удар в последней схватке с колчаковской властью должна была нанести в Черемхове всеобщая шахтерская стачка. Предполагалось, что в результате будут парализованы железнодорожный транспорт и все промышленные предприятия, что облегчит задачу ликвидации колчаковской власти. Однако события в связи с выступлением эсеро-меньшевистского политцентра стали развертываться иначе.

Утром 21 декабря 1919 г. черемховские рабочие были взбудоражены событиями прошедшей ночи: 180 солдат местного гарнизона вместе со своими офицерами арестовали всех агентов колчаковской власти в городе и освободили политзаключенных. У власти объявился эсер — уполномоченный Иркутского политцентра.

Бердниковой, когда она явилась в штаб восставшего батальона, заявили там, что сигнал к восстанию получен из Иркутска, от Политцентра, что чехословаки не будут подавлять восстание,

если рабочие не выступят с большевистскими лозунгами и не станут мешать их эвакуации из России.

В то же утро по инициативе Бердниковой в избушке десятника Россушинских копей Варламова собралась партийная конференция подпольщиков. Было решено восстание поддерживать и развивать, но ни в какие эсеровские органы власти не входить. В штаб восстания послать своего представителя — В. И. Бурова, на роль начальника штаба. Постановили также созвать на всех копях рабочие собрания, на которых разъяснить положение и организовать рудничные комитеты.

Эсеры со своей стороны принимали меры, чтобы заручиться поддержкой рабочих. В этот же день, 21 декабря, они созвали общегородской шахтерский митинг, на котором разъясняли свою политическую платформу. Но шахтеры и без разъяснений ее понимали и поэтому почти единогласно проголосовали за большевистскую резолюцию. Эта резолюция, зачитанная конторщиком Россушинских копей коммунистом Фешенко, призывала к борьбе за восстановление Советской власти.

На другой день такую же резолюцию приняли и восставшие солдаты.

23 декабря в Черемхове стало известно, что из Красноярска в Забайкалье, к атаману Семенову отправлен эшелон с политическими заключенными. При обсуждении этого вопроса на заседании Черемховского партийного комитета был принят такой план их освобождения.

Ввиду того, что на станции Черемхово стояло шесть эшелонов чехословацких войск, «эшелон смерти» было решено остановить на подходе к Черемхову на небольшом полустанке Забитуй. Для этого из Черемховского железнодорожного депо отправили в Зиминское депо двух партийных товарищей с тем, чтобы они взяли на станции Зима надежных людей, которые поведут «эшелон смерти». На станции Забитуй этот поезд остановился под предлогом нехватки воды, паровоз отправился в Черемхово, а там, кроме воды, взял с собой группу коммунистов, в числе которых были два члена Черемховского партийного комитета — И. С. Пестун и А. С. Иванов — и Леонид Табаков, ранее бежавший из Александровского централа[1]. Кроме них, в Забитуй приехал уполномоченный Политцентра и с ним несколько восставших солдат. На станции Забитуй они вошли в головной вагон «эшелона смерти» и заявили начальнику поезда, что новая

---

[1] Александровский централ — бывшая Александровская центральная каторжная тюрьма и Александровская центральная пересыльная тюрьма в Иркутской губернии. *(Сост.)*

власть в Черемхове этот поезд берет в свое распоряжение и колчаковскую охрану отстраняет. Ему сказали, что ни он, ни его охрана не будут арестованы, что все они будут отпущены по домам. Возражений со стороны охраны не было.

Поезд из Забитуя в Черемхово подтянули вечером. Потихоньку распахивали двери одного вагона за другим и освобожденных людей выводили в сторону от станции, а потом группами отправляли в город к рабочему клубу, где и разместилась большая часть заключенных; некоторые были размещены в квартирах рабочих.

Всей операцией разгрузки эшелона руководила Бердникова. Она же выступила перед освобожденными в рабочем клубе с докладом по текущему моменту.

В этот день было освобождено 260 политзаключенных, что значительно подкрепило Черемховскую парторганизацию. Старая коммунистка А. В. Померанцева была включена в состав парткома, Е. А. Фаерман стала завженотделом, К. И. Кнопинский был избран председателем ревкома. Мадьяры Радо и Патаки, опытные революционеры и бывшие офицеры, были включены в состав штаба восстания.

24 декабря Сибирский подпольный партийный комитет, заслушав доклад представителя Черемховского комитета, принял следующее решение:

«Всем членам РКП(б) черемховских организаций и всем честным рабочим, стоящим на платформе Советской власти,—

Центральный комитет[1], обсудив создавшееся положение на Черемховских копях, считает необходимым предложить Вам организовать захват складов оружия, вооружить всех рабочих копей с укомплектованием их в рабоче-крестьянские дружины и быть наготове к выступлению против всех врагов по первому призыву нашего партийного комитета».

С этим письмом в Черемхово из Иркутска прибыл крупный деятель профсоюза горнорабочих И. Н. Кудрявцев. И он мог убедиться на месте, что организация боевых дружин у черемховских рабочих развивается быстро. В этом отношении большую активность развивали В. И. Буров, Радо и Патаки. Так как оружия на месте не хватило, Бердникова съездила в Иркутск, где уже развивалось антиколчаковское восстание, и привезла оттуда три вагона ручных гранат и три вагона английских винтовок. Операция по отгрузке этих вагонов производилась на станции Батарейная, где во время восстания в Иркутске было захвачено

---

[1] Так именовал себя некоторое время Сибирский подпольный партийный комитет.

много оружия, под наблюдением уполномоченного штаба рабочих дружин Н. Ф. Москалева и с помощью коменданта станции Матвеева.

В конце декабря на помощь повстанцам в Иркутске из Черемхова прибыли три шахтерских отряда под командованием Василия Бурова, Эдмунда Радо и Павла Персикова, и они незамедлительно вступили в бой, что оказало повстанцам большую помощь.

В эти дни черемховцы сыграли важную роль в аресте Колчака и спасении золотого запаса России. Когда в Иркутске и прилегающих к нему районах началось антиколчаковское восстание, интервенты сразу же поспешили взять под свою охрану поезд Колчака и сопровождающий его эшелон с золотым запасом России. Это было в Нижнеудинске. Узнав об этом, Черемховская парторганизация решила мобилизовать всех рабочих города, чтобы не допустить переправку Колчака и золота за границу. Главное оружие, которым они располагали, это — стачка. К ней стали готовиться. Одновременно чехословацкому командованию предъявили требование об остановке поездов с Колчаком и с золотом. Ответом был отказ. Поезд с Колчаком проскочил станцию Черемхово на полной скорости. Тогда заревели гудки, и тысячные массы шахтеров стали стекаться к вокзалу с транспарантами: «Не выдадите Колчака, не получите угля». Стачка началась.

Командование чехословаков в Черемхове было вынуждено вступить в переговоры с шахтерами, они остановили поезд с Колчаком на станции Половина, и шахтеры вместе с чехами стали на его охрану. По указанию Центрального штаба рабочих и крестьянских дружин поезда с Колчаком и золотом были пропущены в Иркутске. Однако шахтерская забастовка продолжалась. Только после получения телеграммы из Иркутска, что Колчак принят от чехословаков революционными войсками и препровожден в тюрьму, стачечный комитет постановил: «Ввиду удовлетворения требований забастовку прекратить. Все товарищи рабочие должны приступить к работе в 6 часов утра 16 января»[1].

В славных делах черемховских рабочих на последнем этапе борьбы против Колчака большую роль сыграла Черемховская партийная организация и ее руководитель Елена-Августа Бердникова.

Елена-Августа была убежденной коммунисткой. Большевистская идейность ее вдохновляла, окрыляла и вела к револю-

[1] Сибирские огни. — 1967. — № 7. — С. 150.

ционной борьбе и революционным подвигам. Таков ее облик.

В большевистском подполье она была партийным организатором, мастером, или, выражаясь высоким стилем, капитаном революционной борьбы. Такова ее роль в гражданской войне.

Черемховский горисполком в ноябре 1978 г. принял решение одну из улиц города назвать именем Бердниковой.

В Новосибирске на одном из домов по улице Октябрьской, где жила в последние годы товарищ Елена — А. В. Бердникова, установлена мемориальная доска.

Е. М. Кужелева,
член КПСС с 1917 г.

ТЕТУШКА ВАРВАРА

Так звали в 1917—1918 гг. в Томске Варвару Александровну Васильеву. В дружной семье профработников-горняков Васильеву знали как большую хлопотунью в профсоюзных делах. И шахтеры дали ей ласковое прозвище «Тетушка».

Варвару Александровну я запомнила с первой нашей встречи.

В маленькой аудитории математического отделения Томских высших женских курсов шли экзамены по математике. На отдельной парте, в стороне от первокурсниц (в их числе была и я) что-то быстро писала незнакомая мне женщина. Я услышала шепот: «Это — Васильева. Она заканчивает курсы». Васильева положила на парту ручку, и к ней подошел профессор математики.

Она отвечала спокойно, уверенно. Профессор не прерывал ее, а лишь одобрительно кивал головой, слушая объяснения Васильевой по написанным ею формулам.

Первокурсницы перешептывались: «Какая молодец эта женщина! Заканчивает курсы! Получится ли у нас так же?»

После экзаменов вокруг Васильевой образовался кружок первокурсниц, она охотно и очень доброжелательно разговаривала с новенькими, шутила, рассказывала, как ей удалось осилить курс математических наук.

Своим юным слушательницам Васильева заявила: «Не надо бояться трудностей обучения тем, кто вынужден зарабатывать себе на жизнь». При этом она подчеркнула, что у таких занятия идут успешнее, чем у тех, кто получает солидное содержание от родителей.

В беседе с Васильевой курсистки поняли, что это человек высокой культуры, с широкими интересами.

Внешний облик Варвары Александровны располагал к себе. Крупное лицо русской женщины, открытый взгляд, простая

аккуратная одежда. Грудной, низкий голос как бы подтверждал твердость характера и убеждений.

И вот в марте или апреле 1917 г. на одном из городских собраний Томской партийной организации я услыхала знакомый голос Васильевой.

Позднее, в конце мая 1917 г., Васильева была избрана в Томский комитет РСДРП(б) второго созыва после Февральской революции.

Для нее эта работа не была случайной. Вся предшествующая жизнь Варвары Александровны хорошо ее подготовила для такого дела.

Васильева родилась в Тамбове в 1883 г. Там с 1908 г. вступила в ряды РСДРП и целиком отдала себя революционной работе.

По подозрению в нелегальной деятельности ее дважды арестовывали в Тамбове. В 1908 г. Васильева получила первое боевое крещение, участвуя в грандиозной забастовке шахтеров Юзовки. Она снабжала рабочих Юзовки прокламациями, активно помогала им в подготовке и проведении забастовки.

После подавления забастовки Васильеву арестовали в третий раз. При обыске в ее квартире жандармы обнаружили желатин для гектографа. Варвару Александровну отдали под суд. В 1908 г. царский суд приговорил ее за участие в Юзовской стачке и нелегальную деятельность в Тамбове к ссылке в Нерчинск. По ходатайству матери Васильевой, волнующейся о здоровье беременной Варвары Александровны, Нерчинск был заменен ссылкой в Нарым. На одном из этапов по дороге в Нарым у Васильевой рождается первая дочь.

В 1910—1911 гг. Васильевой, имеющей к тому времени уже двоих детей, было разрешено выехать из Нарыма в Томск для окончания своего образования.

Как в нарымской ссылке, так и во время пребывания в Томске, вплоть до Февральской революции, Васильева поддерживала связи с большевиками Нарыма, дружила с ними и помогала в трудную минуту.

Старая большевичка Анна Андреевна Иванова рассказывала, как ее выручила Варвара в 1913 г. Иванову, отбывшую годичный срок заключения в Томской тюрьме, буквально выбросили из тюрьмы с грудной дочкой поздно вечером.

Тогда В. В. Куйбышев, также бывший в ссылке в Нарыме, сказал Ивановой, что отвезет ее к надежному человеку. Таким человеком оказалась Варвара Александровна. По своей тамбовской привычке, когда в доме постоянно проживал, скрываясь, кто-либо из освобожденных из тюрьмы или бежавших из тюрьмы

и ссылки социал-демократов, она и здесь приютила Анну Андреевну, организовала лечение. Проводила ее в Нарым только после того, как та оправилась от пережитого в тюрьме.

Большевики Томска, многие из которых отбывали ссылку в Нарыме, сразу же после Февральской революции возглавили профсоюзное движение и всю работу среди рабочих на железной дороге и шахтах. Включилась в профсоюзное строительство и Варвара Александровна. Она сразу показала свои знания и опыт в организации рабочих масс.

Под руководством таких испытанных большевистских вожаков, как Франц Суховерхов, Иван Кудрявцев, Исай Нахапович, Васильева целиком ушла в работу среди горнорабочих Сибири.

Она выезжает на места, создает профсоюзные организации, участвует в подготовке и проведении первого Западно-Сибирского съезда горняков. В это время ей приходилось непрерывно вступать в схватки с эсерами, чтобы утвердить в массе горняков авторитет партии большевиков. Тогда про Васильеву и сказали шахтеры: «Тетушка Варвара везде поспеет».

На I съезде горняков Западной Сибири (17 июля 1917 г.) Васильеву избрали в областное бюро. Председателем бюро стал Франц Суховерхов, а она — секретарем. Она проходила как кандидат, одобренный большевиками, и в работе бюро проводила их линию.

Вместе с тем в это время Варвара Александровна считала себя социал-демократкой-интернационалисткой и в момент размежевания большевиков и меньшевиков в Томской объединенной организации РСДРП (в сентябре 1917 г.) ушла с меньшевиками.

Еще до этого размежевания мне приходилось на общих собраниях Томской организации РСДРП слушать ее выпады против большевиков. Это удивляло, потому что в практической работе она всегда была вместе с большевиками.

Старые большевики В. М. Клипов и А. А. Иванов, вспоминая Васильеву в этот период, отмечают, что, отдалившись от большевиков, она тяготела к ним и при решении многих вопросов голосовала вместе с фракцией большевиков. В качестве примера В. М. Клипов привел такой факт.

Как-то осенью 1917 г. собралась фракция большевиков. На заседание фракции пришла Васильева. Ее не пускают. «Вы себя считаете,— говорят ей,— революционной социал-демократкой, а мы большевики. У нас свое собрание». Но Васильева настаивает: «Пустите, прошу вас. Клянусь, что никому не скажу о том, что здесь будут говорить». У нее на глазах слезы. Члены фракции

знают Васильеву, верят ее искренности. Принимается решение в порядке исключения оставить Васильеву на заседании фракции. Она участвует на этом заседании и поддерживает его решение.

Секретарем выборного органа профсоюза горняков Сибири Васильева остается бессменно вплоть до разгрома его колчаковцами.

Когда в Сибири устанавливается колчаковская диктатура, Васильева не порывает связей с шахтерами Судженки, Анжерки. Вместе с Рабиновичем и Жукасом она активно борется за восстановление профсоюзных организаций горняков.

В начальный период этой работы, во время подготовки II съезда горняков Западной Сибири, Васильева еще тянет за собой груз меньшевистских взглядов и спорит с большевиками. Но одновременно с этим она с риском для своей жизни, для своей семьи, в которой было трое маленьких детей, помогала большевикам сколачивать обезглавленные профсоюзы, надежно охранять от преследования виднейших деятелей большевистского подполья.

Когда Михаил Рабинович в первой половине июня 1918 г., спасаясь от преследований в Судженке и Анжерке, где его хорошо знали, прибыл в Томск, Васильева его спрятала на своей квартире. Сама в это время выполняла поручения М. М. Рабиновича по связи с товарищами, приступившими к формированию большевистского подполья в Томске.

Она прятала у себя также председателя Томского подпольного партийного комитета, члена Сибирского подпольного обкома РКП(б) Генриха Суудера («Андрея»).

Вспоминаю активную роль Варвары Александровны в событиях, связанных с голодовкой заключенных томских тюрем.

Все началось со II съезда горняков.

При открытии съезда сразу создалась накаленная обстановка. Я была на всех заседаниях съезда как представитель газеты «Рабочее знамя» и давала отчеты о его ходе. Помню, что с момента открытия съезда эсеры и меньшевики рвались к трибуне, чтобы клеветой на Советскую власть и на «левых» в профсоюзах добиться от делегатов съезда одобрения политики контрреволюционной власти.

Но съезд сразу пошел за большевиками. Свое первое слово делегаты съезда сказали в адрес товарищей, заключенных в томских тюрьмах, обратившись к ним с горячим приветствием. Съезд также потребовал от следственной комиссии освободить арестованных горняков и в первую очередь Ивана Кудрявцева. На последующих заседаниях съезда вопрос о заключенных еще

более обострился. Заключенные обеих томских тюрем начали голодовку, объявив об этом в 10-м номере «Рабочего знамени» от 9 июля 1918 г.

Когда вопрос о помощи заключенным обсуждался на совместном заседании Совета томских профсоюзов и Бюро горнорабочих, Васильева внесла свое предложение: «Нужно послать представителей рабочих в тюрьмы, чтобы встретиться с заключенными и помочь им».

Предложение было принято. Васильева возглавила большую делегацию, в состав которой вошли представители горняков, железнодорожников, металлистов, водников. В состав делегации был введен также Ревняков от Томского профсовета и я от газеты «Рабочее знамя». Делегация направилась за разрешением посетить тюрьмы к эмиссару Сибирского правительства эсеру П. Михайлову. Васильева надеялась, что перед широким представительством рабочих Михайлов спасует. Но этого не произошло. Михайлов, не пускаясь в объяснения, отказался дать разрешение на посещение тюрем.

Васильева предъявила Михайлову требования признать права профсоюзов на защиту заключенных, вынужденных объявить голодовку. Поднявшись со стула, стукнув кулаком по столу, Варвара Александровна бросила в лицо Михайлову: «Отказывая рабочим в праве бороться за жизнь своих товарищей, кем ты стал, Павел? Забыл, как сам сидел за решеткой?»

Гневные слова Васильевой были поддержаны делегатами. Многие из них также, обращаясь к Михайлову, называли вещи своими именами: «Выдать рабочих белогвардейцам сумели,— сказал один из делегатов,— а защитить их жизнь у вас охоты нет. Служите контрреволюции!»[1]

Может быть, именно под впечатлением посещения Михайлова Васильева окончательно освободилась от всяких соглашательских иллюзий.

Варвара Александровна обрадовалась, когда Ревняков и я показали ей полученное нами накануне от председателя следственной комиссии Генерозова разрешение на посещение тюрем представителями Томского профсовета и «Рабочего знамени». Мы сказали, что намерены, невзирая на отказ Михайлова, направиться с бумагой Генерозова в тюрьму. «Конечно, идите немедленно»,— ответила Варвара Александровна.

---

[1] В конце 1919 г. П. Михайлов перешел на сторону подпольщиков и вступил в борьбу с колчаковщиной, но был арестовян белогвардейцами в Иркутске. Отсюда его вместе с другими заключенными вывезли нв озеро Байквл и здесь, иа пароходе, Павла Михайлова и его товарищей убили, а трупы выбросили в воду.

Нам повезло. В пересыльной тюрьме мы прошли почти по всем общим камерам и одиночкам. Встретились и беседовали с заключенными, бывшими комиссарами Томска.

В газете «Рабочее знамя» от 16(3) июля 1918 г. появился отчет делегатов от профсовета и «Рабочего знамени» под заголовком: «Вместо ответа на официальные сообщения следственной комиссии». Здесь с полной достоверностью вскрывалось ужасающее положение заключенных и разоблачалась ложь в адрес заключенных со стороны следственной комиссии, начальников тюрем и министра юстиции.

После съезда горняков Западной Сибири Васильева, избранная секретарем областного комитета горняков, в своей работе четко проводит линию большевиков. В то же время те, кто находился у руководства профдвижения (в Томском профсовете и обкоме горняков), работали по заданиям большевистского подполья, но продолжали именовать себя представителями разных партий: Жукас называл себя анархистом (хотя он уже стал членом подпольного комитета томских большевиков), Магун — интернационалистом, Ревняков — левым эсером. Меньшевичка Васильева действует как большевичка. Все эти товарищи составляют так называемую группу левых. Это было нужно, чтобы иметь возможность легальных выступлений.

В июне — сентябре 1918 г. Западно-Сибирский областной комитет профсоюза горняков становится своеобразным конспиративным пунктом. Вначале в помещении профсоюза горняков собирались группы подпольного актива, затем там проходили встречи руководителей большевистского подполья, устанавливались подпольные связи с горняцкими районами. Во всем этом Васильева принимала активное участие наряду с большой загрузкой профсоюзными делами. С приездом в августе Суховерхова она включается в боевую работу подполья, связанную с разъездами по губернии, и прежде всего в горняцкие районы.

Свидетельством этого может служить тот факт, что Васильева в сентябре — октябре не раз появлялась на Нечаевской улице в доме, где находилась комната военного штаба подпольного комитета партии, председателем которого был Ф. Суховерхов. Васильева бывала там на встречах с Ф. И. Суховерховым, М. М. Рабиновичем, В. С. Митряевым, Г. Я. Суудером.

Я жила в этой квартире и имела партийное поручение заботиться о конспиративной комнате. Мне не раз приходилось встречаться там с Варварой Александровной. Тогда Варвара Александровна в редкие минуты отдыха от бесконечных дел хотя и скупо, но делилась воспоминаниями о прошлом, о своих скитаниях по тюрьмам и ссылке в дореволюционное время.

Как тяжкий удар восприняла Васильева арест Ф. Суховерхова. Это был человек огромной воли и мужества, живущий одной страстью большевика-профессионала. Для нее он являлся непререкаемым авторитетом.

Друзья Франца пытались найти способ спасти его. Именно Варвара Александровна сумела с помощью своей сестры Нины Александровны разведать где находится вагон, в который был заключен Суховерхов и который даже подпольщики-железнодорожники не могли разыскать. Вагон был обнаружен в тупике у леска станции Томск-II, но спасти Франца было уже нельзя. Белогвардейцы знали, кто такой Суховерхов, и поспешили его расстрелять.

Варвара Александровна тяжело переживала гибель товарища. Сестра Васильевой Н. А. Кудрявцева рассказывала, что Варвара, мужественная женщина с решительным характером, как никогда, была близка к потере самообладания. Она рыдала, кричала, в отчаянии обвиняла себя в гибели Франца.

После смерти Суховерхова Васильева берет на себя тяжесть двойной нагрузки. Она стремится всеми средствами сохранить профсоюз горняков, в руководстве которым уже не было ни Суховерхова, ни Рабиновича. Одновременно свои разъезды по организации работы местных профсоюзных органов она использует для подпольных связей.

Видимо, в связи с этими разъездами контрразведка весной 1919 г. напала на след Варвары Александровны. В рапорте от 10 апреля 1919 г. начальника Томской белогвардейской контрразведки на имя генерала Сахарова сообщалось: «...Васильева, уличенная в агитации в Кольчугино в пользу восстания, должна быть арестована по приказу командующего войсками»[1].

В квартире Васильевой еще 8 апреля 1919 г. производился обыск и находилась засада с утра до ночи. Ее успели предупредить, и в своей квартире она не появлялась, сумела скрыться. Начальник Томской контрразведки 17 апреля 1919 г. послал донесение: «...известная агитаторша Васильева, каковую было приказано командующим войсками Омского военного округа немедленно арестовать, скрылась...»[2]

Позднее в агентурной сводке контрразведки по городу Томску сообщалось: «...большевичка Васильева, участница Кольчугинского восстания, скрылась из Томска»[3]. Колчаковская

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 37, л. 17.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 33.

контрразведка потеряла ее след. Но Варвара Александровна не потерялась.

31 января 1920 г. большевистским восстанием была свергнута контрреволюционная власть в Приморье. В этом восстании активно действовала Мария Васильевна Власова. Кто была эта героическая женщина — мне пришлось узнать при особых обстоятельствах.

Сразу после революционного переворота 31 января революционными войсками были освобождены заключенные Ново-Киевского концентрационного лагеря. Туда они были привезены в конце 1919 г. в «эшелонах смерти» из томских, барнаульских, новониколаевских и красноярских тюрем. Среди них были преимущественно участники Сибирского большевистского подполья, в том числе и я.

И вот на первом легальном собрании большевиков Владивостока я неожиданно встретила Варвару Александровну и узнала, что она и есть та самая Власова, которую уже знают владивостокские товарищи как крупного партийного работника.

Еще раз мы виделись с Варварой Александровной во Владивостоке у меня на квартире. Вскоре меня направили в Хабаровск, а она осталась во Владивостоке. И там Варвара Александровна снова оказалась на очень ответственном участке партийной работы.

После 4—5 апреля 1920 г., когда японские войска напали на революционные гарнизоны во всех городах Приморья, во Владивостоке был создан большевистский ревком — руководящий центр дальнейшей революционной борьбы трудящихся масс. М. В. Власова (В. А. Васильева) была членом этого ревкома.

На Приморской областной партийной конференции 10—11 июля 1920 г. она выступила с яркой речью в защиту политики ЦК РКП(б) в деле политического объединения Дальнего Востока.

В сентябре 1920 г. партийная организация направила ее в Читу с важным заданием: она должна была восстановить Читинское большевистское подполье, пострадавшее от разгрома семеновцев.

Власова — Васильева действует в Чите с большой энергией, пользуясь опытом подпольной работы, накопленным в прошлые годы. Ей удается быстро восстановить подполье, подготовить и провести Читинскую подпольную партийную конференцию. Ее избирают членом и председателем подпольного Читинского комитета.

Под руководством Власовой большевистское подполье подготовило читинских рабочих к завершающему удару по белогвардейской диктатуре.

Когда под напором Красной Армии белогвардейские войска Семенова бежали из Читы, дружины читинских рабочих под руководством подпольного комитета большевиков выступили для поддержки наступающих революционных частей и для утверждения революционной власти в Чите.

Когда наступила победа и над Читой появились красные знамена, Варвара Александровна заболела тифом и через несколько дней ее не стало.

После освобождения Читы открылась Дальневосточная партийная конференция коммунистов. Делегаты конференции, трудящиеся Читы проводили Варвару Александровну в последний путь.

Товарищи по борьбе с колчаковщиной, горняки Кузбасса перевезли ее прах в Томск.

С.Г.Черемных

ХЕНДРИК/ГЕНРИХ/ СУУДЕР

Руководителем Томского большевистского подполья в 1918—1919 гг. был Хендрик (Генрих) Янович Суудер.

В большевистском подполье Сибири его знали лишь под кличками «Андрей», «Андрей Сируль». После гражданской войны долгое время было неизвестно, кто же действовал под этими кличками.

В 1962 г. в Эстонии вышел из печати сборник очерков на эстонском языке под названием «Знаменосцы революции». Один из них посвящен Суудеру.

Хендрик Янович Суудер родился в 1883 г. в местечке Тырва Вильяндиского уезда (ныне г. Тырва Валгаского района) в семье плотника. Рано умер его отец, и по окончании приходской школы Хендрик выпужден был пойти работать.

Под влиянием назревавшей русской революции и революционных событий 1905—1907 гг. Х. Суудер стал изучать доступную марксистскую литературу. Когда эстонские большевики начали по примеру большевистской «Правды» издавать в Нарве эстонскую рабочую газету «Кийр», Х. Суудер стал самым активным агентом и корреспондентом этой газеты в Пярну. Он вел переписку с редакцией, посылал туда статьи и заметки, распространял «Кийр» среди рабочих, собирал средства на газету и пересылал их в издательство. В архивах рабочих газет «Кийр» и «Теелине» имеются документы, свидетельствующие о том, что Х. Суудер уже в 1912 г. был тесно связан с газетой и большевиками. Вскоре он стал организатором большевистской партийной группы в Пярну.

В 1913 г. рабочие целлюлозной фабрики «Вальдгоф», где он работал, избрали Х. Суудера председателем (делопроизводителем) только что созданной больничной кассы. Это была одна из первых больничных касс в Эстонии. Большевики использовали ее для проведения нелегальной партийной работы. Летом

того же года вспыхнула забастовка рабочих «Вальдгофа».

За организацию забастовки Х. Суудер получил три месяца тюремного заключения. После выхода из тюрьмы на фабрику его больше не приняли. В ноябре 1913 г. Х. Суудера пригласили на работу в редакцию «Кийр» в Нарву. С этого времени он становится профессиональным революционером.

Вскоре редакция «Кийр» направила его своим агентом в Ревель, в основной пролетарский центр Эстонии, где положение было чрезвычайно сложное. Воспользовавшись арестом активных партийных работников-большевиков Я. Икмельта, Г. Тикерпуу и других, оппортунисты пробрались в Ревельский комитет партии и начали наступление против большевиков и газеты «Кийр», внося раскол в ряды рабочего класса. Необходимо было помочь рабочим-большевикам очистить Ревельский комитет от оппортунистов, избрать новый большевистский состав, укрепить связи с «Кийр» и «Правдой» и с партийным центром в Петербурге. Для Х. Суудера открылось широкое поле деятельности, где он в полной мере проявил свои организаторские способности. Он стал организатором и руководящим членом нового Ревельского комитета. Х. Суудер был одним из организаторов и участников состоявшегося в марте 1914 г. под руководством члена Центрального Комитета РСДРП и депутата IV Государственной Думы Г. И. Петровского совещания большевиков Эстонии. Это совещание одобрило принятые на Поронинском совещании партийных работников решения и изгнало оппортунистов из Ревельской партийной организации. Х. Суудер принимал активное участие в подготовке и созыве Всеэстонской партийной конференции, состоявшейся в июне 1914 г. близ Нарвы. Конференция сформировала Всеэстонский партийный центр, в состав которого был избран Х. Суудер.

Видя в Х. Суудере выдающегося активиста революционного рабочего движения, жандармы стали его преследовать. Неоднократно на квартире Х. Суудера производились обыски, и он подвергался аресту. Однако после кратковременного заключения его освобождали «за недостатком улик». За две недели до начала мировой войны, после очередного обыска, Х. Суудер вынужден был уйти в подполье, чтобы продолжить работу уже нелегально.

Он направился в Петроград, где, живя нелегально под чужим именем, продолжал вести партийную работу — осуществлял связь между эстонскими большевиками и Петроградским партийным комитетом. Однако в июне 1915 г. Х. Суудер был арестован и выслан в административном порядке на поселение в Иркутскую губернию.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции он вернулся в Эстонию. Здесь он работал агитатором и организатором в городском комитете РСДРП(б), неутомимо ездил по всей Эстонии, разъясняя и отстаивая политику и тактику большевистской партии по вопросу дальнейшего развития революции, организуя трудящихся на проведение в жизнь большевистских лозунгов. Особенно много энергии отдавал Х. Суудер организации сельхозрабочих, безземельных и малоземельных крестьян, подготовке конференции безземельных, созданию и выборам волостных Советов трудящихся. Х. Суудер принимал участие в работе I и II конференций Северо-Балтийских организаций РСДРП(б) и в августе 1917 г. вместе с Я. Анвельтом, И. Егоровым, И. Хейнтуком и В. Веельманом был избран в состав Исполнительного бюро Северо-Балтийского комитета РСДРП(б).

В сентябре 1917 г. партия направила Х. Суудера в Тарту для налаживания и укрепления работы партийной организации. Под энергичным руководством Х. Суудера работа Тартуской партийной организации заметно оживилась и расширилась; повсеместно, как в городе, так и в деревне, росло число сторонников большевистской партии.

В октябрьские дни 1917 г. Х. Суудер был во главе Тартуского Совета и его Исполнительного комитета, являлся членом Тартуского Военно-революционного комитета. Он руководил созданием органов Советской власти, борьбой против контрреволюции, конфискацией помещичьих земель, организацией Красной гвардии. Х. Суудер непосредственно участвовал в ликвидации контрреволюционного заговора балтийских баронов и эстонской буржуазии, которые организовали мятеж и призвали в Эстонию немецкие оккупационные войска.

Когда в феврале 1918 г. немецкие войска начали наступление, Х. Суудер вместе с другими товарищами эвакуировался в Петроград.

Суудер появился в Томске в конце мая 1918 г. Е. М. Кужелева рассказывала, что первоначальную рекомендацию для нелегальной парторганизации дал ему Михаил Рабинович. Мне, заявила она, это было хорошо известно в 1918 г. Рабинович говорил тогда, что весной 1918 г. он встречался с «Андреем» на съезде в Москве и много рассказывал о Кузбассе, о горняках, звал его в Сибирь. «И вот теперь,— говорил М. Рабинович,— товарищ Андрей приехал сюда. Здесь он сейчас так нужен». М. Рабинович дружил с ним и относился к нему с большим уважением как к руководителю.

Этот вопрос освещается и в воспоминаниях Гизы Крейцвальд, вдовы Суудера. Вот что она рассказывала:

«Суудер до революции был в ссылке где-то на реке Лене вместе с М. И. Калининым, Е. А. Придворовым (Демьяном Бедным), М. Рабиновичем.

Весной 1918 г. после оккупации Эстонии немцами Суудер, уже находясь в Петрограде, сказал мне:

— Ты поедешь со мной в Сибирь. Там теперь самое широкое поле деятельности.

Я ответила:

— Куда ты, туда и я.

— Собирайся,— сказал Суудер,— поедем очень скоро.

Приехали в Томск, к Рабиновичу. Он жил в гостинице и нас поместил туда же. Многие партработники жили там.

В первый же день нашего приезда Рабинович познакомил нас с Варварой Александровной Васильевой. Она к нам приходила.

На вторую или третью ночь в Томске произошел (контрреволюционный. — *С. Ч.*) переворот.

Пришел Рабинович. Предложил из гостиницы немедленно уехать.

Уехали сначала к Варваре. Жили там несколько дней, потом уехали на Алтай, в Белокуриху.

Сюда в июле приехал и Рабинович. С неделю пожил с нами. Он рассказал, что в Томске уже собраны партийные силы для подпольной работы и что Суудер там нужен. Рабинович приглашал Суудера вернуться в Томск к назначенному сроку. Тогда условились, что Рабинович едет в Томск и вслед за ним мы тоже».

Суудеру в Томске было предложено выбрать для себя паспорт из нескольких. Он выбрал паспорт с фамилией Сируль. Суудер считал, что в интересах конспирации удобно взять паспорт с фамилией, созвучной с настоящей (Суудер — Сируль). Имя Хендрик (Генрих) — аналог русскому Андрею. Поэтому он взял кличку «Андрей».

Суудер вернулся в Томск к сроку, который был назначен для сбора делегатов на I Сибирскую подпольную конференцию РКП(б). Он был включен в состав участников этой конференции, на ней избран в Сибирский подпольный комитет РКП(б). Так в конце августа 1918 г. начался новый этап в его жизни.

В первой половине ноября 1918 г. в Томске состоялась городская подпольная партконференция. На ней был переизбран подпольный комитет. Председателем его стал Суудер.

Вскоре в Томске состоялась II Сибирская подпольная конференция РКП(б), на которой комитет был также переизбран. Тогда в состав Сибирского подпольного обкома было избрано

пять человек: А. Я. Нейбут, А. А. Масленников, М. М. Рабинович, М. С. Русаков, Х. Я. Суудер.

После II Сибирской подпольной конференции Сибирский подпольный комитет перебазировался в Омск. Но Суудер остался в Томске, так как он был руководителем Томской подпольной организации.

Подготовка вооруженного восстания против Колчака для большевистского подполья стала основной задачей. Такое дело требовало героических усилий.

Для того чтобы подготовить вооруженное восстание в таком городе, как Томск, надо было найти нужное количество людей, способных выйти на бой, воодушевить, выдать оружие и боеприпасы и должным образом организовать их, создать оперативно-боевое руководство восстанием и его рациональный план. Нужно, конечно, было и многое другое.

Томская подпольная организация решала эту задачу зимой 1918/19 г., к концу которой томские большевики в подготовке восстания достигли больших успехов. В 20-х числах февраля 1919 г. военным руководителем восстания был назначен П. К. Голиков, член партии с 1913 г., имеющий опыт командования боевым фронтом. При определении срока восстания были разногласия. Некоторые предлагали отложить выступление хотя бы на месяц. Большинство требовали немедленного выступления. Оно было назначено на 2 марта 1919 г.

В плане томского восстания предусматривалось, что оно будет поддержано рабочими Кузбасса (Анжерки, Судженки, Кольчугина, Щегловска), железнодорожниками станции Тайга, а также партизанами Томского и Мариинского уездов. В самом Томске выступление рабочих, организованных в боевые десятки (всего примерно 250 человек), должно было быть поддержано югославской воинской частью, которая несла охрану города.

В плане предусматривалось, что освобождение политзаключенных из тюрьмы и пленных красноармейцев из лагеря (всего свыше 1000 человек), а также военнопленных первой мировой войны (до 2000 человек) может дать существенное пополнение в ряды восставших.

Накануне восстания Томский подпольный комитет выпустил листовку с призывом к свержению колчаковской власти. Колчаковцы ожидали в Томске большевистское восстание и готовились к нему. Однако вооруженное восстание в Томске, назначенное на 2 марта 1919 г., не состоялось. Это было вызвано следующими обстоятельствами.

Сигналом к общему выступлению боевых сил восстания должен был послужить взрыв в артиллерийских казармах. Для это-

го в двух печах на разных этажах здания были заложены фугасы. Но взорвался лишь один фугас. Он нанес урон белогвардейцам. Среди них было убито, ранено, контужено свыше 60 человек. Все же взрыв не сыграл свою главную роль: в городе он не был слышен. Рабочие-боевики, собранные для восстания, не услышав сигнала к выступлению, разошлись по домам. Югославы, которые заранее предупреждали, что они не будут выступать первыми, а лишь присоединятся к восстанию, когда уже выявятся его первые успехи, также не выступили.

Через два дня произошло еще более драматичное событие. Начальник Военно-революционного штаба Карл Ильмер (П. К. Голиков после неудачи 2 марта выехал в Кузбасс) назначил расширенное заседание штаба с участием главных руководителей готовящегося вооруженного восстания. Это заседание было назначено на 4 марта в 5 часов вечера в доме И. И. Якимовича по Новокузнечному ряду. Примерно в это же время помощник начальника Томского уголовно-розыскного отделения Лопатин с тремя милиционерами тайно преследовал участника большевистского подполья Людвига Шилько. Не замечая преследования, он торопился к дому И. И. Якимовича. И когда он вошел в этот дом, буквально за его плечами появились сыщики. Лопатин, увидев в комнате 8 или 9 человек, сразу сообразил, что он натолкнулся на «преступное сообщество», и крикнул: «Руки вверх!» Некоторые рассмеялись, приняв это за шутку,— настолько внезапным было появление сыщиков вместе с Шилько. Эта внезапность и позволила Лопатину обезоружить всех находившихся здесь подпольщиков.

Вслед за этим Лопатин вызвал к месту происшествия дополнительные отряды конной и пешей милиции. Дом Якимовича был оцеплен. Начался тщательный обыск, во время которого было найдено многое: винтовки, гранаты, взрывчатка, запалы. Всего было здесь схвачено 16 человек.

«Андрей» также должен был быть на этом заседании. Подходя к дому Якимовича, он за два квартала увидел милицейское оцепление и остановился, сильно потрясенный этим зрелищем.

Это было крупное несчастье, неожиданно постигшее большевистское подполье, несомненная гибель большой группы военных организаторов, явный провал большого дела. Все захваченные в доме Якимовича были казнены в ночь на 27 марта 1919 г. Они прошли через мучительные допросы и пытки. Белогвардейцы стремились выявить всю подпольную организацию, но не добились своей цели. Кроме Шилько, который в большевистском подполье был человеком случайным, все остальные арестованные большевики держались достойно и с большой стойко-

стью. Карл Ильмер погиб под партийной кличкой «Вейс». Не назвал своего имени Федор Соколов, он погиб как «Николай Викторов». Никакие пытки не могли заставить заговорить Я. А. Бредиса. Он и Карл Ильмер умерли до суда, замученные во время пыток.

Томская подпольная партийная организация и после этого несчастья продолжала развивать свою работу. Она смогла осуществить и свою главную идею — свержение колчаковской власти. Это произошло 17 декабря 1919 г. Через три дня после этого в Томск вступили красноармейские полки.

Крупный провал в работе большевистского подполья в Томске, конечно, нельзя сводить к случайным обстоятельствам. Уровень подготовки восстания в Томске, как и в других городах Сибири зимой 1918/19 г., нельзя считать достаточно высоким и надежным. В этом повинны не только военные руководители восстания, но и политические.

Чтобы устранить недостатки в работе, надо их выявлять. Но этот процесс в Томске после мартовского провала принял уродливые формы. Некоторые подпольщики виновника мартовского провала увидели в «Андрее». Подоплека этого была такая. «Андрей» отказал одному из подпольщиков — И. С. Дмитриеву — в выдаче ему жалованья из партийных средств. Проситель почувствовал себя оскорбленным. Как видно, на этой почве у него стала развиваться ненависть к «Андрею». После мартовского провала И. С. Дмитриев активно выступал против «Андрея», сея недоверие к нему, требуя отстранения его от поста председателя Томского комитета партии. Дело дошло до того, что Дмитриев стал изображать «Андрея» как чуждого человека, засланного белогвардейцами в ряды Томского подполья.

Во второй половине марта 1919 г. в Омске проходила III Сибирская подпольная конференция РКП(б). Суудер как член Сибирского подпольного комитета партии должен был стать участником этой конференции. Учитывая свое положение в Томске, Суудер отказался от поездки в Омск. Делегатом на конференцию от Томской партийной организации поехала Е. С. Федорова. Она повезла с собой пасквиль на Суудера от И. С. Дмитриева. Перед отъездом в Омск она виделась с Суудером и получила от него записку для руководителей конференции такого содержания: «Ознакомился с обвинением. Федоровой известно о недоверии. Если надо, готов умереть за дело партии, но не от рук товарищей».

Обвинения, предъявленные Суудеру на Сибирской конференции, были отвергнуты. Ему было выражено доверие. Его вновь избрали в состав членов Сибирского подпольного комитета партии.

Жизнь большевистского подполья Урала и Сибири весной 1919 г. была преисполнена драматическими событиями. В это время погибли почти все члены Сибирского подпольного комитета партии. Суудер взялся за его воссоздание. Весной 1919 г. железнодорожники перевезли Суудера на паровозе из Томска в Красноярск, а затем в Иркутск. Здесь он, опираясь на Иркутскую подпольную организацию, организовал созыв IV Сибирской партийной конференции РКП(б).

Но по этому призыву прибыли лишь три делегата: А. Н. Сафонова из Томска, И. В. Сурнов из Новониколаевска и К. И. Миронов из Иркутска. Эти делегаты вместе с Х. Я. Суудером, представлявшим Сибирский подпольный комитет, не называя свое собрание партийной конференцией, в июне 1919 г. провели ряд совещаний, на которых были заслушаны доклад Суудера о решениях III Сибирской подпольной партконференции и о положении в Сибири, а также отчеты каждого делегата о работе своей организации. Было ясно, что надо немедленно восстановить Сибирский подпольный комитет, и это было сделано. В него вошли три человека: Х. Я. Суудер (председатель), К. И. Миронов, И. В. Сурнов.

В связи с приездом в Иркутск Х. Я. Суудера и других партработников здесь быстро развернулась партийная организаторская работа. Летом здесь были проведены губернская, общегородская и районные партконференции, созданы военно-революционные штабы. Судя по «тезисам» доклада Суудера по текущему моменту и тактике революционной борьбы, основная ориентировка в этой борьбе формулировалась таким образом: «Главная задача, стоящая перед Иркутской организацией коммунистической партии, заключается в производстве вооруженного восстания с целью восстановления и укрепления Советской власти в пределах Иркутска. Все силы и средства организации должны быть направлены на дело вооруженного восстания, успех которого предрешит собою благоприятный исход борьбы с белогвардейцами по всей Сибири»[1].

В связи с такой установкой в Иркутске и в других центрах губернии были созданы военно-революционные штабы, особенно большое внимание уделено поискам связей с воинскими частями колчаковского гарнизона, созданию в них подпольных революционных групп, сбору оружия и укреплению подпольной военной организации в рабочей массе, развитию партизанской борьбы. Партийно-политическую и вооруженную борьбу нужно было развивать в разных формах. На конференциях указыва-

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 389, л. 105.

лось: все, что так или иначе вредит врагу, что способствует укреплению революционного фронта — то морально необходимо. Но главное в деятельности большевистского подполья в Иркутске заключалось именно в подготовке вооруженного восстания.

3 сентября 1919 г. в разгар этой работы в Иркутске произошел частичный провал. Белогвардейская контрразведка установила, что во 2-м местном батальоне существует подпольная организация. В этот батальон были засланы семь агентов во главе с офицером. Они проникли в подпольную организацию, выявили ее состав и связи с районным штабом большевиков. В ночь на 19 сентября колчаковцы окружили казарму и арестовали 42 солдата. В это же время были арестованы три работника районного подпольного штаба, в том числе и Пасютин, который при допросе с применением пыток выдал нескольких работников подпольной парторганизации и содействовал их аресту.

В ноябре 1919 г. в Иркутск прибыл делегат Приморской партийной организации А. А. Ширямов. В связи с этим в Иркутске было проведено новое Сибирское партийное совещание, по решению которого А. А. Ширямов вошел в состав Сибирского подпольного комитета РКП(б) и стал его председателем.

Несмотря на сентябрьский провал, Иркутское большевистское подполье продолжало подготовку к восстанию. Оно вспыхнуло 24 декабря 1919 г. и после многодневных боев победило. Колчаковская власть была свергнута. Сам Колчак был арестован, осужден и расстрелян. Советская власть была провозглашена в Иркутске 21 января 1920 г. 7 марта 1920 г. трудящиеся Иркутска торжественно встретили Красную Армию.

Революционная победа в Восточной Сибири имела огромное политическое значение. В эту победу достойный вклад внес всей своей деятельностью и Х. Я. Суудер.

ЭМИЛИЯ СОЛИН /АЛЕКСЕЕВА/

А.Н. Григорьева

Начало революционной биографии Эмилии

С Эмилией я познакомилась в 1912 году в рабочем клубе «Сампсониевского общества образования» на Выборгской стороне. В то время она работала на городской телефонной станции телефонисткой. Жила она с матерью и братом-подростком (отец ее, литейщик, погиб при взрыве во время работы на Путиловском заводе). Партийную работу Эмилия вела среди женщин-работниц. Живую, кипучую натуру Мили работа в городском районе не удовлетворяла. Ей хотелось в рабочий район и особенно на Выборгскую сторону, на завод. Но поступить в то время туда было невозможно, тем более что партийная организация не хотела снимать ее из городского района, так как своих работников в нем было немного.

Миля часто говорила нам: «Ну и завидую я вам, что работаете среди настоящих пролетариев-рабочих. У нас хуже — психология совершенно другая, чем у рабочих фабрик и заводов».

Желание Мили исполнилось. Спустя некоторое время на станции, где работала Миля, забастовали. Миля была выбрана в стачечный комитет. Полиция узнала об этом и арестовала ее. Просидев несколько месяцев в тюрьме, Миля вышла на волю «с пунктами», то есть без права проживать во всех промышленных городах (у жандармов имелось два списка таких городов — «56» и «92», применялись они к арестованным в зависимости от степени «опасности» каждого политически неблагонадежного).

Конечно, как только она очутилась вне стен тюрьмы, то прежде чем пойти домой, прибежала на Выборгскую сторону за советом: что ей делать — уезжать или нет? Сказали, что уезжать не время. Начали думать, куда пристроить Милю — на завод или на фабрику и как быть с паспортом. После долгих

размышлений решили устроить ее на завод «Новый Айваз», где с «пунктами» работало немало людей, но закона, видимо, они не нарушали, жили не в промышленном районе, а на даче, в Озерках, в Шувалове. Миле повезло: она быстро поступила на завод. Поставили за станок, в самую гущу работниц. За несколько дней она сплотила вокруг себя почти всю мастерскую, читала газеты, книжки, а иногда и листовки. Часто рассказывала работницам об истории рабочего движения, о жизни революционеров.

На массовки Миля приводила работниц группами. Иногда мужчины подтрунивали над ней, говоря: ты нас, мужчин, скоро вытеснишь со своей бригадой, придется нам подавать в отставку, а вы встанете на наше место. Миля говорила так: «Жен, сестер, дочерей приводите почаще, дело будет лучше». Миля стала в очень короткое время авторитетным человеком на заводе. Личное горе у работниц — к Миле, мастер обидел — к ней же.

Я, знавшая Милю всегда веселой, живой, энергичной, вдруг стала замечать, что с ней творится что-то неладное. Миля загрустила, в мастерской ходит скучная, молчаливая, а иногда стоит за станком, и слезы падают одна за другой на металл. Тяжело мне было видеть, как мой лучший друг и товарищ мучается и страдает, а спросить, вторгаться в личное горе было неловко. Но однажды я не выдержала. Приходит Миля на работу, а глаза красные, заплаканные. Я к ней: «Расскажи, наконец, что у тебя за горе, почему ты так изменилась вся?» — «Я давно хотела тебе рассказать,— говорит она,— да все думала, что скоро покончу со своей трагедией и тогда расскажу. И вот сегодня покончила с ней, и опять буду веселой и много работать». И она здесь же мне рассказала свою историю, какие нередко бывали в семьях пролетарок и часто сбивали их с пути революционной борьбы.

— Жизнь моя в семье,— рассказывала Миля,— всегда была незавидная. Отца своего я не помню. Мать детей поднимала одна. Пенсии, получаемой с завода за отца, часто не хватало на еду и заплатить за учебу, и я должна была зарабатывать. Когда я пошла работать, матери легче стало. Но тут началось другое. Мать ни за что не хотела, чтобы я принимала какое-нибудь участие в рабочем движении, постоянно твердила о том, что политика до добра не доведет. Мне приходилось революционную работу вести украдкой от матери. А когда пришли меня арестовывать, мать ахнула и без памяти повалилась на пол, а брат выбросил мои вещи за дверь с криком: «Забирайте ее скорее к черту». На свидания ко мне никто не ходил.

Мать больна, а брат ненавидел меня. Вышла я из тюрьмы, мать свою не узнала — постарела страшно, насилу ходит, просила она меня не уходить от нее. Я осталась жить с нею под страхом ареста первым же охранником. Жалко было старуху мать, и я осталась. Но здесь для меня началась постоянная мука. Мать целыми ночами простаивала у моей кровати, плача и уговаривая меня бросить политику: «Я умру от горя, если тебя еще раз арестуют»,— говорила она. А сегодня, перед тем как уходить мне на работу, мать вдруг встала передо мною на колени и, плача, попросила о том же. Мне было страшно больно и тяжело видеть мать свою на коленях передо мною. Жалко ее, она не понимает, что жить так, как живет большинство девушек-работниц, я не могу, лучше умереть. И вот сегодня, когда она, стоя на коленях, уговаривала меня, я ей сказала, что жить так, как она хочет, я не могу. Плакали мы обе, мать и я, а теперь мне легко стало, и я буду опять такой, какой была раньше.

И правда, на другой же день Миля переселилась жить ко мне в Озерки, стала опять веселая и энергичная.

Живя с Милей вместе, я еще лучше ее узнала. При хороших заработках (2—3 рубля в день) у Мили никогда не было крепких ботинок, всегда она носила рваные. Что получала, все уходило на нужды других. Особенно много отдавала Миля на помощь политическим заключенным. Кроме подписного листа на заводе, Миля раза два в неделю носила в тюрьму передачи товарищам: белье, деньги, продукты. Один раз стащила туда свою последнюю подушку и одеяло, за что ей от меня здорово попало: у нее других не было, а в квартире было не теплее, чем в тюрьме.

Питаясь впроголодь, всегда с мокрыми ногами, что при питерской погоде было небезопасно для здоровья, Миля работала без устали: рабочий день на заводе, вечером до часу-двух ночи на собрании или на занятиях кружка. А когда на заводе она работала в ночь, то весь день проводила в профсоюзе или в редакции газеты «Правда», а позднее — в редакции журнала «Работница».

Близкие друзья Мили прозвали ее «кипятком», потому что она постоянно «кипела». А сколько у Мили было радости, когда решили издавать журнал «Работница»! Она первая стала собирать деньги по подписному листу у себя в мастерской на нужды этого журнала. Когда собрали, то в тот же день вечером побежала в город. «Скорее, скорее — деньги журналу нужны»,— торопила она нас. На следующий день отправилась на ниточную фабрику «Невка», там среди не-

знакомых также собрала порядочную сумму для «Работницы».

С распространением журнала у Мили дело доходило чуть ли не до драки с меньшевиками. Меньшевики-ликвидаторы всячески старались, чтобы журнал «Работница» не проникал к их нестойким и колеблющимся сторонникам, которых они, естественно, не хотели «отдать» большевикам. Тогда она собрала общее собрание работниц своей смены и провела следующее постановление: каждый сознательный рабочий и работница обязаны покупать журнал, а также распространять его, а если меньшевики будут тормозить распространение нашего журнала «Работница», то мы не допустим распространения «Луча» и другой меньшевистской литературы на заводе.

У Мили было много стычек с меньшевиками по поводу сборов в пользу репрессированных рабочих. Меньшевики ни за что не хотели делать сборы по общему списку с большевиками, так как у большевиков всегда было больше арестованных, чем у меньшевиков.

У Мили была еще одна черта: она не хотела верить, что в партии есть провокаторы. Она считала, что партия «святая святых», куда не может проникнуть чужой человек.

Я вспоминаю следующий факт. Среди партийцев-большевиков стали ходить слухи, что поведение Черномазова (одного из сотрудников газеты «Правда», разоблаченного после революции как провокатора) внушает подозрение. Миля таким слухам не хотела верить. Когда ей нужно было достать материалы по истории 1 Мая, она пошла к Черномазову, который снабдил ее таковыми. Миля прибежала домой довольная: «Черномазов материала много дал, а ты говорила — провокатор. Шпиономанией страдаете». Все же охранники пришли к нам, чтобы меня и Милю посадить «отдохнуть». Так как Миля была на работе, то взяли меня одну. И Миля ареста не избежала — взяли вскоре и ее.

Когда я приехала из Калужской губернии, куда была отправлена этапом, Мили уже не было — ее сослали в Сибирь.

Последний раз я ее встретила в 1917 г. в Питере. Она опять была на заводе и работала в Думе, а также в журнале «Работница». Дома я ее днем не заставала. Только ночью, несмотря на то что у нее был в то время грудной ребенок.

В 1921 г. я узнала, что Миля погибла в Сибири, куда ее послали для партийной работы, в колчаковской тюрьме.

Так она отдала за рабочее дело самое ценное — свою молодую жизнь.

Е. М. Кужелева

Главный подвиг Эмилии

В ноябре 1918 г. в Барнауле стояли тридцатиградусные морозы с резкими ветрами. В один из вечеров, оттирая себе щеки, я торопливо открыла дверь в доме на 4-й Алтайской улице, где должен был заседать подпольный комитет, и услыхала звонкий девичий смех. Переступив порог, я увидела среди присутствующих новое для меня лицо. Веселые голубые глаза, небольшой, чуть вздернутый нос, губы, открытые в приветливой улыбке.

— Это — наша Мария,— сказали мне. При первом знакомстве с этой милой женщиной мне особенно запомнилась ее привычка то и дело откидывать голову, встряхивать тяжелыми золотистыми косами.

Позднее я узнала, что под именем Марии действовала петроградская работница Эмилия Алексеева (Солин). В партийной работе Эмилия не была новичком. Став большевичкой, она успела пройти «тюремные университеты» и ссылку.

Прибыв в Барнаул, Алексеева быстро вошла в боевую жизнь парторганизации. Ее знали железнодорожники, кожевники, пимокаты города как неутомимого агитатора и организатора. Профессиональная революционерка владела секретом быстрого сближения с массами в любой обстановке. Ясность ее политических взглядов, простота и приветливость в обращении, бодрость и неутомимость — все вызывало чувство симпатии к ней.

За короткий срок вокруг Алексеевой сформировался широкий актив коммунистов и беспартийных работниц. Этот женский актив в тяжелый период вооруженной борьбы с контрреволюцией в конце мая и в начале июня 1918 г. помогал бойцам Красной гвардии, снабжая их продовольствием и боеприпасами.

Когда белогвардейцам с помощью чехословацких войск

удалось разбить отряды Красной гвардии и захватить власть в городе, Эмилия была арестована и брошена в Барнаульскую тюрьму. Ее вместе с другими женщинами освободила из тюрьмы волна протестов против диких расправ с большевиками и красногвардейцами.

Для Э. Алексеевой началась новая полоса жизни и борьбы. Она сыграла значительную роль в формировании подпольной организации и в расширении ее связей с рабочими и крестьянами.

Однажды мне пришлось встретиться с ней на явочной квартире. Надо было договориться о проведении собраний по решениям второй нелегальной городской конференции. Когда были определены места наших выступлений, Эмилия заявила: «Я тебя провожу». По дороге она рассказывала об условиях работы в Барнауле, знакомила с составом партийных ячеек, где нужно было работать, и подробно расспрашивала, как я устроилась и в чем нуждаюсь.

В Затоне Эмилию сразу же окружили знакомые рабочие. Ей рассказывали о безобразиях администрации, жаловались на дороговизну, сообщали о новых фактах бесчинств белогвардейцев. Тут же среди общих разговоров Алексеева сумела договориться с кем надо о месте, где должна собраться партийная ячейка. Оставив меня у речников, Эмилия пошла в другую партийную ячейку.

Подпольной работой Алексеева была занята до предела. С утра она уходила на службу, в контору потребсоюза. Там до начала занятий или в перерыве к ней заходили товарищи, чтобы поговорить о партийных делах, получить задания или информацию. А после работы, вечером, Эмилия часто выступала с докладами в партийных ячейках. Привыкнув к неиссякаемой энергии Эмилии и ее кипучей деятельности, я однажды была прямо-таки поражена, увидев ее дома с четырехлетним сыном. Имея такого маленького ребенка, она постоянно рисковала своей жизнью.

Как-то раз мы разговорились с Эмилией о смысле жизни, и она сказала: я очень люблю сына, но мне дорого и революционное дело. Ради победы революции я не пожалею своей жизни.

Жила Алексеева у Дуси Ореховой, самоотверженной и доброй женщины, которая, когда не было дома Эмилии, а это случалось почти каждый день, оставалась с ее ребенком.

В подпольной большевистской организации Барнаула Алексеева выполняла очень важную работу. Она была организатором ячеек, ведала партийными явками, руководила дея-

тельностью подпольного Красного Креста. Эмилию знали и в других городах Сибири: она была делегатом I Сибирской нелегальной партконференции.

Большой заслугой Алексеевой было установление и поддержание тесной связи с заключенными. Арестованные подпольщики всегда получали продовольственные передачи, медикаменты, одежду. Систематически им передавалась политическая информация.

Эмилия была не только руководителем, но и практическим исполнителем в работе Красного Креста. Она организовала и осуществила побег из тюрьмы члена партийного комитета Виктора Тиунова, которому грозила смертельная опасность. До ареста Виктор работал в земской управе, где у него был друг. Миля воспользовалась этим, договорилась с ним о вызове арестованного в земскую управу якобы для сдачи дел. Виктора привели под стражей в управу. Конвоиры остались в коридоре, а Виктор через черный ход скрылся.

Летом 1919 г. Барнаульской контрразведкой была казнена группа товарищей. В их числе был Петр Кудрявцев, которого во время залпа пуля не задела, но он был сильно порублен шашкой. Петр ночью добрался до своих родственников и скрывался у них в бане. Его навещала и перевязывала Миля, а затем он был перевезен в безопасное место.

Последний раз я видела Эмилию в начале августа 1919 г. Вечером она пришла к тюрьме, чтобы повидать нас, политических заключенных. Стояла теплая погода. Окна были открыты, и мы, предупрежденные о приходе Эмилии, еще издали увидели ее.

Шла Эмилия медленно, с расчетом незаметно приблизиться к окнам тюрьмы. Навсегда запомнилось ее милое, родное лицо, озаренное радостью свидания.

Мы были очень рады видеть боевого товарища. Но одновременно нас охватила тревога. Ведь Эмилия — секретарь подпольного комитета, ее наверняка ищут, а она подвергает себя опасности. Цепляясь за решетки окон, махая руками, мы обращались к ней только с одним призывом — уходи. Она удалилась медленно, оглядываясь и улыбаясь.

А в середине августа 1919 г. революционерка была арестована. При аресте у нее обнаружили тезисы Иркутской подпольной партконференции о подготовке восстания против Колчака и другие документы. Белогвардейцы поняли, что с арестом Эмилии они заполучили одного из активных деятелей большевистского подполья. Во время допроса к ней были применены жестокие пытки. Но ни одного слова не удалось

вырвать врагам у этой подпольщицы. Неожиданно для контрразведчиков она приняла цианистый калий и оборвала свою жизнь. Она боялась не физических мук, а только вынужденных показаний. Она пожертвовала своей жизнью, чтобы большевистское подполье Барнаула могло и далее жить, бороться и победить. Это был главный революционный подвиг в ее жизни.

Трудящиеся Барнаула свято чтят память об Эмилии Алексеевой. Ее именем названа одна из улиц города.

Дорогая Миля!

Я пишу о тебе...

Снова ты как будто рядом со мной, как будто ты живешь...

Я хотела написать о тебе не просто что-либо, что знаю, а самое главное. Сказать так, чтоб прочитавший сразу согласился с высокой оценкой твоей личности. Чтобы каждый понял, каким значительным явлением ты была среди нас, твоих соратников, какой памятной вехой стала ты в нашей жизни. И еще одно: чтобы всем казалось необходимым стремление оживить тебя в памяти твоих современников и пробудить интерес к твоей героической жизни у молодого поколения.

М. В. Решетникова,
член КПСС с 1919 г.

«ПЕТР МАЛЫЙ» И ЕГО ДРУЗЬЯ

Я хочу рассказать о группе друзей из Барнаула, которые с юношеских лет дружили, готовили себя к революционной работе и стали впоследствии активными борцами за Советскую власть.

Под кличкой «Петр малый» в Омске в 1918—1919 гг. действовал член нелегального большевистского штаба Александр Александрович Бушуев. Друзья «Петра малого» — это Александр Байков, Михей Ербанов, мой брат Лолий Решетников, Борис и Иван Байновы. Все эти люди также активные участники большевистского подполья Сибири.

В Барнауле Бушуев появился в 1911 г., когда он вместе со своей матерью Варварой Ипатьевной, сестрой Натальей и двумя малолетними братьями Антоном и Павлом поселился в доме на 5-й Алтайской улице около Соборного переулка — на самой окраине города.

Единственным кормильцем всей семьи являлся Александр, который окончил в Томске частные топографические курсы Весмана и работал в Барнауле в Лесном управлении Алтайского округа.

Там он подружился с бурятом Михеем Николаевичем Ербановым, окончившим те же курсы и работавшим в том же Лесном управлении. Дружба их была настолько крепка, что Александр пригласил к себе Ербанова, они жили как братья в одной комнате. Ербанов и столовался у Бушуевых.

В 1913 г. Бушуеву и Ербанову было поручено проведение землеустроительных работ в Горном Алтае. Рабочими в эту партию поехали Александр Байков, Борис Байнов и Лолий Решетников.

Крепко сдружились землемеры в это время со своими рабочими. Вся группа систематически читала газеты, журналы, политическую литературу. Почти ежедневно по вечерам они

собирались у Лолия Решетникова или в доме Бушуевых. Шли горячие споры по самым различным вопросам. Разбирали отдельные произведения писателей, обсуждали политические вопросы. Зачинщиком споров почти всегда был Александр Байков, который так остро ставил вопросы, что они вызывали бурное обсуждение.

Не в одних спорах проводила время молодежь. Байков артистически играл на балалайке, Решетников тоже имел балалайку и неплохо играл, у Бушуева была мандолина, у Ербанова — гитара. Байков хорошо пел, его любимой песней была «Белеет парус одинокий». Хором и под «оркестр» исполняли «Славное море, священный Байкал», «На диком бреге Иртыша» и другие песни. Ербанов пел бурятские песни. Иногда Байков и Решетников возвращались поздно, возбужденные и радостные,— удачно расклеили прокламации. В этой работе иногда проявлялось свойственное молодости «ухарство»: наклеить прокламацию на будку городового или на двери жандармского отделения — это считалось особо удачной работой.

По праздникам брали лодки, и вся молодежь Бушуевых, Решетниковы и Байков уезжали вверх по речке Барнаулке, там проводили весь день и возвращались лишь затемно.

Начавшаяся империалистическая война 1914 г. также вызывала многочисленные споры. Летом 1915 г. Бушуев с Ербановым сняли дачу в бору за Барнаулкой. По существу, там образовалась коммуна, так как поселились на даче Байков, Решетников, Борис Байнов и ряд других товарищей. С осени 1915 г. эта группа стала распадаться: были призваны в армию Л. Решетников, А. Бушуев, А. Байков и И. Байнов.

Байков был направлен в лейб-гвардию Семеновского полка под Петроград, Решетников попал в учебную команду города Барнаула. Александр Бушуев и Иван Байнов — в пехотные части. Михей Ербанов перевелся на работу в Иркутск.

Сестра Бушуева — Наталья Александровна — в это же время уехала учиться в Томск. Она поступила в фельдшерско-акушерскую школу и одновременно работала на кондитерской фабрике работницей, так как после ухода Александра в армию она не только не могла рассчитывать на какую-либо помощь, но должна была помогать своей матери воспитывать двух младших братьев. Матери Бушуева приходилось браться за всякую случайную работу, чтобы как-нибудь поддержать свою семью.

Не лучшее положение сложилось в семье Решетниковых. Еще в 1911 г. мужа старшей сестры призвали на действительную службу, и она с тремя детьми приехала к матери. С начала войны и вторая сестра по тем же причинам и тоже с тремя

детьми поселилась в нашей семье. Кроме этих двух, у Лолия было еще три сестры. Таким образом, наша семья состояла из 13 человек; три сестры работали в типографии наборщицами, но основным работником был Лолий.

Чтобы прокормить такую семью, Решетников до призыва в армию брался за любую работу: летом был печником, зимой — пимокатом. Работал он в слесарной мастерской вместе с Борисом Байновым, а в праздники — в театре на гардеробе и даже выступал в цирке с профессиональными борцами, за что получал, кажется, по 5 рублей за выступление.

Лолий Решетников, когда его призвали в армию, вел политическую работу среди солдат, и, пока он был рядовым в учебной команде, все шло успешно. Он был толковый, исполнительный солдат и на хорошем счету у начальства.

Но вот он получает чин ефрейтора и обязанность обучать новобранцев. Новобранцы были в большинстве неграмотные деревенские парни. Их обучали тогда зачастую с помощью рукоприкладства. То же требовалось и от Решетникова. Однажды на занятия зашел офицер. Услышав, как Решетников терпеливо разъясняет солдату, как надо отвечать на вопрос «Что есть солдат?», он сказал: «Что ты с ним цацкаешься? Дай ему в морду, а не то сам получишь».

Но Решетников работал с солдатами так, как того требовали интересы революции. И скоро эта его работа и отношения с солдатами вызвали подозрения у начальства. Решетников избежал ареста только потому, что уехал на фронт.

Месяца через полтора после этого, находясь в рядах 44-го сибирского полка, Решетников был ранен в бою и отправлен в челябинский госпиталь. Из госпиталя он возвратился в Барнаул в августе 1916 г.

Оправившись несколько от ранения, Решетников устроился подручным к Борису Байнову, который открыл в Соборном переулке маленькую слесарную мастерскую. Мастерская давала слишком ничтожный заработок обоим товарищам, и снова они ищут любой случайной работы. Иногда Лолию удавалось поработать в городских пимокатных мастерских, иногда приходилось выезжать в деревню.

Произошла Февральская революция. Решетников включился в активную политическую работу: выступает на городских митингах, на собраниях рабочих, пимокатов, сапожников. Одновременно ему нужно думать о заработке — ведь семья большая. Прокормить ее нелегко, и брат снова организует артель печников, с которой и работает лето 1917 г.

В апреле приехал из армии А. Байков и почти одновремен-

но — И. Байнов и А. Бущуев (последний окончил в конце 1916 г. школу прапорщиков и возвратился офицером). Вновь и еще более жарко разгораются споры. Ведущая роль по-прежнему принадлежала Байкову, а объектом нападок стал А. Бущуев, которому доставалось за его офицерские погоны. Байков говорил: «Смотри, Шурка, придется тебе стрелять в меня и Лолия». Бущуев чуть не со слезами отвечал: «Скотина ты, Сашка, что так смеешь думать»,— и, раздраженный, убегал с тем, чтобы на следующий вечер снова быть вместе с друзьями. Иногда Решетников заступался за Бущуева, говоря Байкову, что и нам нужны подготовленные кадры. Последний посмеивался и отвечал на это, что, конечно, так, но надо все время держать его под прицелом, дабы золотые погоны не поставили его по ту сторону баррикад. Так проходило лето 1917 г.

Помнится мне, как проходила партийная регистрация. Это было в июле 1917 г. Байков пришел возбужденный и со смехом рассказывал: «Я зарегистрировался первым как большевик и остановился около, наблюдая, как будут записываться остальные наши ребята. Иван Байнов не иначе как хотел записаться в меньшевики, но, увидев меня, вздохнул и сказал: «Ох, большевик».

Иван добродушно отругивался, ничего в нем меньшевистского не было, он был убежденный большевик-фронтовик. Решетников записался интернационалистом, за что подвергся уничтожающей критике и со стороны И. Байнова. Через несколько дней Решетников исправил свою ошибку и зарегистрировал свое членство в партии большевиков.

Байков работал в правлении артели сапожников и усиленно подыскивал среди сапожников резервы для партии, часто советуясь с Лолием об отдельных людях. Он упоминал о Н. Разницыне и П. Головлеве как о людях, которых следует привлечь в партию. Оба эти сапожника позднее, в период колчаковщины, включились в активную подпольную работу. Разницын был членом подпольного комитета.

В августе, в одно из последних летних воскресений, когда группа наборщиц находилась на даче, пришел туда Байков и начал уговаривать женщин срочно пойти в город печатать листовку по поводу корниловского мятежа. Не очень-то хотелось наборщицам терять свой день отдыха, однако не так легко было отделаться от Байкова. Он и упрашивал, и ругал всех их обывательницами (самое презрительное слово в лексиконе Байкова), и стремился убедить в срочной необходимости печатания листовки. Дело кончилось тем, что Ася Решетникова, Оля Ничкова, Аня Бахтина и Шура Жданкина пошли

с Байковым в типографию, а мы отправились домой. Уже вечером возвратилась Ася и сказала: «Зря вы не пошли с нами, ведь этот Сашка (Байков) как сядет на шею, так и не слезет, пока своего не добьется. Мало ему набрать листовку, так он заставил нас дождаться, пока ее отпечатают, и нас же заставил пойти ее распространять. Мне достался сад при Народном доме, и едва я зашла и сказала: «Революция в опасности, в Петрограде мятеж Корнилова», как меня обступили офицеры и моментально все листовки были разобраны. Выходит, что я лишилась отдыха для того, чтобы информировать офицерье». Байков, который пришел вскоре после нее, утешал, что не одни же офицеры, были и другие люди, да и в рабочие районы листовки послали.

С установлением Советской власти Л. Решетников был избран членом городского комитета партии и направлен для работы в губсоюз, а затем в продовольственный комитет.

Почти все вечера проводились в Совдепе. Там же работали Байков и Байнов. Бушуев, видимо, работал где-то вне Барнаула, так как в это время у нас в доме бывали только его младшие братья — Антон и Павел. Но вскоре уехал и Антон. Наступало время, когда каждому из них пришлось занять свое место в защите завоеваний революции.

Павлу Бушуеву, юноше, которому едва исполнилось 16 лет, первому пришлось с оружием в руках стать на защиту Советской власти. В мае 1918 г. в Барнауле был сформирован отряд Красной гвардии для борьбы с семеновскими бандами, и Павел под влиянием Байкова ушел добровольцем с этим отрядом.

Возвращаясь с вокзала после проводов Павла Бушуева, я со всем пылом шестнадцатилетней юности напала на Байкова. Я обвиняла его в том, что он со своей агитацией добился отправления на фронт ребенка, не умеющего обращаться с винтовкой, а сам остался в тылу. «Нужно было тебе самому показывать пример, а не оставаться здесь»,— наскакивала я на Байкова. «Научится и Павел драться. Научится и винтовку держать. А за меня не беспокойся,— немножко с грустью сказал он,— и на мою долю драки еще хватит».

Последний раз я видела Байкова дней за пять до белогвардейского мятежа. Ранним утром часа в три-четыре они с Иваном Байновым постучали в окно. Оба были в шинелях, с красными повязками на рукавах, с винтовками за плечами и... большими букетами сирени, мокрой от утренней росы. Сестра Ася, которой к семи часам утра нужно было идти на работу в типографию, возмутилась и начала их ругать, что являются в такую рань, а они, сидя на лавочке около окна, вполголоса

напевали: «О, дай мне забвенья, родная» и «Выйди, Лизетта, я здесь под окном» и кидали через окно мокрые ветки к нам на постель. Ася продолжала нещадно ругать обоих. Байков же не оставался в долгу, говоря: «Скромные революционеры охраняют покой беспечных обывателей (имелись в виду мы с Асей), а они хотя бы напоили их чаем в награду за это». Наша мать сказала: «Сашенька, чай уже закипает. Идите пить, пусть уж девки поспят».

Ася не хотела уступить последнего слова и с иронией заметила: «Тоже мне — скромные революционеры! Скорей ангелочки с цветочками в руках». Байков ответил: «И в самом деле, на что нам эти цветы»,— и, со смехом кинув в нас мокрые ветки сирени, они отправились на кухню пить чай.

Через два-три дня они уехали на фронт.

В городе почти не осталось вооруженной силы. Решетников не бывал дома — все ночи проводил в Совете.

В ночь на 10 июня в Барнауле вспыхнул мятеж белогвардейцев. Л. Решетников, Ф. Ильиных и А. Третьяков на единственном автомобиле срочно выехали на вокзал, чтобы вызвать часть отрядов Красной гвардии для защиты города. Около вокзала их обстреляли. Машина остановилась. Пуля попала в Третьякова. Решетников склонился над ним, а Ильиных выскочил в кусты с винтовкой. Решетникова обезоружили, но в это время Ильиных начал стрелять. Напавшая банда растерялась, и Лолий скрылся в кустах. Вдвоем с Ильиных они добрались до вокзала и успели связаться с командованием. На другой день части Красной Армии подошли к Барнаулу, и мятеж был подавлен. Байков послал записочку, которую написал во время боя. В ней он выражал большое беспокойство по поводу Решетникова: «Я почему-то думал, что Лолий арестован. Но вот мы взяли почту, откуда освободили группу арестованных — его здесь не было, сейчас направили отряд к тюрьме — возможно, он там». Но Лолий не был арестован, а вместе с Ф. Ильиных был в Совете. На другой день он пришел домой, рассказал о смерти Аркадия Третьякова, учащегося реального училища, который вместе со своими сестрами с первых же дней революции активно сотрудничал с большевистской партией. Он работал в редакции газеты, а в тревожные дни перед белогвардейским мятежом все ночи проводил в Совете.

На похоронах Аркадия была большей частью совсем «зеленая» молодежь, так как основной костяк его боевых друзей продолжал борьбу с бандитами.

Дня через два после похорон Аркадия началось наступление белых войск. Наступали они с горы. Из окна нашего дома было

видно, как по 2-му Прудскому переулку отходили к вокзалу цепи красноармейцев, отстреливаясь и перебегая от дома к дому. Таким же порядком вслед за ними наступали отряды белых. Поздно ночью пришел домой Решетников. Усталый, он сразу же свалился на кровать, а утром мы проснулись под колокольный звон. На улицах ходили люди с белыми повязками и шли разговоры, что власть взяли белые.

Решетников встал, оделся и ушел из дома, сказав, что пойдет к Ильиных. В этот же день он был арестован. Часа через полтора мы с Асей решили пройтись по улицам, чтобы что-нибудь разузнать. Не успели выйти на Павловскую улицу, как к нам подошел патруль и, обращаясь к Асе, сказал: «Вы арестованы». Я шла чуть позади и замедлила шаги. На ее вопрос о причине ареста последовал ответ: «Достаточно того, что вы Решетникова». На меня никакого внимания не обратили, и я тихонько пошла обратно.

Дома я ничего не сказала матери. Но она, видимо, чувствовала и понимала, что ее детям грозит опасность. Ей стало плохо, и я уложила ее в постель. Жена Лолия Агриппина Дмитриевна Ильиных ушла к своим. Дома, кроме больной матери, остались я и младшая сестра. У нас беспрерывно один за другим шли обыски. Брат был уже арестован, и белые, зная, что он работал на руководящей должности в продовольственном комитете, рассчитывали, что у нас им будет чем поживиться. Я слышала, как, проходя мимо окна, они сговаривались: «Ты бери мануфактуру, а я продукты». К их великому огорчению, ни вершка мануфактуры и ни куска сахара в доме не оказалось.

Нужно отметить, что даже в белогвардейских частях были сочувствующие большевикам. Так, во время обыска один из обыскивающих сунул руку под печку и сказал: «Нет ничего», но при этом так на меня посмотрел, что я поняла, что там что-то имеется. После их ухода я сейчас же проверила и обнаружила у самого отверстия печи наган.

Решетников после ареста был выведен на расстрел вместе с Н. Д. Малюковым. Однако, когда они уже стояли у заготовленной могилы, подъехал конный патруль во главе с поручиком Бархатным. Спросив, кого расстреливают, он заявил: «Малюкова расстреливайте, а Решетникова в тюрьму. Он еще нужен будет». Так Решетников с места расстрела попал в тюрьму. Пока шел этот разговор, Малюков написал свою фамилию на березе.

На месте расстрела Малюкова кем-то был поставлен небольшой крест, на котором написали, что здесь был расстрелян

большевик Н. Д. Малюков. На том же кресте было написано, что всех большевиков ожидает та же участь: собакам — собачья смерть. На эту надпись последовал ответ: «И вам то же будет». Весь крест был исписан людьми, клянущими белогвардейцев, и угрозами последних. Затем его сломали. Однако через некоторое время появился новый крест, кирпичный, оштукатуренный, и снова на нем появились надписи с обеих сторон.

Узнав об аресте Решетникова, работавший с ним в продовольственном комитете меньшевик Н. И. Поспелов, выдвинутый белогвардейско-эсеровским правительством в члены городской думы, взял шефство над арестованным Решетниковым. Он посетил его в тюрьме и предупредил, чтобы он ни в коем случае с представителями контрразведки ни на какие допросы из тюрьмы не выходил. Сам же следил за ходом дела Решетникова, и, если Решетникову нужно было явиться на следствие, он вместе с конвойными сопровождал его.

Однажды все-таки из контрразведки явились в тюрьму два офицера и приказали Решетникову следовать за ними. Решетников отказался, и арестованные в камере закрыли его своими телами.

Началась перебранка, офицеры не решались применить оружие, а только сыпали угрозы и зуботычины. В это время приехал Поспелов и как член городской думы потребовал ордер на вывод Решетникова из тюрьмы. Никакого ордера у молодчиков из контрразведки не оказалось, и они были вынуждены с руганью удалиться.

Судили Решетникова в конце июля или начале августа 1918 г. По суду он был оправдан и освобожден из-под стражи. С начала суда у нас дома сидела засада из контрразведки. Уже были случаи, когда по суду человека оправдывали, но в тот же день он попадал в лапы контрразведчиков и оказывался убитым. Решетникову эти случаи были известны, и он домой из суда не пошел, а некоторое время скрывался, затем выехал из города в село Овчинниково.

На второй день после белогвардейского переворота был издан приказ о мобилизации офицерского состава. Александр Бушуев по этой мобилизации не явился и перешел на нелегальное положение, отдавшись всецело делу большевистской партии, и уже в августе вместе с Байковым работал в подпольной большевистской организации Томска.

Поздней осенью 1918 г. Байков и Бушуев приезжали в Барнаул, где участвовали в городском партийном нелегальном собрании. На нем были также Решетников и Ильиных.

С собрания Решетников с Байковым пришли к нам домой, и Лолий высмеивал Байкова за его горячую рекомендацию Елены Кужелевой. «Ах, какая энергичная, какая умная девушка! Просто, Сашка, пришло твое время, и ты здорово влюбился, вот и все». Байков сначала посмеивался, а потом сказал: «Брось ты, Лелька, чепуху пороть. Работница она прекрасная».

Я поняла, что Кужелева — это член подпольного комитета (ее избрали в комитет заочно, приехала она из Томска в ноябре 1918 г.) Так как в последний год Байков отдавал мне явное предпочтение перед другими девушками, меня очень заинтересовала Елена Кужелева, но познакомилась я с ней значительно позднее.

Вскоре Байков и Бушуев возвратились в Томск, а Решетников, пробыв в городе несколько дней, уехал вновь в деревню. С Байковым они все время переписывались. В конце 1918 г. Байков по решению партийной организации уехал из Томска в Красноярск, а в мае 1919 г.— в Иркутск, где работал и Михей Николаевич Ербанов.

В Иркутск в это время приехали братья Байновы и Решетников. Все они работали там в подпольной организации. Байков — начальником военного штаба, Ербанов выполнял всю техническую работу.

Б. Байнов в конце июля 1919 г. был из Иркутска командирован в Барнаул для связи с подпольной партийной организацией. Мне запомнился этот его приезд, так как здорово от него попало. Я со своими товарищами поехала кататься вверх по Барнаулке и пробыла в лесу допоздна. Возвращаясь домой часов в 11 вечера, увидела у ворот дома возбужденного Бориса. Быстро подошла к нему, поздоровалась, спросила, откуда он. В ответ он раздраженно спросил: «Где ты была?» Я робко ответила: «На лодочке каталась».— «Я ее три часа жду, а она на лодочке катается,— с сарказмом начал он.— У тебя явочная квартира, мне срочно нужно увидеться с председателем комитета». Но время было позднее, и свидание было отложено до утра. Я предложила ему остаться ночевать у нас, однако он отказался, и мы договорились, что рано утром я схожу к Малиновскому, а затем Борис придет ко мне. Часов в 8 утра я пошла к А. А. Малиновскому, который жил на 8-й Алтайской, рассказала ему о Байнове, и он дал согласие, чтобы я привела его к нему. По возвращении я нашла Байнова уже дома и повела его снова на 8-ю Алтайскую. Когда я привела его туда, он мне сказал: «Вот, Маня, дурная голова ногам покоя не дает, ты сделала уже три рейса до 8-й Алтайской и меня заставила

прогуливаться, а моя квартира — вот — напротив». После свидания с Малиновским Борис возвратился в Иркутск.

Вторично Борис приехал недели через три. Пришел к нам в дом сильно взволнованный и на вопрос, откуда он, ответил: «Прямо из контрразведки». Это было в августе 1919 г., на второй день после трагической смерти «Марии» (Эмилии Алексеевой) — секретаря подпольного комитета Барнаула. Борис приехал из Иркутска, пришел на квартиру своей сестры на 8-ю Алтайскую, а там была засада контрразведчиков. Насколько он понял, ожидали приезда Архипа Селезнева, который жил там раньше.

В контрразведке его повели прямо в кабинет начальника. Там был еще один офицер контрразведки, и между ними шел спор. Один говорил, что необдуманными репрессиями только возбуждается население и оно невольно становится на сторону большевиков, а другой заявлял, что только каленым железом можно вытравить большевистскую заразу. Борис держался уверенно. По внешности он не походил на рабочего (всегда подтянутый, в хорошем костюме, высокий, с большими карими глазами и вьющимися волосами). Обращаясь к начальству, он спросил, долго ли ему еще быть здесь. О себе он сказал, что имеет собственный дом (домик площадью не более 25 метров, с тремя окнами, наполовину вросший в землю), что ездил в Иркутск за товаром, а на эту квартиру зашел за бельем, которое отдал в стирку. Его сестра действительно брала в стирку белье. Один из контрразведчиков, указав на Бориса, сказал: «Вот видите, совершенно порядочный человек был задержан, и хорошо, что не избит. Вот так люди и делаются большевиками». И, обращаясь к Борису, сказал: «Можете быть свободным — идите!» — «Но меня же не выпустят — дайте пропуск». Офицер взял со стола бумагу, написал одно слово «пропустить», поставил печать и расписался. Борис вышел с этим пропуском, а когда перевернул его, то на обороте увидел донос на председателя подпольного комитета Малиновского. Фамилия не указывалась, но описывалась внешность, его выступление на собрании кожевников, затем шпик шел за ним до 8-й Алтайской, но не уследил, в какой он зашел дом.

Эту записку-пропуск я отнесла Малиновскому, и он дня на три ушел из квартиры, но так как за это время никакой слежки не обнаружили, то он снова вернулся на 8-ю Алтайскую улицу.

После Малиновского я должна была известить мать Байнова, что Борис уже у нас, но когда я подошла к дому, навстречу мне прошел мужчина. Заходя в ворота, я оглянулась и увидела,

что он повернул обратно. Сделав вид, что поправляю свой немудреный туалет, я тут же выскочила обратно. Вид у меня был совсем не солидный. Маленькая, в сандалиях на босу ногу и с двумя косичками за плечами, я казалась девочкой 13—14 лет, не больше. Шпик сначала пошел за мной, но через дорогу я перебежала бегом, расстояние между нами увеличилось, и он, видимо, решил, что «игра не стоит свеч», и вернулся к дому Байновых.

Увидев, что сзади никого нет, я вернулась, зашла с другой улицы к Евдокии Сосовой (сестре Ф. Д. Ильиных) и попросила передать матери Байнова, что Борис у нас и что через день он уедет.

Приезд этот для Бориса был трагичен. После своего «визита» в контрразведку он остался ночевать у нас, я положила его под крышу амбара, а сама заснула сном, свойственным семнадцатилетней девушке, и проснулась... когда в доме уже шел обыск. Прислушавшись к разговору, я поняла, что ищут Лолия.

А в амбаре Борис! Я встала, не торопясь оделась, взяла полотенце и пошла вроде умываться. Никто не обратил внимания на девчонку. Вход под крышу был с заднего двора. Я влезла по лестнице и позвала: «Борис, Борис, у нас обыск». Он соскочил — спал он одетый,— и первые слова его были: «Черти, выспаться не дадут!» Я быстро проводила его в соседнюю усадьбу, в баню к попу, и вернулась, вытираясь полотенцем. Обыск уже заканчивался, и я из разговора узнала лишь, что проводился он по указанию прапорщика Л. П. Семенова, сына прачки и сапожника, кончившего офицерскую школу и полностью перешедшего на сторону белогвардейцев.

На следующий день Борис Байнов уезжал. Я его провожала до реки. Ехал он в Новониколаевск со станции Алтайская, до которой добирался на лодке через Обь. В Новониколаевске он сразу же был арестован и замучен колчаковской контрразведкой.

Его брат Иван в Красноярске также погиб. Уже в 1920 г. я слышала от Лолия Решетникова, что ему сообщили о таких обстоятельствах смерти Ивана: его арестовали с каким-то большим уличающим материалом, и он во время обыска принял цианистый калий. Офицер, производивший обыск, заметил это и с издевкой спросил: «Может быть, вам запить дать?» — на что последовал ответ: «И так обойдется»,— и Иван упал мертвым.

В июле 1919 г. Решетников после провала в Иркутской подпольной организации вынужден был возвратиться в Барнаул, где немедленно связался с председателем подпольного комите-

та партии А. А. Малиновским и по его указанию выехал в партизанский отряд, где и находился вместе с М. И. Ворожцовым («Анатолием») и П. Я. Новиковым до прихода Красной Армии.

Вместе с партизанской Чумышской дивизией Решетников как ее комиссар вошел в ряды Красной Армии, где находился до марта 1920 г., и возвратился, награжденный именным оружием и Почетной грамотой Реввоенсовета.

По возвращении из армии он работал на продовольственном фронте. В 1921 г. активно участвовал в подавлении кулацких восстаний, избирался заместителем председателя губисполкома, секретарем горкома партии и занимал ряд других руководящих постов.

В первый же день Великой Отечественной войны его призвали в армию. Затем вместе с И. В. Громовым и другими бывшими партизанами Решетников перешел фронт для связи с белорусскими партизанами, доставлял подарки сибиряков.

Умер он в 1955 г. после тяжелой болезни в Новосибирске.

О судьбе старшего из братьев Бушуевых — Александра, или «Петра малого», как его называли в Омском большевистском подполье, известно немногое. После II Сибирской областной подпольной партийной конференции (ноябрь 1918 г.) он вместе с Сибирским обкомом РКП(б) переехал в Омск как член Центрального военно-революционного штаба. И там в начале февраля 1919 г. был расстрелян белогвардейцами.

От Павла Бушуева, уехавшего из Барнаула в мае 1918 г. для борьбы с семеновскими бандами, за весь период колчаковщины никаких известий не было. Лишь в 1922 г. было получено несколько писем, в которых он писал: «Та волна революционной борьбы, которая захватила меня в 1918 году, не остыла, а лишь больше воспламенила меня. Я почти все время находился в боях». А через два месяца было получено письмо от его командира: «24.XI. 1922 г. гор. Хабаровск. Не удивляйтесь, что я пишу без обращения, хотя Бушуев часто говорил о вас. В последнем походе он дал мне адреса, или, вернее, мы поменялись адресами своих родных и знакомых, зная, что нас ожидают жестокие бои.

Товарищ Бушуев был командиром взвода отряда особого назначения. В последней кампании этому отряду была дана задача пробиться в тыл противника, и он был убит во время атаки укреплений противника под деревней Ивановка Никольско-Уссурийского уезда Приморской области.

Похоронили его в братской могиле. Убитых и раненых с нашей стороны было около 200 человек. За боевое отличие он был представлен к ордену Красного Знамени.

Вот все, что я могу передать о своем друге.

Пом. нач. штаба отряда особого назначения — *И. Н. Шапиро*
г. Хабаровск, Слободскан, 17».

Последний из братьев Бушуевых, Антон, в период колчаковщины также находился в партизанском отряде, с приходом Красной Армии начал работать в органах губчека сначала в Барнауле, а затем Краснорске. В июле 1921 г. в командировке он, заразившись холерой, умер.

Наталья Александровна Бушуева в 1918 г. работала в Томской подпольной организации, а затем была направлена в партизанский отряд как боец и фельдшерица. В отряде она пробыла до момента соединения его с Красной Армией. В мае 1920 г. вернулась в Барнаул.

Помню такой случай, характеризующий Наталью. Зачем-то нам с ней нужно было ехать в Нагорный район, и в губисполкоме нам дали пару лошадей. В городе было всего две автомашины, и вдруг на нашем пути повстречалась одна из них. Лошади испугались и понесли прямо по направлению к Яру по берегу. Еще одна минута — и мы полетели бы вниз. Но Наталья сунула мне в руки вожжи, на всем скаку выскочила из тележки, схватила лошадей под уздцы и повисла на них. В двух шагах от Яра лошади остановились. Я не могла удержаться и сказала: «Какая ты храбрая, Наташа!» Она махнула рукой и ответила: «То ли приходилось делать в партизанском отряде! Приходилось без седла скакать по нескольку километров и брать не такие препятствия».

В 1921 г. Наталья Александровна возвратилась в Томск, в 1932 г. закончила медицинский факультет, работала врачом в Бурят-Монгольской АССР и Алтайском крае. В 1952 г. она умерла.

А. В. Байков с марта 1919 г. работал начальником военного штаба Иркутской подпольной организации. В конце августа 1919 г. он приехал в Новониколаевск и на явочной квартире Сурновых был арестован.

Байкова подвергли неслыханным пыткам. Раненый при аресте, он назвал нелегальную квартиру в Иркутске, где он якобы жил. Байков полагал, что эта квартира, считавшаяся в подпольной парторганизации проваленной, подпольщиками покинута. Но оказалось, что там проживал один из участников большевистского подполья. Байкова отправили в Иркутскую тюрьму.

После переворота в Иркутске Байков, освободившийся из тюрьмы, явился в партийную организацию и заявил о том, что под пытками он назвал явочную квартиру.

Сурово относятся коммунисты к людям, не выдержавшим испытаний, да и сам Байков говорил не раз, что на изменников у него бы не дрогнула рука. Однако Иркутская партийная организация, учитывая его работу и все обстоятельства дела, предложила ему искупить вину в бою. Он получил пулемет и пошел в бой с белыми. Товарищ, извещавший о его смерти, писал, что он в боях против белогвардейцев дрался, как лев, бросался в самые опасные места, но пули щадили его. Возвратившись, он заболел тифом и умер в иркутской больнице.

При встрече в 1928 г. с Ербановым в Москве я спросила, участвовал ли он в похоронах Байкова. Он мне ответил, что хотя многие отвернулись от Байкова, но он был у него в больнице и хоронил его как своего лучшего друга.

Михей Николаевич Ербанов до 1938 г. работал в Бурятии, он был секретарем обкома КПСС и Председателем Совета Народных Комиссаров республики, а также неоднократно избирался членом ЦИК СССР.

Таков путь этой группы друзей, с юношеских лет отдавших себя борьбе за лучшее будущее.

А.В.Бердникова,
член КПСС с 1917 г.

НЕОБХОДИМАЯ СПРАВКА

...Хорошо, что М. В. Решетникова извлекла из своей памяти черты жизни и характеры товарищей, которых мы знали в свое время в подполье, но не знали их биографий — не в обычае было тогда расспрашивать, как, где и что было.

К сожалению, мы и до сих пор знаем слишком немного. Рассказ М. Решетниковой восполняет этот пробел. Живыми встают перед нами Александр Бушуев — военный организатор, один из руководителей военной работы большевиков Сибири в подполье, Александр Байков — работник ряда комитетов и штабов этого сурового времени, братья Иван и Борис Байновы, Михей Ербанов и Лолий Решетников — все они выросли в тесной дружбе, и она стала подлинно дружбой на жизнь и на смерть.

Я должна сказать об Александре Байкове. Он с пулеметом бился на улицах Барнаула и с тех пор не складывал оружия, вел военную подпольную работу и в Томске, и в Красноярске, и в Иркутске.

В Красноярске он возглавил, после ноябрьского провала, партийный комитет и вел работу до конца весны 1919 г.

Александр приехал в Иркутск в конце мая 1919 г. в связи с новым провалом в Красноярской организации.

С его приездом здесь сформировался штаб подпольного комитета, и он возглавил его.

Боевая работа Александра, какую знают, видели и помнят товарищи из партийного актива, еще сохранившиеся в живых, не позволяет говорить по отношению к нему слово «выдал». Если бы Александр Байков был способен на это, то Иркутская организация не существовала бы, так как он знал ее дела и ее людей. Здесь может быть речь о несчастье. Я не могу сейчас сказать со всей точностью, как это произошло, но после всех пыток, какие он перенес в Новониколаевске, ему пришлось

указать адрес квартиры, в которой он якобы проживал в Иркутске. В его квартире, где он жил вместе с М. Н. Ербановым, было паспортное бюро подпольного партийного комитета. Он не мог указать на нее, а указал на квартиру, которую в подполье считали проваленной. Там не должны были находиться подпольщики, но там оказался один из них — Бильчинский. Он был арестован. Затем арестовали И. В. Сурнова.

В Иркутской тюрьме, куда препроводили Александра Байкова, заключенные к нему относились как к товарищу и при освобождении из тюрьмы, когда специальная комиссия рассматривала вопрос о причинах провала в Иркутске, она вынесла заключение, что никаких оснований для обвинения Александра Байкова нет. «Об Александре,— как пишет Д. Жиркова,— все, как один, имели мнение, что он является честным, преданным бойцом нашей партии».

Во время боев в Иркутске Александр находился в передовой цепи наступавших рабочих и революционных солдат, вновь став пулеметчиком.

Вскоре он заболел тифом и умер в январе 1920 г.

Борис Байнов приехал в Новониколаевск, возвращаясь из Барнаула. Это было также в дни сентябрьского (1919 г.) провала. Здесь Борис Байнов был арестован и подвергся мучительным пыткам. Погиб он уже в последние дни при повальном бегстве колчаковцев.

В.Ф. Тиунов,
член КПСС с 1916 г.

ПОБЕГ

В Барнаул я приехал примерно в августе — сентябре 1918 г. Случайно встретился с товарищем, знакомым по Томску, через которого вскоре связался с рядом других товарищей, уже начавших работу по сколачиванию партийного ядра. К этому моменту знал следующих товарищей: Сурнова, Фриду Андрей, Лену Кужелеву, Александра Шемелева, Максима Ковалева, Феофанова и некоторых других.

На I Сибирскую подпольную партийную конференцию в Томске в августе 1918 г. от Барнаула ездила Эмилия Алексеева. По приезде она информировала о работе конференции на специальном совещании группы.

После этого началось оформление городской партийной организации. Был учрежден комитет как постоянный руководящий орган, шла организация подпольных партийных ячеек на предприятиях. В состав комитета входили: Сурнов, Кужелева, Шемелев, я. Не помню пятого, кажется, был П. Коваленко[1].

В связи с началом крестьянского движения, отказом призывников от мобилизации хочу сделать небольшие замечания по этому вопросу. Возвращаясь из Семипалатинска в Барнаул, я значительную часть пути шел пешком (это было в августе). Заходил в деревни. В селе Локтевское Змеиногорского уезда я заболел, остановился на два дня и наблюдал, как группа призывников этой волости не пошла в эшелон. Тотчас против нее был послан маленький отряд. И это была, пожалуй, первая стычка отрядов. Я присутствовал на собрании жителей Локтевского. Тут не было иногородних агитаторов, а выступали крестьяне, и не только середняки и бедняки, а, видимо, и крепкие хозяева, так как в их выступлениях скво-

[1] Коваленко в состав комитета не входил. *(Сост.)*

зила мысль: «Сейчас горячее страдное время, а работников забирают». Но были в этом селе и в окрестных селах и такие, которые определенно возражали против самой войны, ставили под большое сомнение все обещания Временного Сибирского правительства. Об этом оповестили срочно все население волости.

В связи с этим движением революционное настроение среди рабочих города стало усиливаться. Рабочие чувствовали, что в городе есть большевики и что есть организация, но они не понимали, почему партийцы скрывают свою активность и почти не используют печатную агитацию. А что настроение рабочих было именно революционное, достаточно вспомнить очень показательный случай с губернской конференцией профсоюзов, которая состоялась в Барнауле осенью 1918 г.

Во главе профсоюзов стояли известные в то время меньшевики: Ершов, Шемелев, Кадар, Николаев. В повестке дня первыми стояли политические вопросы: текущий момент, отношение к Учредительному собранию и Сибирской областной думе.

Интересны два эпизода, предшествовавшие конференции.

Группа делегатов от барнаульских предприятий заблаговременно повела разговоры о том, что надо более широко обсудить первые вопросы повестки дня, а для этого просить выступить представителей левых партий (большевиков и левых эсеров). Руководители конференции ответили, что, если таковые обнаружатся, пусть выступают. Кроме этого, бывший городской голова меньшевик Николаев вел с начальником гарнизона переговоры насчет разрешения созыва конференции. Последний разрешил, но с условием обязательного участия на заседании конференции своего представителя. Николаев согласился, но выразил пожелание, чтобы этот представитель не был в военной форме, так как это очень стеснило бы делегатов.

В аппарате городского Совета профсоюзов в то время работали товарищи «Сергей Яковлев» (Заварыкин) и Яков Кальман. «Сергей» был левым эсером, а Яков — сочувствующим нам активистом. Через «Сергея» мы получили предложение выступить на конференции. Мы долго обсуждали — выступать или нет и пришли к выводу, что наше выступление было бы очень кстати, но оно связано с большим риском. Поручили выступить мне, если обстановка на конференции это позволит.

Открытие конференции состоялось вечером. Я не знал об этом и не пришел на конференцию... Делегаты не только Барнаула, но и других городов еще раз подняли вопрос о приглашении нашего представителя. Им ответили, что пока

никого нет. По этой причине или по другой, но конференция оба вопроса перенесла на следующий день.

Утром следующего дня я пришел к открытию, слушал доклад редактора газеты «Алтайский луч» Кадара. Кстати, президиум, кажется, во мне заподозрил представителя начальника гарнизона и усиленно следил за мной. Я подал записку в президиум: «Гарантирует ли президиум безопасность выступления представителя подполья?» Мне ответили: «Нет». Тогда я вторично подал записку с просьбой предоставить мне слово сразу после доклада.

Кадар в своем докладе выступал с обвинениями большевиков в разгоне Учредительного собрания, говорил о том, что он в принципе не возражает против перехода власти в руки рабочих, но что это нельзя делать так, как делают большевики. Надо сначала воспитать, просветить рабочих и только тогда привлекать к власти. Распинался также насчет подлинной народной власти в лице Учредительного собрания, Сибоблдумы и прочего.

Выступление я начал с того, что передал горячий привет трудящимся Алтайской губернии от загнанной в глубокое подполье, но не прекращающей революционной борьбы Барнаульской организации РКП(б).

Это приветствие вызвало очень теплый прием, так же как и все выступление. Мое выступление не менее красноречиво дополнил следующий факт: только я кончил и после меня взял слово Владимир Шемелев, как вдруг в помещении появилась фигура офицера, который жестом остановил оратора, заявив президиуму, что он послан начальником гарнизона предложить снять с обсуждения конференции все политические вопросы. Возражения тут бесполезны.

Таким образом, это было наше первое выступление, широко извещавшее о существовании большевистской подпольной организации.

К началу 1919 г. организация вполне оформилась. Ячеек было много. Были выделены товарищи по связи и инструктажу (Алексеева, Фрида, Ворожцов, Сурнов, я). При помощи студента-медика Гдалия Шергова было организовано паспортное дело, и мы понемногу начали связываться с партизанскими отрядами.

С Медведевым мы взялись за организацию типографии. Шрифты, кассу и другие материалы достали без особого труда. Много хлопот возникло из-за помещения. Моя служба в губернской земской управе и хороший личный контакт с одним из членов этой управы — П. И. Доценко дали блестящий выход.

Типографию мы поместили в подвальном помещении самого здания управы, а в кабинете Доценко не раз устраивали заседания комитета. Листовки, которые мы выпустили, произвели колоссальный эффект. Население поздно вечером и рано утром читало расклеенные по заборам и столбам листовки и переписывало их. Расклейка их удалась только потому, что ее производили милиционеры.

Перед Сибирской подпольной партийной конференцией, назначенной на 15 марта в Омске, у нас побывал член Сибирского подпольного партийного комитета «Леонид» (М. М. Рабинович), а также Борис Шумяцкий. Последний предложил на обсуждение небезызвестные в то время тезисы, отпечатанные на машинке в виде маленькой брошюрки — о блоке с эсерами для активной борьбы с колчаковщиной. С этими же тезисами он выступил и в Новониколаевской организации, причем в обоих случаях его тезисы были отвергнуты.

Примерно во второй половине февраля 1919 г. мы провели общегородскую конференцию, на которой присутствовало около двух десятков человек. На ней были поставлены следующие вопросы:

1. Тактика в условиях текущей нелегальной работы.

2. Организационное положение организаций в условиях активной борьбы (подготовка к боевым выступлениям, военная работа).

3. Выборы.

Конференция прошла хорошо. На краевую конференцию был избран я.

В этот день в 4 часа ночи меня арестовала контрразведка. При мне были следующие документы: проект составленной мною листовки, тезисы по тактике, по которым я делал доклад на конференции, проект устава. Довольно объемистая тетрадь. Все это находилось за подкладкой пальто. И наконец, в кошельке — маленький кусочек полотна с печатью — мандат на Сибирскую конференцию.

Со всем этим я попал в контрразведку, где встретил нескольких товарищей, среди них брата Сурнова — Владимира, впоследствии замученного колчаковцами. Ни одного из перечисленных документов я уничтожить не смог, кроме мандата, который при проходе через две темные комнаты к следователю нащупал в кошельке и успел проглотить.

По ходу допроса я понял, что меня арестовали по прошлой работе, так как о настоящей работе ничего не спрашивали. Задали вопрос: знаю ли я Виктора Тиунова из Томска? К несчастью, в книжках у меня сохранилась фотография группы

солдатских депутатов Томского гарнизона 1917 г. Она была найдена при обыске. На следующий же день меня отправили в тюрьму, причем ни в контрразведке, ни в тюрьме, где меня обыскивали, не нашли названных документов. Все эти документы я сжег в камере, предварительно ознакомив с ними нескольких товарищей (Кауфмана, Корнякова, Кельмана и других).

Оказывается, мой арест был не единичным актом, за ним последовали и другие. Большая охота началась за Сурновым. В организации это вызвало переполох.

Через несколько дней я получил от него записку, в которой он писал, что провалена вся организация целиком, поэтому все разбежались и что подозревают в доносе близкого к комитету и особенно ко мне Медведева. За ним даже установили наблюдение. С этой запиской я познакомил Кауфмана и Кельмана и ответил, что решительно отвожу подозрение от Медведева. Указывал на необходимость проверки одной фигуры, которая неожиданно попала к нам,— это Николаев (настоящая фамилия Прозоровский). Он приехал из Томска, знал и меня, и «Сергея» Заварыкина. Левый эсер. Живет нелегально. Мы его пристроили у себя, правда, в организацию не пускали, но со мной он некоторое время даже жил в одной комнате. Знал коекого из подпольщиков, но не знал их адресов. После проверки мое подозрение подтвердилось. Он гримировался и вместе с контрразведчиками ходил с обысками. С ним случилась такая история. Новониколаевская организация просила меня увезти в Барнаул жену расстрелянного в Новониколаевске Клеппера. Я это сделал и устроил ее на работу. Николаев сошелся с ней и сильно запил. Затем уехал куда-то в Рубцовский район и там поступил на службу по хлебозаготовкам, продолжал пить и даже, кажется, растратился. После всего этого снова приехал в Барнаул и попал в контрразведку, где в первую очередь выдал меня, а затем взялся выявлять остальных.

Мое положение в тюрьме было наиболее опасным, так как я еще с июля 1918 г. по решению полевого суда должен был сидеть в одиночной камере, а арестовали меня только зимой 1919 г.

Товарищи решили организовать мне побег. Но дело это нелегкое. Я продумал два варианта: первый — бежать при содействии надзирателей, но для этого нужны были деньги, а у нас, как и у большинства сибирских организаций, отсутствие средств было одним из главнейших тормозов в работе. Второй — бежать с прогулки от охраны.

Упоминавшийся мною чин губернской земской управы Доценко от имени управы стал просить следственную комиссию привести меня для сдачи дел в управу (хотя, по существу, мне нечего было сдавать, так как я был делопроизводителем отдела призрения).

Однако разрешение было получено, и в один из вечеров мне объявили, что завтра надо собираться в управу. Конечно, за ночь никого известить на воле не могли, и я пошел без предупреждения под конвоем. Камера провожала меня.

В управе очень долго беседовал я с Доценко и Исаковым о том, как мне лучше бежать.

На следующий день меня не вызвали, и на второй, и на третий день тоже, только на четвертый снова направили в управу (оказывается, не было свободного конвоя). На этот раз подготовка к моему побегу должна была идти по двум линиям. И действительно, в управе я встретил одного из наших товарищей — Фриду. Она должна была нанять лошадь и позаботиться о квартире. Я остался ждать. Проходит час, другой, третий. Служащие начинают расходиться, а ее нет.

С членами управы не лучше. Они не только ничего не сделали, но даже, оказывается, не совсем одобряют мой побег из управы.

Все это меня настолько взбесило, что я готов был на что угодно. Кстати, подвернулся один из служащих управы, имевший с нами связь,— Владимир Чулков. Он сунул мне в руку какую-то шапчонку и посоветовал скорее уходить через черный ход. Я так и сделал. А конвоиры в это время сидели в коридоре, охраняя не меня, а мое пальто.

Управа находилась в самом центре, и мне пришлось проходить мимо следственной комиссии. Только я ее миновал, навстречу бежит Фрида. Увидела меня и испугалась. Страшно растерялась. Мы были на Пушкинской улице, на углу Демидовской площади. До контрразведки был всего один квартал. Лошадь она не нашла. Взяли извозчика и поехали по Пушкинской. Дорогой я спрашиваю ее, где квартира: на Пушкинской, 83 или 85? Она забыла. Пришлось ехать в библиотеку «Алтайская» (она помещалась рядом с контрразведкой). Там меня укрыли и скоро принесли грим и костюм.

Нарядившись старичком, с топориком на плече, в сопровождении товарища, рабочего-пимоката, я пошел за город. Пришли мы в дачное место, в пяти верстах от города. Там я и поселился в одной из дач вдвоем с товарищем. Прожил я там около недели. Был март. Два раза я участвовал еще в заседаниях комитета. А затем с Сурновым выехали в Новониколаевск с намерением доехать до Омска.

М.Н.Ербанов,
член КПСС с 1917 г.

В РЯДАХ ИРКУТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

После победы контрреволюции в Иркутске многие большевики были вынуждены уйти отсюда — большей частью на восток, частью на север, по Якутскому тракту, частью по отдельным районам, улусам и хошунам.

Для сбора и сколачивания подпольной организации потребовалось некоторое время. Только через 5—6 месяцев стали постепенно возвращаться в Иркутск отдельные товарищи, уехавшие в июне. Одновременно с этим стекались в Иркутск товарищи из других городов и рабочих пунктов, перешедшие на нелегальное положение.

В начале 1919 г. мы в Иркутске имели уже довольно солидную подпольную группу. Она возглавлялась летом 1919 г. Оргбюро в лице трех товарищей: А. В. Байкова, И. В. Сурнова и К. И. Миронова.

После проведения кропотливой организационной работы по выявлению товарищей, установления связей, явок и создания из них пятерок Оргбюро был поставлен вопрос о созыве городской конференции для избрания руководящего органа. Эта первая конференция была созвана, насколько помню, летом 1919 г. в лесу в глазковском предместье в составе 20—25 представителей. На ней были обсуждены вопросы главным образом организационного порядка. Был избран городской комитет, в который вошли А. В. Байков, И. В. Сурнов, К. И. Миронов, И. М. Касаткин и Д. К. Чудинов. Кроме того, было решено создать штаб при комитете. В штаб тогда входили А. В. Байков, А. Я. Флюков, В. П. Букатый и Н. Г. Герасимович.

Кроме работы среди бурятской части населения и в бурятской группе большевиков, на меня лично была возложена работа зав. паспортным бюро и связи. В это бюро входили: И. Гольдман, Г. Ржанов, Л. Литвина, Д. Жиркова и В. Орлова. Товарищи, которые выезжали из Иркутска или приезжали из дру-

гих городов, являлись ко мне с определенной явкой, с установленным паролем. В мои обязанности входило снабжение их нелегальными документами. Нужно сказать, что за время всей нашей работы, по крайней мере в Иркутске, никто из товарищей, прибывших из других городов, освобожденных или бежавших из тюрьмы, которым были даны документы, не был провален. Огромная ответственность лежала на нас за снабжение документами товарищей, бежавших или освобожденных из колчаковской тюрьмы. В течение очень короткого времени необходимо было снабдить их документами. Каждый лишний час в Иркутске угрожал им арестом и даже расстрелом.

В Александровском централе примерно к сентябрю скопилось несколько сотен большевиков, переправленных из тюрем Западной Сибири. Там был организован нами нелегальный тюремный комитет, с которым мы поддерживали связь через своих людей из охраны и служащих тюрьмы. Связь держалась и через родственников заключенных. Непосредственной связной между комитетами была Мильда Зейте, муж которой находился в тюрьме.

Мы поставили задачу во что бы то ни стало добиться освобождения товарищей, сидящих в Александровском централе. Это было возможно при организации восстания в самом централе и одновременно нападения извне специально посланного партизанского отряда.

Руководил действиями наш подпольный штаб, который организовал доставку оружия, передачу документов, обеспечение явками, организацию и руководство действиями партизан. Восстание и освобождение назначили, насколько помню, на 20 сентября. Но события разыгрались иначе. Тюремный комитет поднял восстание в централе на два дня раньше, так как был получен приказ об эвакуации политических заключенных на восток — в Забайкалье к Семенову. Однако в основном восстание удалось. Восставшие разоружили и побили в кровавой схватке охрану централа, хотя и с большими потерями, со своей стороны, но все же освободились. Затем целый месяц колчаковцы их ловили, беспощадно расстреливая попавших в их руки. Большую активность в поимке и расстреле проявляли тогдашние управляющие уездами и аймаками, особенно «отличались» Алсаханов — управляющий Ангарским аймаком, Михайлов — в Эхирите.

Здесь мне хочется отметить некоторые моменты нашей работы.

За сутки мы с И. Гольдманом сделали для александровцев около 150 паспортов и удостоверений об освобождении от

воинской повинности. Основная конспиративная квартира была у Ф. Зельмановой на Горной улице. Туда и являлись прежде всего приезжавшие и оттуда разъезжались по другим городам и партизанским отрядам.

Одновременно с работой в паспортном бюро мне приходилось выполнять задания Красного Креста, в задачу которого входило снабжение заключенных товарищей продуктами питания.

Кроме этой, на меня была возложена как одна из основных обязанностей работа по сколачиванию и созданию бурятской части подпольной организации, которой поручалось создание бурятских партизанских отрядов и местных ячеек партии. Еще в начале 1919 г. мною в Иркутске была создана нелегальная бурятская группа коммунистов, в которую входили: А. Маркизов, М. Атанов, С. Николаев, Г. Данчиков и я. Впоследствии эта группа составила Бурятскую секцию при комитете. На местах вели активную работу в Ангарском аймаке Ф. Сахалтуев, Н. Балдаев, Т. Еланов, Д. Доржнев, Ф. Павлов, Х. Кушенов, П. Баханов, Е. Лосов. Эта группа товарищей возглавлялась В. Трубачеевым. В Боханском районе вели работу П. Балтахинов, Ф. Осодоева, Л. Помытов и другие. Этими товарищами после большой подготовительной работы были созданы партизанские отряды, боевые дружины, которые возглавлялись Бахановым, Трубачеевым, Балтахиновым, Лосовым и другими. Они действовали на территории теперешних Аларского и Боханского районов. С восточной частью Бурятии мы не имели связи.

Огромная работа, проделанная в период колчаковского подполья в западной части Бурятии, несомненно имела большое значение. Борьба партизанских отрядов, вовлечение в них передовых революционных элементов, особенно батраков и бедноты, создание большевистских организаций, наконец, весь объем проведенной массово-политической работы — все это в основном подготовило и подняло трудящиеся массы Бурятии на решительную борьбу с колчаковщиной. Вот почему период ликвидации колчаковщины в наших местах характеризуется как период ожесточенной классовой борьбы, как период широкого массового движения за восстановление Советской власти, за национальное самоопределение Бурятии.

Когда 26 декабря 1919 г. в Иркутске началось восстание против Колчака, в отдельных районах Ангарского аймака колчаковщина была уже ликвидирована. Партизанские отряды, боевые дружины, возглавляемые коммунистами, захватывали власть у колчаковских земских управ, создавали советские

органы и революционные комитеты. После свержения колчаковщины и захвата власти в Иркутске и на местах в Черемхове нами был созван съезд всех бурятских большевиков, на котором заслушивались сообщения о работе Иркутской подпольной организации и местных ячеек, обсуждались организационные вопросы о построении местных органов партии и создании единого руководящего центра. Был избран руководящий орган — Бюро бурятской секции при Иркутском комитете партии.

В него были избраны: В. Трубачеев, С. Николаев, Г. Данчиков, А. Маркизов и я. Период вооруженной борьбы в Иркутске достаточно освещен в печати. Я здесь хочу рассказать о подготовке к расстрелу Колчака и Пепеляева.

Помню, мы 6 февраля (по старому стилю) ночью собрались в кабинете председателя Военно-революционного комитета Ширямова. В то время я был членом Иркутского губкома партии и заместителем начальника административного управления ревкома. В ревкоме при участии членов губкома был поставлен вопрос о необходимости расстрела Колчака и Пепеляева. Тогда мы в Иркутске стояли перед опасностью контрреволюционного восстания с целью освобождения арестованного Колчака и его правительства. Об этом свидетельствовал целый ряд фактов, контрреволюционные листовки в городе, заявление генерала Войцеховского о том, что он будет наступать на город с целью освобождения Колчака и его правительства, сидящих в тюрьме в Иркутске.

Вопрос о расстреле Колчака и его премьер-министра Пепеляева был решен единодушно, без всяких колебаний. Тут же было поручено А. А. Ширямову написать мотивированное постановление Военно-революционного комитета о расстреле. Помню, Ширямов вышел из кабинета и через некоторое время вернулся с уже написанным проектом постановления. Он был обсужден, отредактирован коллективом и подписан Ширямовым и членами ревкома: М. А. Левенсоном, Д. К. Чудиновым и А. Л. Сноскаревым. Приведение приговора было возложено на представителя губчека С. Чудновского. Как только состоялось решение Военно-революционного комитета, Чудновский — комендант города, Бурсак и я — заместитель начальника административного управления, поехали в тюрьму, чтобы привести в исполнение приговор. В 5 часов утра 7 февраля вместе с Колчаком был расстрелян Пепеляев. Трупы их отвезли и опустили в прорубь Ангары. Был составлен акт о приведении приговора в исполнение и сдан Военно-революционному комитету. Так была завершена героическая борьба с колчаковщиной и самим Колчаком.

Н.Ф. Варгин

АЛЕКСАНДР ШИРЯМОВ

Ранним ноябрьским вечером по пустынному приангарскому скверу Иркутска шли не торопясь четыре человека. Из окон бывшего генерал-губернаторского особняка, стоявшего на главной улице города, лился яркий свет, изредка доносились голоса — шумели студенты переведенного из Казани университета. На другом углу, у красивого здания музея прислонился к ограде, почти слившись с ней, какой-то человек, внимательно наблюдавший за входом в сквер. Шагах в ста от него, там, где до революции был памятник царю, виднелись еще две-три неясные фигуры. Встреча четырех хорошо охранялась.

Поздняя осень 1919 г. Войска Восточного фронта Красной Армии ведут бои, форсировав реку Тобол. «Верховный правитель» Колчак, потеряв надежду удержать Западную Сибирь, принял решение: перебазировать полевые армии на восток, поближе к Забайкалью, и открыть там под защитой японских интервентов новый фронт. Министры Колчака уже были в пути к Иркутску — новой столице белой Сибири.

Кто же были эти люди и зачем они собрались на темном берегу Ангары в этот ноябрьский вечер? Иркутские большевики К. И. Миронов и И. М. Касаткин — «хозяева» — вели негромкий разговор с «гостями» — приехавшими из Новониколаевска «Глебом» и делегатом дальневосточных большевиков «Ильей».

— Центр политической жизни Сибири все быстрее перемещается на восток. В наш город приехали министры колчаковского правительства. Завозились местные эсеры и меньшевики, закопошились земцы и кооператоры, что-то затевают,— информировал гостей Миронов.— После ареста товарища «Андрея» Сибирского подпольного комитета РКП (б) у нас не существует. Но нужда в нем первостепенная. Мы послали приглашения ряду комитетов с просьбой делегировать своих представителей

на Общесибирскую конференцию. Но, видимо, из-за провалов или по другим причинам приехали только вы двое.

— Вправе ли мы считать себя конференцией?— спросил «Глеб», уже с лета ожидавший в Иркутске приезда других делегатов.— Нас так мало собралось. И комитет нужен, очень нужен.— Иркутяне ждали, что скажет невысокого роста черноволосый делегат Владивостока. «Илья» задумался. С величайшими трудностями, с поддельным паспортом на имя Богачева, едущего на заработки, пробрался он в Иркутск. Не раз и не два была проверка в пути, и он уже не надеялся, что благополучно доедет до цели. И вот он в городе, где прошли его детство и юность. Вчера он прошел по Амурской улице, посматривая на белое здание гимназии, из которой когда-то был исключен учащийся 4-го класса Ширямов. Теперь у входа в гимназию стояли солдаты.

Добывая кусок хлеба, Саша работал где только можно, потом столярничал, продавал книги. На рубеже двух веков семнадцатилетний Александр Ширямов — «Сергеев» уже был профессиональным революционером. Его не раз арестовывали и предавали суду за принадлежность к Российской социал-демократической рабочей партии. Ему были знакомы и Иркутская тюрьма, и Александровский централ. Он участвовал в организации побега с Акатуйской каторги известного революционера В. К. Курнатовского. Петербург, Омск, Вологда, Екатеринбург — куда только не забрасывала его судьба. Он бежал из Тотьмы, где находился в ссылке, снова попал в Иркутск, потом очутился на Агадапских копях в Забайкалье.

После революции Ширямов стал председателем комитета РСДРП(б), членом Совета рабочих депутатов, начальником отряда Красной гвардии. Однако открытая политическая жизнь продолжалась недолго — белогвардейский переворот летом 1918 г. сделал члена Читинского областного комитета партии, комиссара по промышленности, снова подпольщиком, теперь «Михайловым», и заставил его скитаться по Дальнему Востоку, ускользая от атаманов и интервентов... Хабаровск, Владивосток, серебросвинцовый рудник в Тетюхе (Приморье). Здесь, на этом руднике, в феврале 1919 г. он был участником восстания, освободившего от колчаковщины большой район Южного Приморья. Затем он с группой горняков, нагруженных динамитом, направился к Уссурийской железной дороге. Почти месяц они, голодая, пробирались по тайге. Все же свою задачу выполнили успешно и обеспечили взрывчаткой партизан Спасского и Иманского районов.

С прибытием Ширямова в село Яковлевку в районе Спас-

ска здесь был создан Военно-революционный штаб, который принял на себя руководство всеми партизанскими отрядами Спасского района. Авторитетным руководителем этого штаба стал А. А. Ширямов.

И вот Ширямов снова в Иркутске.

Было уже поздно и холодно, и четыре большевика, спасаясь от резких порывов ветра, охраняемые молодыми рабочими, поодиночке окольными улицами прошли через весь город к знаменскому предместью. Шумела Большая улица — главная магистраль города. Мелькали в папахах и башлыках оренбургские юнкера, позванивая шпорами. Прошла с песней рота егерей. Узкие тротуары были заполнены гуляющими. Ничто здесь еще не говорило о приближающейся буре.

Остался позади темный мост. Мимо женского монастыря, по Якутской улице, все дальше, дальше. Вот и маленький деревянный домик. Заворчала собака. Вышел хозяин и проводил гостей в тесную комнату. Допоздна шел разговор о Сибирском подполье, о многочисленных врагах и трудностях, о росте революционных настроений у рабочих и солдат.

— Иркутский комитет высказался за образование нового Сибирского партийного центра,— внес предложение И. М. Касаткин.— Формальные соображения — делегатов мало и тому подобное — не должны мешать нам. Развивающаяся борьба требует центра. Наша организация поддержит его всеми силами.

Вопрос был предельно ясен. Никто не возражал. Решили создать новый комитет из представителей четырех городов. Избрали А. А. Ширямова (Владивосток), К. И. Миронова (Иркутск), М. И. Сумецкого (Томск), И. В. Сурнова (Новониколаевск).

— Кого изберем председателем?— спросил как «хозяин» Миронов. Не сговариваясь, все повернулись к Ширямову. Его жизненный и революционный путь не был полностью известен присутствующим, но и того, что они знали о нем, было достаточно. Александр Александрович крепко пожал товарищам руки и тут же приступил к делу, назначив первое заседание комитета на следующее утро. Все разошлись по конспиративным квартирам. Так, в будничной, ничем не приметной обстановке, появился новый большевистский центр, занявший видное место в борьбе партии и трудящихся за Советскую Сибирь.

Первый вопрос в повестке дня первого заседания — о связи с Красной Армией.

— Омск Колчаком сдан. Но где сейчас фронт и каковы дальнейшие планы советского командования, мы не знаем.—

Александр Александрович предложил послать члена комитета «Михаила» (Сумецкого) поближе к фронту, в Томск.— Расскажите вашим товарищам о создании комитета,— продолжал он,— и постарайтесь при их помощи через партизан связаться с авангардом Красной Армии. Будете нашим представителем на западе Сибири. Обо всем информируйте без промедления.

Сумецкого снарядили в дорогу, выдали надежный паспорт, немного денег[1].

— Ваша организация сейчас — опора Сибирского центра,— сказал Ширямов Миронову и Касаткину.— При повороте событий к военным действиям она станет и нашей основной боевой силой. Хотелось бы знать о ней поподробнее.

Иркутские товарищи сообщили следующее. Город разбит на пять районов. В центральном городском — 10 ячеек, в глазковском и знаменском предместьях — по 10, в Нагорном и Иннокентьевском —18. За ними идут сотни рабочих.

— Летом и ранней осенью,— рассказывал Касаткин,— в организацию проникли провокаторы, были провалы, мы потеряли 35 человек. Все они сейчас в тюрьме. Мы приняли меры более строгой конспирации. Подпольщики не знают настоящих фамилий, адресов, мест работы друг друга. Впрочем, добиться полностью этого в сравнительно небольшом городе трудно. Все же уже два месяца не было ни одного ареста.

— А какие у вас связи с солдатами?

— Пока что связей мало. Очень трудно попадать в казармы. В самом городе размещены только военные училища, кадеты, инструкторы, унтер-офицерская школа. А строевые части стоят в предместьях и пригородах. Более надежная связь с отрядом особого назначения, стоящим в Рабочей слободе.

— Что это за отряд?

— Губернатор имеет отряд для борьбы с революционным движением. Но в нем состоят главным образом бывшие красноармейцы, попавшие в плен в Поволжье и привезенные в Сибирь. В отряд они вступили по нашему совету. Часть их уже перешла с оружием к партизанам.

---

[1] Не получив никаких известий о том, смог ли Сумецкий перейти фронт и выполнить партийное задание, Сибирский областной комитет вскоре направил для связи с Советской Россией другого товарища — Я. Д. Янсона. Он перешел фронт, прибыл в начале декабря за пять дней до антиколчаковского восстания в Томск. Принял в этом восстании активное участие и был избран председателем Томского военревкома.

Иркутским коммунистам из-за трудностей связи со своим партийным центром пришлось действовать самостоятельно. *(Сост.)*

События развивались молниеносно. Приехав в Иркутск, правительство искало возможности расширения классовой базы режима за счет мелкобуржуазных слоев, обещало реформы, «демократизацию» управления. Эсеры и меньшевики создали коалицию под названием «Политический центр», открыто объявили себя противниками адмиральской власти, активизировали пропаганду среди офицеров, пытались установить связь с большевиками и получить их поддержку.

— Настало время со всей ясностью определить наше отношение к планам соглашательских партий,— предложил товарищам Александр Александрович.— Чем определяется текущее положение? Эсеро-меньшевистские лидеры хотят использовать победы Красной Армии и революционное движение трудящихся, чтобы попытаться захватить власть и создать под покровительством империалистов какое-то подобие буржуазного государства.

— Да, как видно по делегации Политцентра,— заметил И. В. Сурнов,— его лидеры намерены установить договорные отношения с Советским правительством и созвать Учредительное собрание Сибири.

— Словом, внешне несколько изменили свои лозунги «демократической власти», приспосабливаясь к новой обстановке, боятся растущего партизанского движения, так как оно идет под лозунгом восстановления власти Советов. Ведь сейчас только небольшая территория вдоль железной дороги еще не охвачена революционным движением. Вот господа «демократы» и торопятся захватить власть у обреченной на гибель колчаковщины. Мы должны запретить нашим организациям выступать вместе с соглашателями под их лозунгами.

И Сибирский комитет постановил предостеречь подпольщиков других городов от политических ошибок, поддерживать с Политцентром только информационную связь, готовить массы к восстанию под своими лозунгами. Касаткин сообщил комитету: пришла жена большевика Янсона, говорит, что губернатор Яковлев предлагает провести встречу с кем-либо из членов комитета.

— Выходит, что колчаковская власть знает о нашем существовании,— огорченно констатировал Ширямов.— Что же нужно от нас колчаковскому губернатору — бывшему эсеру? Это интересно.

Посоветовавшись с товарищами, Ширямов через два дня поздно вечером подошел к большому деревянному дому на Калашниковской улице. Предупрежденный стражник молча открыл дверь. Яковлев сам встретил «гостя» и провел его

в столовую. Необычная встреча, подумал Ширямов: колчаковский губернатор тайно ведет переговоры с представителем большевистского подполья.

— Я был и буду врагом Советов. Но дело Колчака проиграно, дни его власти сочтены.— Все это Яковлев произнес совершенно спокойно.— Попытка эсеров захватить власть глупа и наивна. Она лишь дверь для большевиков, которые скоро придут.

— Так о чем же вы хотели переговорить со мной как представителем местных большевиков?

— В момент взятия города неизбежны погромы и резня. Погибнут сотни политических заключенных. Я могу освободить их заранее. Взамен хочу получить ваши гарантии, что вы не будете преследовать моих ближайших помощников. Их человек 30, они местные, семейные люди и уезжать не хотят.

— Гарантия нужна и для вас лично?

— Ну нет, я сумею себя сохранить сам.

— И это все?

— Да.

— Я передам содержание переговоров комитету.

Они расстались, и Ширямов, побродив немного по ближайшим улицам и убедившись, что за ним нет «хвоста», встретился в условленном месте с товарищами. Сурнов и Миронов высказались против продолжения переговоров с Яковлевым: за тюрьмой велось через верных людей постоянное наблюдение. Непосредственной опасности для политических заключенных пока нет. Да и Яковлев ненадежен и своих действительных планов нам, конечно, не раскроет.

— От Сумецкого никаких известий нет, и связи с западными комитетами тоже нет,— сокрушался Миронов.— Мы предоставлены сами себе.

— Это, конечно, осложняет наши задачи,— соглашался Александр Александрович,— но ведь мы уверены в правильности основных наших политических установок. Назревают решающие события, и нам нужна полная мобилизация сил и абсолютная сплоченность. Выкиньте из головы всякие сомнения.

Как показали дальнейшие события, лидеры Политцентра попытались сначала добиться согласия министров Колчака на передачу им власти без применения военной силы. Но к Иркутску стали приближаться с востока войска атамана Семенова и японские интервенты, и министры отказались продолжать переговоры. Тогда Политцентр решился на открытое военное выступление. Он торопился овладеть Иркутском

до прихода семеновских войск, надеялся на поддержку белочехов. По разным каналам в Сибирский комитет поступала информация о быстро надвигающихся событиях. Много было неясного, противоречивого.

— Думаю, что мы должны готовиться восстановить власть Советов, как только создастся подходящая обстановка,— предложил Ширямов своим товарищам. Все согласились. Военному штабу Иркутского комитета дали указания послать представителей в партизанские отряды Северо-Восточного фронта на Лену и ускорить их выход в район Иркутска и железной дороги. 23 декабря на Лену уехали Белокопытов и Семашко, а на другой день стало известно, что в глазковском предместье на левом берегу Ангары произошло какое-то выступление солдат. Скоро командир рабочей дружины железнодорожников Телегин сообщил комитету: эмиссары Политцентра подняли против Колчака 53-й стрелковый полк и другие части. Дружина получила от новой военной власти оружие, ждет указаний.

— Ну, вот и начался новый этап борьбы.— Ширямов потирал замерзшие руки.— Костя! Тебе придется перебраться на тот берег. Надо связаться с восставшими полками, помочь в развертывании железнодорожной дружины. Держи ее в готовности, не дай горячим головам влезть в драку.

Миронов ушел. Ангара вот-вот станет, поэтому и понтонный мост был разведен. Сообщение поддерживал небольшой пароход с военной охраной.

— Доберется ли Миронов до Глазкова?— задумался Александр Александрович.— На всякий случай пошлем туда работников военного штаба.

— Теперь надо ожидать выступления Политцентра в самом городе,— предположил Сурнов.

— Маловероятно,— возразил ему председатель комитета.— Казаки, юнкера, егеря за ним не пойдут. Не исключено, что эсеры займутся отрядом особого назначения. Держи с ним надежную связь, Иван Васильевич.

— Яковлев стянул отряд из губернии в казармы в Рабочей слободе. Там — три роты и конная сотня, человек 500 — 550. Связь держит наш штаб.

На другой день в Нагорном собрались члены Сибирского и Иркутского комитетов обсудить текущий момент. Сидели тесной кучкой в небольшой комнате, тихо переговаривались, ждали.

— Обстановка осложняется с каждым днем, а может быть, и часом,— быстрый живой взгляд Ширямова скользил по лицам подпольщиков.— Политцентровцы рискнули пойти на воо-

руженное выступление. Иркутск с предместьями становится фронтом. Определим нашу позицию.

У присутствующих не было разногласий: решили поддержать выступление солдатских масс, поднятых на борьбу антиколчаковскими лозунгами эсеро-меньшевиков. Иван Сурнов остался в городе, Ширямов с ядром Иркутского комитета перешел в знаменское предместье.

Представители Политцентра действительно призвали солдат отряда особого назначения поддержать восставшие части. Делегаты отряда спрашивали в подпольном штабе: «Как нам быть? Будете ли сами выступать? Нам в стороне в такое время оставаться невозможно!» Сурнов объяснил делегатам позицию большевиков: мешать восстанию не будем, в действия Политцентра не вмешиваемся, но если восстание будет терпеть поражение, мы его поддержим всеми силами.

Однако отряд не стал ждать. 27 декабря в 5 часов вечера две роты с пулеметами направились из казарм в центр города к Тихвинской площади. Пока они шли туда, неожиданно объявили о поддержке восстания две роты унтер-офицерской школы и двинулись к зданию штаба округа. Но другие войска гарнизона остались верными белой власти, и генералу Сычеву удалось отбросить повстанцев от центра города.

В Знаменском слышали перестрелку, но не знали, что происходит. Подойдя утром к мосту, Ширямов и Касаткин увидели заставу. Солдаты отряда особого назначения никого не пускали в город. На другом берегу виднелась застава верных Колчаку войск.

— Вот и новый фронт,— переглянулись члены комитета.

— Теперь медлить нельзя. Сычев может бросить юнкеров и казаков в предместье.

В каменном красном здании комиссариата милиции разместился полевой штаб восставших. Для прикрытия двух мостов создавались боевые участки. Уже начинали постреливать с обоих берегов. В здании бани недалеко от училища, где разместился основной штаб повстанческих войск, развернул свою работу и военный штаб большевиков. Здесь же обосновались и оба большевистских комитета.

— Восстание приняло форму позиционной войны. Силы противника собраны в кулак,— оценивал обстановку Ширямов.— Наши отряды разбросаны в предместьях. Судьба восстания зависит от соотношения сил.

— Да. Провал восстания грозит теперь не только расстрелом повстанцев,— заметил Миронов, только что прибывший окольным путем из Глазкова, где боевых действий не было.—

Колчаковцы набросятся на рабочих, завалят улицы трупами.

— Без промедления формировать рабочие роты в Знаменском... Перебросить железнодорожную дружину из Глазкова... Преобразовать штаб комитета в центральный штаб дружин... Послать постоянного представителя в штаб Политцентра... Укрепить боевые участки Знаменского фронта...— Так определили большевики свои текущие задачи.

Дело закипело. Не так уж много было рабочих в предместье, но все, кто мог быть освобожден от работы без ущерба для снабжения фронта, вступали в дружины. Рабочие роты размещались рядом с солдатами в вырытых наскоро окопах и несли с ними все трудности зимней войны.

— Не организовать ли нам свой полевой штаб?— предложил кто-то из подпольщиков.

— Логика борьбы требует оперативного единства,— возразил Ширямов.— Дружины немногочисленны, не обучены военному делу. Солдаты умеют воевать, но их на нашей стороне тоже немного. Было бы авантюрой дробить сейчас революционные силы. Пока идет борьба в тылу за одну цель, надо пользоваться благоприятными условиями для вооружения наших дружин. Оперативное же командование пусть осуществляет повстанческий штаб, где уже есть несколько офицеров-большевиков.

Председателя поддержали Сурнов и Миронов. Революционные солдаты и рабочие трижды пытались овладеть городом, атакуя то левым, то правым флангом. Им удавалось вклиниваться в городские улицы и захватывать часть приречного района. Но недостаток сил не позволял закрепить успех, и колчаковцы контратаками возвращали потерянные позиции.

Ширямов с двумя работниками штаба дружин наблюдал с высокой стены женского монастыря за ходом боя. Цепи повстанцев отходили под огнем юнкеров. Раненые лежали на льду. В бинокль было видно, как от устья речки под напором ангарского льда поднималась, дымясь на морозе, вода. Она заливала лежащих бойцов.

Неудача атак не вызывала упадка боевой активности повстанцев. Готовилось еще одно наступление. Но исход боев за Иркутск решился не на Знаменском фронте, а в Глазкове, где завязалось сражение с подошедшими из Забайкалья семеновцами.

— Нам с позиций на Ушаковке жутко было слушать развертывающийся в Глазкове бой,— рассказывал впоследствии Александр Александрович.— Орудийная пальба, доносившаяся иногда трескотня пулеметов, короткие, резкие ружейные залпы

и завывание гудков паровозов в течение многих часов держали нас в напряженном до крайности состоянии. В сущности, бой решался там. Возьмут семеновцы Глазково, и из осаждающих мы перейдем на положение атакуемых. Наконец радостное известие облетело позиции: семеновцы разгромлены и бежали.

Поражение передового отряда свирепого атамана сразу изменило военную обстановку в районе Иркутска. Наступило краткое затишье. Оно позволило комитету 2 января 1920 г. собраться вместе с активными работниками Иркутской организации, чтобы более конкретно определить свою тактическую линию.

— Обстановка изменилась. Теперь ясно, что Политцентр очутится у власти. Какую позицию мы должны занять по отношению к эсеро-меньшевикам? Власть в их руках будет недолго. Ведь Красная Армия продолжает наступать.

Ширямов внимательно слушал выступления товарищей. Говорили опытные, проверенные революцией борцы. Часть из них только три дня назад была освобождена рабочими из тюрьмы, где колчаковцы готовили с ними расправу.

— Верно, что Политцентр — звено промежуточное,— резюмировал выступления председатель комитета.— Но есть много неясного в общей обстановке: где Красная Армия, как поведут себя интервенты, что делается к западу от Иркутска... Мы не должны терять время. Усиленная агитация и пропаганда среди рабочих и солдат за власть Советов, увеличение наших военных сил — вот наши задачи. С Политцентром же нам временно придется координировать свои действия.

— И оказывать на него возможно большее давление,— добавил Сурнов.

Приняли резолюцию, кто-то карандашом записал ее на листке бумаги, разошлись по боевым участкам, по заводам. Фронт молчал. И тут стало известно: представители иностранных миссий, находившиеся в Глазкове, демонстративно посетили штаб Политцентра и выразили готовность передать для мирного населения продовольствие и одежду. Затем они организовали переговоры колчаковских министров с генералом Жаненом в его салон-вагоне, дали понять, что им пора уходить с политической сцены. В результате всего этого начались прямые переговоры агонизирующей колчаковской власти с Политцентром. Утром 3 января комитет узнал: подписано соглашение о перемирии на 24 часа.

— Идет торговля об условиях передачи власти,— возмущались большевики двойной дипломатией соглашателей.— За на-

шей спиной действуют. Масс боятся. Надо штурмовать город, а не переговоры вести с деморализованным врагом.

— Насчет лицемерия и двойственности согласен. Но снова штурмовать город... Надо ли? И так потери велики. Впереди же еще много боев с более серьезным врагом,— Александр Александрович развивал мысль о необходимости приноравливать свою политику к реальной действительности момента.— Мы ведь и не могли помешать Политцентру вести переговоры.

В лагере колчаковцев наступил хаос. Генералы и министры разбежались. Юнкера прислали делегатов: сражаться больше не будем. 4 января ночью разведчики первой рабочей роты сообщили: фронт оставлен, вход в город свободен. На другой день торжественно прошли по центральным улицам войска новстанцев. Впервые после почти полутора лет иркутяне увидели красные флаги.

Гостиница «Гранд-отель» на 6-й Солдатской улице. Здесь, в каменном красном доме, в нескольких шагах от Большой улицы, разместились большевистские комитеты и штаб дружин. Ширямов и Миронов решили объединить оба партийных центра, сохранив пока их названия. У входа стояли часовые, толпились связные, то и дело входили и выходили люди.

Первое заседание в освобожденном городе. Другое настроение, другое выражение чувств на лицах собравшихся.

— Определим наши ближайшие политические и военные задачи. Мы существуем пока полулегально, чтобы не дразнить интервентов. С завтрашнего дня будем выпускать нашу «Сибирскую правду». Начнем прием в партию.

— Добиться созыва Совета рабочих и солдатских депутатов — вот политическая задача.— Это предложение Рябикова поддержали Сурнов и Шнейдер, вчерашний заключенный.— Создать для Совета депутатов надежные военные силы, на которые он сможет опереться,— это мнение начальника штаба «Антона Таежного» (А. Я. Флюков) встретило общее одобрение.

— Все ясно,— подвел итог Ширямов.— Открываем широкую кампанию выборов в Совет. Укрепляем и вооружаем дружины. Партизан держим пока недалеко от города во избежание конфликта с интервентами. Потом подтянем к предместьям. Господа политцентровцы будут мешать нам, но, думается, силы их вряд ли значительны. Какие данные имеются в штабе о войсках Политцентра?

— По нашим сведениям, у них не более двух тысяч человек. Части разные, пока остаются в старой организации.

— А как настроение у солдат? Дисциплина?

— Солдаты выражают недовольство оставлением колчаков-

ских офицеров на своих должностях. Возможны самосуды. Дисциплина падает.

Послать побольше наших агитаторов в войска; повнимательнее присмотреться к офицерам, выявить их настроение; наиболее надежных взять в дружины для обучения добровольцев военному делу — таковы были решения комитета.

— Нам известно,— сказал в заключение Александр Александрович,— что есть горячие головы, призывающие к немедленному захвату власти. В той сложной обстановке, в которой мы находимся, наше выступление при полной неосведомленности о силах противника было бы политической авантюрой, преступлением перед рабочими, втягиваемыми нами в борьбу. Предупреждаю товарищей об этом со всей ответственностью.

В это время интервенты везли Колчака, отказавшегося уже от власти в пользу Деникина, и золотой запас России из Нижнеудинска к Иркутску. Чтобы выяснить действительные силы и намерения белочехов, коммунисты потребовали от Политцентра предъявить генералу Жанену ультиматум о немедленной выдаче Колчака и золотого запаса. Мы понимали, что генерал де-юре спасает Колчака от неминуемого позорного плена, а де-факто захватывает русский золотой запас, но последний для нас гораздо интереснее и дороже, чем Колчак. Жанен, может быть, и не ответит, но будет знать, что мы следим за «золотыми поездами»,— в этом был смысл.

Двухнедельная кампания выборов в Совет прошла успешно. Политцентру пришлось согласиться с требованиями масс и пойти на создание избирательной комиссии. Большевики готовились к выборам и приурочили к этому дню восстановление Советской власти. Но произошел ряд важных событий, и обстановка резко изменилась: 15 января белочехи передали Политцентру Колчака и его ближайших соратников. Они сидели теперь в тюрьме. Немного позже на станцию Иркутск пришел поезд с золотом и серебром под смешанной чешской и красногвардейской охраной. А через несколько дней Нижнеудинск заняли войска генерала Каппеля, уцелевшие от пленения у Красноярска. Появился новый и, по всему было видно, опасный враг.

— От Нижнеудинска до Иркутска всего 470 верст,— рассуждали в комитете.— Если Каппель смог пройти от Красноярска туда, значит, сможет дойти и до нас. Связи с Красной Армией нет. Сумецкий где-то затерялся в водовороте войны. Что решит центральная власть в отношении Политцентра, мы не знаем. Колчак, золото, Каппель, интервенты, Полит-

центр,— перечислял Ширямов,— сложнейший узел! Надо решать!

20 января в здание Русско-Азиатского банка — резиденцию Политцентра — явилась делегация только что образованного большевиками Военно-революционного комитета во главе с председателем ревкома А. А. Ширямовым.

— До созыва Совета депутатов осталось несколько дней. Вы не можете поручиться, что отстоите территорию и население от нашествия белогвардейских банд. Пользуясь неопределенностью положения и непринятием вами мер обороны, Каппель беспрепятственно продвигается к Иркутску. Захват города принесет неисчислимые бедствия.— И председатель ревкома заключает: — Мы предлагаем вам сдать власть.

Восемь меньшевиков и эсеров в растерянности смотрели друг на друга и неуверенно возражали:

— В Томске ведутся переговоры с Сибревкомом. Считаем передачу власти преждевременной.

Вошел командующий войсками Политцентра:

— Солдаты воевать против рабочих не будут. Чехи объявили нейтралитет. Видимо, уже сговорились с большевиками.

— Сопротивление бесполезно,— пробормотал кто-то из меньшевиков.— Но мы оставим для истории свидетельство нашей правоты.

Ширямов не мог скрыть усмешки. Шестнадцать дней интриг и болтовни — вот что запишет история в свою книгу. На другой день Политцентр пышной декларацией оповестил население о сдаче власти. В газете ревкома было написано: «Свершилось! Знамя рабоче-крестьянской власти снова развевается над освобожденной от буржуазных банд Сибирью».

Бесчисленное количество дел, больших и малых, возникло перед пятью членами ревкома. Стерлась для них всякая грань между днем и ночью. Быстрыми темпами создали свою армию. Командующим назначили офицера-партизана Д. Е. Зверева. Осмотрели эшелон с золотом. Заменили охрану. Наводили порядок в городе. Беспокоились о госпиталях и хлебе для населения. Об угле для электростанции и о железной дороге. Ни минуты не забывали о войсках Каппеля. Огромную радость доставил Сурнов, принесший ленту своего разговора по прямому проводу с Тайшетом: авангард Красной Армии ведет переговоры с чехами. Военные действия приостановлены. Нам предложено не вступать с чехами в конфликт.

— Так! От Тайшета до Иркутска 650 верст. Не близко. А Каппель наступает. Пошлем ему навстречу войска для боевой разведки.

И через несколько дней в 230 верстах от Иркутска уже заняла рубеж группа А. Г. Нестерова в 2000 бойцов.

На состоявшемся 25 января первом заседании Совета депутатов полномочия ревкома были подтверждены, а его председатель вошел в состав президиума исполкома. И в тот же день — второй разговор с Тайшетом, поставивший новую иркутскую власть в трудное положение: чехи нарушили соглашение и возобновили военные действия. Советское командование предлагало всем революционным силам начать против них беспощадную войну. Было о чем задуматься иркутским большевикам.

— Наши войска по численности, организации и вооружению значительно уступают корпусу интервентов,— доложил Д. Е. Зверев.

— Можно ли рассчитывать на удержание Иркутска?

Командующий ответил:

— Не уверен... скорее всего, не удержим.

— Будем исходить из признания очевидности оставления нами Иркутска,— констатировал Ширямов,— а это значит: потеря золотого запаса, гибель огромных военных складов, разрушение железной дороги, вступление Каппеля в город без боя.

— Можно себе представить, что ожидает рабочих, да и все население,— не тая тревоги, сказал Миронов.

— Принимаем решение: учитывая сложность обстановки, военные действия против интервентов открывать не будем, а сосредоточим все силы на борьбе с Каппелем. Товарищи из 5-й армии поймут нас и, думаю, не осудят.

А через несколько дней в ревком приехал доктор Благож:

— Мы хотели бы послать в авангард 5-й армии делегацию с участием наших представителей для возобновления мирных переговоров.

Ширямов и Сурнов переглянулись. Ага! Боятся нового удара наших войск. Предложение обсудили и приняли:

— Вот прекрасный случай установить личный контакт с красноармейским командованием и сообщить ему о действительном положении дел. Чехов же обяжем не мешать нам вести борьбу с Каппелем, не трогать золото.

Подписали соглашение, и на запад с чехами уехали Сурнов и Рябиков. Прошло несколько напряженных и наполненных событиями дней. Из Зимы Нестеров донес об успешных действиях против авангарда каппелевцев. В Иркутск вошли новые партизанские отряды. Формировались коммунистические батальоны. И вдруг телефонный звонок командующего: связь с Нестеровым прекратилась. Есть сведения о разоружении интервентами его группы.

— Немедленно переговорите со штабом чешского корпуса, этого еще не хватало,— Ширямов был взволнован до крайности.

Не успел он еще положить трубку телефона, как в ревком приехал доктор Благож с каким-то полковником.

— Мы очень сожалеем о том, что произошло в Зиме. Начальник нашей дивизии сообщил: разоружение ваших войск произведено неподчиненными ему частями, подошедшими с запада после боя с 5-й армией под Нижнеудинском. Мы приняли меры к безопасности вашего командования и солдат. Они будут освобождены, как только войска генерала Каппеля оставят Зиму. Сейчас этого нельзя сделать, так как последуют убийства.

— Мы заявляем самый резкий протест,— сдерживая раздражение, сказал Ширямов.— Какова же ценность соглашения с вами? В условиях наступления Красной Армии, которое вы остановить не можете, революционный Иркутск приобретает еще большее значение, это вам должно быть понятно.

— Мы еще раз выражаем свое сожаление,— повторил Благож и покинул здание ревкома, не скрывая огорчения неожиданным поворотом событий на западе.

Разоружение группы Нестерова оставило Иркутск ничем не прикрытым со стороны белых войск. Иркутские большевики обратились к рабочим и партизанам с призывом сплотить все силы для предстоящей борьбы с озверевшими колчаковцами. Формировались новые части, шло обучение добровольцев. Казалось, дело с интервентами уладилось. Но тут позвонил комендант города Бурсак: ночью анархисты убили на улице адъютанта доктора Благожа. В городе неспокойно. А скоро принесли и протест чешского командования. Тут уже Ширямову пришлось выражать соболезнование и приносить извинения.

На другой день по центральным улицам города шла внушительная процессия: за орудийным лафетом с гробом убитого адъютанта в полном вооружении двигались пехота, кавалерия, везли орудия. С минуты на минуту можно было ожидать начала столкновений. Но, видимо, понимая свое бессилие и зависимость от переговоров с 5-й армией, интервенты ограничились одной демонстрацией. Напряженная обстановка, однако, сохранялась. Ревкому пришлось принять специальные меры для обеспечения порядка в городе. Теперь на первый план выдвинулись оперативные вопросы обороны Иркутска.

— Вероятнее всего ожидать наступления каппелевцев с севера,— докладывал Зверев.— Отсюда город совсем не защищен. Штаб предлагает выдвинуть все наиболее надежные части, около 5000 бойцов, к месту выхода со старого Московского тракта на Якутский тракт. Для непосредственной обороны Иркутска

останутся все остальные части — опорой будут коммунистические полки.

— Вы допускаете возможность взятия города каппелевцами?

— Это не исключено. Чехи могут пропустить их через нейтральную полосу в Глазкове, а оттуда, по льду Ангары, войти в город нетрудно.

Ширямов поехал с начальником обороны Снoскаревым по городу.

— Всю линию первых домов по берегу занять стрелками. Устроить завалы и баррикады из камня и ледяных валов.

— Мы уже начали минировать возможные подходы каппелевцев к городу, — говорил начальник обороны. — Заложены фугасы против Московских ворот и в других местах.

Они наметили точки опорных пунктов и резервных узлов обороны на случай прорыва врага через Ангару.

В здании ревкома состоялась новая встреча с доктором Благожем. Переговоры с советским командованием еще продолжались, чехи задерживали окончательный ответ, и это настораживало иркутских большевиков. Зверев потребовал вывода всех чешских частей на левый берег Ангары. Интервенты запротестовали.

— Мы не в состоянии это сделать. В Глазкове нет необходимых зданий, — доказывал начальник 2-й дивизии полковник Крейчи.

— Разве вам недостаточно нашей гарантии о нейтралитете? — убеждал ревкомовцев Благож.

— Гарантии не всегда надежны, — спокойно возразил Ширямов, открыто намекая на зиминское дело. — К тому же в городе ваши части могут пострадать в ходе боевых действий. В Глазкове же боев вы сами не допустите.

Твердая позиция ревкома заставила интервентов уйти за Ангару. Обстановка сразу улучшилась. Начальник обороны заметно повеселел.

Встал вопрос об участи Колчака. Каждый день один из членов ревкома по очереди проверял порядок содержания бывшего диктатора, знакомился с ходом следствия. Вот и сегодня Александр Александрович побывал в одиночном корпусе, где сам когда-то был в заключении, беседовал с дружиной, несущей охрану Колчака, выслушал доклад председателя следственной комиссии Чудновского.

— Возьмите у начальника гарнизона небольшой, но абсолютно надежный конный отряд и держите его поближе к тюрьме. Имейте запас продовольствия и фуража недели на две. Может появиться необходимость вывоза Колчака за город.

После предательского нападения интервентов в Зиме и слухов о скором приходе каппелевцев подняли голову притаившиеся было контрреволюционные элементы. Работники ЧК доставляли в ревком найденные на улицах прокламации с призывом к восстанию. При обысках находили много оружия.

— Очистим город от юнкеров и офицеров,— предложил Бурсак.— Это наиболее вероятные силы восстания. Разместим их в пересыльной тюрьме.

— Совершенно необходимая мера,— Ширямов согласился с предложением коменданта.— Только разъясните им, что это временно, и не допускайте ненужного насилия. Среди них немало случайно попавших в армию людей. Они нам еще пригодятся. А потенциальных мятежников предупредим о суровой каре.

И тут же вдвоем с Чудновским они написали: «Вступив в управление краем, ревком не счел необходимым красным террором неумолимо расправиться с врагами народа... Однако имеются безумцы, которые продолжают мечтать о возвращении колчаковщины. Мы заявляем, что не будет пощады тем, кто сделает попытку возвратить кровавую тиранию старой власти».

Были предприняты также меры для предотвращения боев с каппелевцами. Зверев послал Благожу своеобразную «ноту»: «Предлагаю Вам во избежание напрасных человеческих жертв и в интересах беспрепятственного продвижения ваших войск на восток немедленно предложить генералу Войцеховскому сложить оружие... Войскам его дается после этого полная гарантия неприкосновенности личности».

Только Благож прочитал это послание, как его пригласили к прямому проводу. Из Зимы говорил какой-то генерал от имени командования каппелевскими частями, передал ультиматум иркутской власти, требовал прекращения военных действий, пропуска колчаковцев за Байкал, выдачи продовольствия и двухсот миллионов рублей, освобождения Колчака... Когда лента с требованиями каппелевского командования была доставлена Ширямову, он спросил чешского офицера, что ответил Благож генералам.

— Доктор Благож передал ноту вашего командующего Зверева, и на этом разговор закончился.

— Мудрое решение,— улыбнулся Ширямов.— Итак, надежды на мирный исход дела с каппелевцами теперь нет. Это осложняет положение с Колчаком. По данным Чудновского, на тюрьму готовится нападение. Чехи затягивают заключение соглашения с 5-й армией. Исход боев на подступах к городу неясен.

Еще одна бессонная ночь прошла. На столе лист бумаги: «...обязанный предупредить бесцельные жертвы и не допустить

город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР, объявившего Колчака и его правительство вне закона... постановил: 1) бывшего верховного правителя — адмирала Колчака и 2) бывшего председателя Совета министров — Пепеляева расстрелять. Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв».

Остается узнать мнение Сибирского революционного комитета и Реввоенсовета 5-й армии. Ведь они имеют указание из центра отправить Колчака в Москву.

Как раз в этот час Ширямова вызвали к прямому проводу: Сурнов информировал о своей поездке, и Ширямов поручил ему выяснить мнение Реввоенсовета о Колчаке. Прошло два часа. Снова поползла лента аппарата: «Желательно Колчака сохранить и доставить в наше распоряжение... но если обстановка сложится такая, что о сохранении Колчака нечего будет думать, Реввоенсовет против расстрела не возражает».

Александр Александрович вызвал Чудновского и Бурсака и передал им постановление. Приговор был приведен в исполнение.

И снова кипучая работа. Уже шли бои с каппелевцами у выхода с Московского тракта. У поезда с золотым запасом в стороне спрятан сильный отряд.

«...Всем Революционным комитетам, революционным войскам, партизанам, всему населению по линии Забайкальской железной дороги. ...Ни в коем случае не допустить движения на восток от Иркутска поезда с золотым запасом... портить пути, взрывать мосты, тоннели... открытым огнем вырвать эти ценности из рук шайки грабителей, кто бы они ни были».

— Теперь вряд ли чехи рискнут увезти поезд,— подписывая приказ, сказал Ширямов.— Передайте по телеграфу.

Пришел Шнейдер с воззванием к населению. Читали его вместе, исправляли, сразу же отправили в типографию, и через несколько часов всюду были расклеены свежие листовки: «Час испытания нашей преданности делу трудящихся настал. Враг подходит к городу, чтобы разгромить его, перебить защитников, оставить после себя груды пепла и еще теплые трупы. У нас здесь все, товарищи! Наши семьи, наши жилища, наша власть трудового народа. Да здравствует Советская власть!»

Поздно вечером Ширямов объехал город. Он замер и опустел. Погасли огни. На улицах только конные патрули. Еще вчера было послано распоряжение Звереву кончать скорее с каппелевцами, не допустить их в город. Бои идут успешно, но еще не ясно,

куда дальше двинутся тысячные колонны противника, пропустят ли их чехи в Глазково. Он смотрел на левый берег. Там — тактический ключ к городу.

Много лет спустя, выступая с воспоминаниями, Александр Александрович всегда старался показать зависимость иркутских событий от общероссийских факторов: разгром многочисленных врагов на фронтах, укрепление Советской власти, переход трудового крестьянства на ее сторону... И всегда выделял и подчеркивал роль 5-й армии в Сибири. Ее наступление, говорил он, предопределяло неотвратимость поражения всех наших врагов в далекой Восточной Сибири. Мы ее ждали как избавителя и встретили как могучего друга и товарища.

Подписанное 7 февраля мирное соглашение об эвакуации иностранных войск из Сибири резко улучшило всю обстановку в районе Иркутска и Байкала. Каппелевцы не рискнули атаковать город с юга и ушли, преследуемые частями Зверева, в Забайкалье. Скоро закончилась эвакуация чехов из Иркутска, и золотой запас перешел полностью под охрану ревкома. Город готовился встретить Красную Армию.

В жизни Александра Александровича было в дальнейшем много важных дел. Военный комиссар дивизии и уполномоченный по вопросам Советской власти в Забайкалье, работа в Сибирском и Дальневосточном бюро ЦК.

Он — делегат омских большевиков — слушал на X партийном съезде В. И. Ленина, говорившего, что партия наткнулась на самый большой внутренний политический кризис в стране, что съезд собрался в чрезвычайно важный для революции момент, и голосовал за исторический переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике, без всяких колебаний поднял свой мандат за резолюцию «О единстве партии», против попыток ее раскола.

Ему — делегату трудящихся Сибири — довелось снова слушать Ленина на IX Всероссийском съезде Советов, впервые собравшемся в мирной обстановке, и решать вместе с другими важнейшие вопросы строительства социализма.

В скорбные дни ленинского траура делегат II съезда Советов СССР Ширямов шел за гробом вождя, принимал обращение «К трудящемуся человечеству». Утверждал Конституцию... Большим счастьем считал Александр Александрович свою работу с Н. К. Крупской, заместителем которой он был в Народном комиссариате просвещения, руководимом выдающимся деятелем революции А. В. Луначарским.

Но до самого конца своей жизни, многосторонней, наполненной служением партии, самой яркой и радостной ее страни-

цей считал Ширямов незабываемые мартовские дни 1920 г.

...Иркутск украшен красными флагами, яркими плакатами. На набережной и в центре города — тысячи радостных людей. Через широкую Ангару пролегла лента военных колонн. Гремят оркестры. Развеваются боевые знамена. Полки уральцев и сибиряков, герои сурового похода, победители Колчака и интервентов вступали в город под триумфальную арку из прозрачного льда. Все выше поднималось багровое солнце. На площади имени Сперанского состоялась церемония торжественной встречи. Стояли шпалерами иркутские революционные войска, за ними — делегации рабочих. Кругом море человеческих голов. В воздухе реяли аэропланы. Летчики бросали листовки. А затем у здания революционного комитета руководители иркутских большевиков и высшие командиры 5-й армии приветствовали проходящие мимо полки славной дивизии Альберта Лапина, знаменитой Красноуфимской бригады Ивана Грязнова.

С трудом скрывал волнение обычно сдержанный Ширямов... Кончилась борьба в глубоком тылу противника. Отгремели сражения. Спасен революционный Иркутск. Передан золотой запас. Послана телеграмма Ленину. Сибирь соединилась с Центральной Россией.

Ширямов видит лица своих соратников. Они выполнили свой долг в тылу врага и скромно стоят в рядах ликующего народа.

А.Я. Казаков,
канд. исторических наук

«ПЕТРОВИЧ»

Под кличкой «Петрович» в состав Сибирского подпольного комитета РКП(б) в марте 1919 г. был избран Александр Петрович Вагжанов. Летом 1919 г. он был расстрелян белогвардейцами.

А. П. Вагжанов был таким человеком, о котором надо бы знать все. К сожалению, мы можем сообщить о нем лишь весьма краткие сведения.

Александр Петрович Вагжанов родился 11 августа 1877 г. в Ямской слободе на восточной окраине Твери.

Его отец — Петр Вагжанов — работал ткачом на фабрике в Твери. Обладая светлым умом, большой энергией, он смело выступал в защиту интересов трудящихся. Он участвовал в первых забастовках. Неоднократно его увольняли с работы, не давала ему покоя и полиция, установив негласный надзор за неугомонным бунтовщиком. Товарищи по работе высоко ценили его за смелость и неподкупный характер. В 1905 г. при выборах в Тверской Совет Петр Вагжанов был в числе первых депутатов.

Мать его — Татьяна Ивановна — тоже была работницей на ткацкой фабрике. Непосильный труд не кончался 12-часовым рабочим днем. Он дополнялся ведением домашнего хозяйства. В семье было трое детей. Надо было везде успеть и все сделать.

Когда Александру Вагжанову исполнилось 13 лет, он поступил на прядильно-ткацкую фабрику рассыльным, позже стал ткачом.

В середине 90-х годов Александр Вагжанов работал на фабрике в Петербурге и там вступил в один из кружков «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В кружке изучали политическую экономию и знакомились с идеями Карла Маркса. Кружковцы собирали сведения о рабочей жизни и проводили беседы с рабочими.

Увлеченный революционной работой социал-демократов,

Александр Вагжанов в 1896 г. становится членом партии. Росли его политическое сознание и активность в революционной работе. Полиция заметила его, стала вести за ним наблюдение. В 1898 г. Вагжанов за участие в забастовке был уволен с работы, а затем выслан в Тверь под негласный надзор полиции.

Наступило время военной службы. Александр Вагжанов был в армии с 1899 по 1902 г. Вернулся в Тверь, стал работать на фабрике. Женился на работнице той же фабрики. Связь с Тверским комитетом у него не прекращалась. Не прекращались и преследования его полицией.

С начала русско-японской войны Александр был мобилизован и вместе со своим полком отправлен на Дальний Восток. Там Вагжанов умело вел политические беседы с солдатами-земляками.

Весной 1906 г. Вагжанов демобилизовался и в Твери поступил опять на фабрику, а Тверской комитет партии ввел его в свой состав.

Александр Вагжанов в это время организовал «Общество потребителей», и рабочие избрали его председателем правления. Авторитет отца и сына Вагжановых среди ткачей был высок. После ареста Александра председателем кооператива был избран его отец.

Вот почему при выборах депутатов во II Государственную Думу была выдвинута кандидатура Александра Петровича Вагжанова. В феврале 1907 г. он стал депутатом Думы.

Проводы Александра Петровича Вагжанова в Петербург вылились в многочисленную манифестацию. Вагжанов в Петербурге зарегистрировался в социал-демократической фракции.

В. И. Ленин внимательно следил за ходом выборов в Государственную Думу и часто встречался с рабочими-депутатами. Он заботился о том, чтобы большевики умело использовали думскую трибуну, разоблачали лицемерие царского правительства и разъясняли, что никаких законов оно в пользу рабочих принимать не будет. Поэтому рабочему классу надо готовить свои силы к революционному свержению царизма.

Когда В. И. Ленин жил на даче Ваза (у станции Куоккала Финляндской железной дороги), депутаты-большевики, строго соблюдая все меры предосторожности, приезжали к Владимиру Ильичу, чтобы посоветоваться с ним по своей работе в Думе. Встречал их Владимир Ильич приветливо и сердечно. А. П. Вагжанов на таких беседах, как губка, впитывал все советы Ленина. Надо было знать, как вести борьбу депутатов в Думе, чтобы она могла служить интересам пролетариата. На всю жизнь запомнил А. П. Вагжанов эти встречи.

Государственная Дума была разогнана в июне 1907 г., депутаты-социал-демократы — арестованы. В квартирах депутатов были проведены обыски. Извещенные об этом, депутаты-большевики прямо с заседания Думы, соблюдая строгие меры предосторожности, поехали к В. И. Ленину, рассказали ему обо всем, что происходило в Думе. Очень внимательно выслушав сообщения депутатов, Владимир Ильич дал им совет: не теряя времени, довести до сведения рабочих на фабриках и заводах, как царское правительство поступает с избранниками рабочего класса.

Однако полиция опередила депутатов, лишь Вагжанову удалось скрыться и тайно уехать в Тверь. Побывал он в Тверском комитете партии, повидался с семьей. Зная о том, что он будет схвачен жандармами, судим и отправлен на каторгу, все же поехал в Петербург. Все произошло, как он и предполагал: арест, тюрьма, следствие. Суд начался при закрытых дверях 22 ноября 1907 г., а 4 декабря был объявлен приговор. Вагжанова приговорили к четырем годам каторги и пожизненному поселению в Восточной Сибири.

В годы реакции тюрьмы царской России были переполнены, и потому в Петербургской тюрьме был введен каторжный режим: депутаты были наголо острижены, закованы в кандалы и одеты как все каторжники.

Прошло три года, и из Петербургской каторжной тюрьмы бывших депутатов стали мелкими группами вывозить в Сибирь. А. П. Вагжанова отправили в Забайкалье, на Нерчинскую каторгу (в Акатуй), а весной его перевели в Алгачинскую тюрьму. 4-летний срок истек, и 9 июня 1911 г. Александр Петрович должен был быть освобожден от каторжных работ. Но только 6 июля его сняли с довольствия в тюрьме и отправили в распоряжение Селенгинского уездного начальника для поселения в селе Большая Речка.

После приезда жены с дочкой, Вагжанову разрешили поселиться в Сретенске. Там он под надзором полиции стал работать в затоне Амурского пароходства.

В Селенгинском уезде было поселено свыше ста политических ссыльных. Они собирались, в том числе и Вагжанов, для обсуждения вопросов политической работы. После забастовки рабочих пароходства 9 января 1914 г. Вагжанов был уволен и выслан из Сретенска за 1000 верст на Север, в Витим. Позже ему разрешили переехать в Читу, где и застала Вагжанова Февральская революция 1917 г. Около десяти лет провел Александр Петрович Вагжанов в тюрьмах, на каторге и в ссылке.

Не забыли рабочие своего депутата Государственной Думы,

и Тверской комитет партии просит Вагжанова ускорить возвращение из Сибири домой. Торжественно встречали Александра Петровича. В мае 1917 г. его избрали в Тверской Совет рабочих депутатов и в комитет партии. Затем — в Тверской губисполком и делегатом на I съезд Советов в Москву.

На I Всероссийском съезде Советов Александру Петровичу посчастливилось вновь встретиться с В. И. Лениным на заседаниях большевистской фракции, которой руководил Ленин. Фракция в числе 33 человек выдвинула кандидатуру Вагжанова в члены ВЦИК Советов.

В стране нарастало движение за переход всей власти в руки Советов. В новый состав Тверского комитета партии были избраны А. П. Вагжанов, П. Н. Поспелов и другие.

В Тверском Совете руководство в октябре 1917 г. перешло к большевикам. На губернском съезде Советов принимается резолюция о необходимости перехода всей власти к Советам.

28 октября 1917 г. почти одновременно с победой революции в Петрограде Тверской Совет образовал ревком под председательством А. П. Вагжанова. Власть в Твери перешла в руки ревкома. На объединенном заседании исполкомов Советов рабочих и крестьянских депутатов А. П. Вагжанов был избран первым председателем Тверского губисполкома. Все это свидетельствовало о том, что Тверская губернская большевистская организация и рабочий класс с крестьянством оказывали высокое доверие А. П. Вагжанову. Учитывали его огромный опыт партийной работы, его организаторские способности, политическую закалку, бесстрашие и непримиримость в борьбе с многочисленными врагами социалистической революции.

В апреле 1918 г. Центральный Комитет партии направил А. П. Вагжанова в Забайкалье, в Читу. Тут он стал комиссаром труда, председателем Чрезвычайной комиссии по следственным делам при ревтрибунале, а затем комиссаром продовольствия и снабжения Забайкальской области.

Летом 1918 г. в Забайкалье сложилась крайне тяжелая обстановка. Сибирские отряды, прибывшие из разных городов, вели под руководством С. Г. Лазо упорную борьбу с бандитами атамана Семенова. С запада появились войска белочехов, с востока напирали японские, американские и английские войска. Силы врага были превосходящими, и 26 августа 1918 г. он занял Читу.

Осенью 1918 г. в одном из магазинов «Общества потребителей», в военном городке на Нижней Березовке (станция Дивизионная) близ Верхнеудинска появился сторож под фамилией Марихин. Это был А. П. Вагжанов. Он устроился здесь после

двухмесячных скитаний и начал отыскивать связи с оставшимися коммунистами. С присущей ему энергией и страстью он взялся за организацию большевистского подполья и подготовку масс к борьбе за восстановление власти Советов. В начале 1919 г. он стал председателем Верхнеудинского подпольного комитета РКП(б).

В марте 1919 г. под кличкой «Петрович» Вагжанов был делегатом от большевистской организации Прибайкалья на III Сибирской подпольной конференции РКП(б) и был избран в состав Сибирского обкома.

Конференция поручила Сибирскому обкому создать Уральское и Восточно-Сибирское бюро. Руководителем Восточно-Сибирского бюро был назначен «Петрович».

Вернувшись в Верхнеудинск, «Петрович» доложил партийному комитету о работе конференции и ее решениях и стал собираться в поездку по городам Дальнего Востока. В середине мая 1919 г. он прибыл в Читу. Здесь жила его семья. Из осторожности он сразу не пошел на свою квартиру, а предварительно остановился в гостинице «Звездочка». Все же он допустил оплошность, появившись в Чите без грима. На одной из улиц его заметил эсер Околович, служивший у атамана Семенова начальником милиции. Он знал Вагжанова с 1914 г. Опознав его на улице, он немедленно об этом сообщил в контрразведку. Ночью Вагжанова арестовали.

Начался его поединок с контрразведкой. Допросы с избиениями и пытками продолжались две недели. Затем прифронтовой военно-полевой суд приговорил Вагжанова к смертной казни.

После приговора жене Вагжанова Марии Ефимовне было разрешено увидеть мужа через тюремную решетку. Он был черный после избиений. После его казни Мария Ефимовна получила прощальную записку: «Прощай, дорогая Маша! Прощайте, Валя и Таня! Сейчас 4 часа утра — ведут расстреливать. Машенька, не грусти, голубушка. Постарайся поехать в Тверь... Если уж суждено умереть, пусть умру я. Детей береги и знай, Маша, что другого отца у них такого не будет. Ведь и партийная работа направлена была на добро — не виноват я, что все это так получилось.

Прощайте!

Отец и муж А. Вагжанов.

5 июня 1919 г.».

В городе Калинине в честь Вагжанова названа одна из улиц и фабрика. Память о нем сохранят и наши потомки.

И.Ф.Плотников,
доктор исторических наук

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ В Р Ш

Одним из виднейших подпольных партийных работников в тылу белогвардейцев и интервентов на Урале был безвременно погибший Дмитрий Дмитриевич Кудрявцев.

Д. Д. Кудрявцев родился в октябре 1887 г. в деревне Пролежнево Тредубской волости Тверской губернии. Его отец был рабочим Путиловского завода и лишь периодически приезжал на родину, к семье. По окончании в 1901 г. четырех классов Кудрявцев также уехал в Питер и стал обойщиком вагонов.

Д. Д. Кудрявцев принял активное участие в первой русской революции, вступив в ходе нее (по некоторым данным, в 1905 г.) в большевистскую партию. За революционную деятельность он неоднократно подвергался арестам. В 1907 г. он был выслан на пять лет по месту рождения. Потом Д. Д. Кудрявцев уехал в Тверь и, вновь поступив на работу, включился в активную революционную деятельность, вошел в состав местного партийного комитета. В 1910 г. Д. Д. Кудрявцев переехал в Москву, в следующем году перебрался в Петербург, а вскоре — на Кавказ. Оттуда его выслали в Ростов-на-Дону. Через эмигрировавшего В. М. Каспарова он поддерживал переписку с Н. К. Крупской. В 1913 г. его вновь арестовали и летом следующего года выслали в Нарымский край, откуда через два с небольшим года он совершил побег. С паспортом на чужое имя вел работу в Москве, здесь активно участвовал в Февральской и Октябрьской революциях.

В мае 1918 г. Д. Д. Кудрявцев в составе группы видных партийных и военных работников, возглавляемой А. И. Окуловым, А. Я. Нейбутом и Р. П. Эйдеманом, направляется в Сибирь. В Омске группу застало контрреволюционное выступление частей чехословацкого корпуса. Кудрявцев вместе с другими участвовал в борьбе с белочехами и оказался в тылу врага. С небольшой группой коммунистов, отобранных им в апреле 1918 г. для поездки в Сибирь, Д. Д. Кудрявцев направляется к

фронту. По прибытии в Челябинск группа принимает решение, что Д. Д. Кудрявцев и П. Н. Поспелов останутся здесь для участия в подпольной работе, остальные направятся через линию фронта в Москву.

Челябинск был одним из крупнейших центров революционной борьбы трудящихся, руководимых коммунистами-подпольщиками в тылу интервентов и белогвардейцев. Челябинское большевистское подполье стало многочисленным и активным прежде всего потому, что город был внезапно захвачен белочехами в ночь на 27 мая. Многие коммунисты не смогли эвакуироваться, другие в последний момент получили специальное поручение остаться для нелегальной работы. Важное значение имело и то обстоятельство, что с челябинскими коммунистами-подпольщиками раньше, чем с подпольем других крупнейших городов, установили и поддерживали связь Уралобком партии, центральные партийные и военно-политические органы, а затем и специально созданные Сибирское бюро ЦК РКП(б) и его Уральское отделение.

Коммунисты Челябинска быстро консолидировали свои силы, создавали нелегальные организации и группы на промышленных предприятиях, железнодорожной станции, мастерских, депо, каменноугольных копях, в профессиональных союзах, отдельных учреждениях, воинских частях. В этой работе принял участие и Д. Д. Кудрявцев, быстро связавшийся с местными коммунистами, в частности железнодорожниками. В числе первых челябинских подпольщиков, с которыми Кудрявцев и Поспелов быстро и близко подружились, был Н. А. Куропаткин — председатель профсоюза парикмахеров. С ним Д. Д. Кудрявцев и П. Н. Поспелов поселились в снятой ими квартире. Кудрявцев, которого в Челябинске по прежней работе власти и местные жители не знали, прописался под своей фамилией и поступил на работу в продовольственную управу. П. Н. Поспелов определился на профсоюзную работу.

В немногочисленных воспоминаниях, в которых содержатся сведения о различных периодах жизни и деятельности Д. Д. Кудрявцева, в том числе о челябинском, отмечается, что он был человеком весьма общительным, любившим остроумные шутки. Его уважали и любили товарищи.

Д. Д. Кудрявцев в первые же месяцы выдвинулся в число виднейших партийных работников Челябинска, вошел в состав инициативной группы по подготовке и проведению первой городской нелегальной подпольной конференции. Как вспоминал один из активных подпольщиков И. В. Шмаков, в августе 1918 г. на этой конференции был организован подпольный комитет. По

данным А. Н. Зыкова и П. Н. Поспелова, в общегородской комитет, помимо В. И. Гершберга, ставшего председателем, вошли С. М. Рогозинский, С. А. Кривая, М. С. Иванов, А. Н. Зыков и Д. Д. Кудрявцев. Кудрявцев являлся одним из наиболее авторитетных и активных членов комитета и был назначен председателем Военно-революционного штаба при нем. Его вновь избирают в состав общегородского комитета и председателем ВРШ на подпольной конференции челябинских коммунистов, состоявшейся 11 декабря 1918 г.

Челябинский общегородской комитет РКП(б), именовавшийся в официальных документах также и областным, являлся центром нелегальной революционной работы в обширном южноуральском регионе.

Челябинская большевистская подпольная организация, как нами уже отмечалось, стала крупнейшей на Урале. Вскоре после образования численность ее достигла ста членов. В дальнейшем организация достигла многих сот человек. Курьеры и другие работники, доставлявшие весной 1919 г. информацию в Сиббюро ЦК и его отделение, указывали, что в организации (вместе с Копейской) всего членов партии, сочувствующих, дружинников насчитывалось не менее тысячи.

В основу организации были положены конспиративные «десятки». Были также «пятерки» и «тройки».

Колчаковцы в марте 1919 г. отмечали: «Одним из главных пунктов деятельности большевиков является город Челябинск». А между тем эта действительно крупнейшая организация была лишь одной из многих на Южном Урале.

Работа Д. Д. Кудрявцева как одного из участников и руководителей подполья была разноплановой. Следует отметить выполнение им важного поручения Челябинского комитета по возобновлению и закреплению связей с Сибирским ОК (ЦК) РКП(б), Омской партийной организацией и поездку для решения этой задачи в Омск. В одних воспоминаниях это относят к осени, в других — к началу зимы 1918 г. Бывшая челябинская подпольщица Е. Л. Киржнер, переехавшая в Омск, вспоминала: «Я была связной с Омским подпольным комитетом, и рекомендовал меня омским товарищам челябинский подпольщик Дмитрий Дмитриевич Кудрявцев. Дмитрия Дмитриевича Кудрявцева я не знала. Но однажды зимой, примерно в декабре 1918 г., в аптеку в Омске, где я работала, пришел товарищ. Назвался Кудрявцевым, сообщил мне, что может познакомить меня с омскими подпольщиками, и просил быть связной между Челябинской и Омской партийными организациями. Я согласилась. Через несколько дней он пришел еще раз, сказал, что обо всем дого-

ворился и уезжает. Двумя днями позже у меня дома побывал член Омского комитета М. М. Рабинович (автор воспоминаний допускает ошибку: Рабинович являлся членом не Омского общегородского, а Сибирского областного комитета РКП(б), находившегося в Омске.— *И. П.*) и проинструктировал насчет работы». В дальнейшем помощью коммунистки Е. Л. Киржпер и ее явочной квартирой многократно пользовались для связи и встреч как челябинские, так и омские подпольщики.

В Челябинске большевики, несмотря на преследования колчаковцев в ноябре 1919 г., продолжали работу в профессиональных союзах, которые пытались охватить своим влиянием мелкобуржуазные организации. Часть из них вынуждена была работать полулегально. Использовали также профсоюзы и другие рабочие организации в интересах борьбы с контрреволюцией.

Ряд источников свидетельствует о том, что Д. Д. Кудрявцев принимал деятельное личное участие и в этой работе. Так, на одном из собраний Совета профсоюза «Иглы», объединявшем швейников, при обсуждении вопроса об участии в выборах в городскую думу рядом выступавших был дан отпор призыву меньшевиков и эсеров активно участвовать в этих выборах. Было принято решение: «Вопрос о выборах в городскую думу оставить открытым впредь до издания нового законоположения о выборах». Под протоколом собрания стояла, наряду с двумя другими, подпись Д. Д. Кудрявцева. Он присутствовал на рабочем съезде Челябинского района. На делегатском собрании профсоюзов района, состоявшемся в конце ноября — начале декабря 1919 г., Д. Д. Кудрявцев был товарищем председателя и выступал против тех, кто покушался на завоевания рабочих. «Министр труда,— говорил он,— за полгода существования ничего хорошего не создал. Все рабочие завоевания с каждым днем идут к нулю, и думаю, что в дальнейшем от министра труда ждать хороших результатов нельзя. А потому остается надежда на то, чтобы нам самим хорошенько сплотиться, выдвинуть своего представителя, и этим мы дадим отпор предпринимателям». Д. Д. Кудрявцева в числе трех человек доизбрали в состав правления Совета профессиональных союзов Челябинского района.

Участие Д. Д. Кудрявцева и других коммунистов в легальных организациях открывало дополнительные возможности для сплочения рабочих, разоблачения контрреволюции и соглашательских партий.

Д. Д. Кудрявцев был одним из организаторов и руководителей типографии, где печатали листовки. Как вспоминал член партии с 1917 г. А. Д. Касьянов, он сам и М. Л. Прижьялковский

под руководством «Дмитрия» выпустили в 300 экземплярах листовку-воззвание к рабочим к первой годовщине Октябрьской революции.

Челябинские рабочие горячо откликнулись на призыв подпольной организации и поднялись на многодневную забастовку, ознаменовав ею годовщину Октября. Белогвардейцы обрушили на рабочих репрессии, угрожали забастовщикам расстрелом. Число уволенных и арестованных рабочих составило почти 600. Провожая своих арестованных товарищей в Уфимскую тюрьму, рабочие Челябинска, члены их семей собрались на вокзале. Стихийно возник митинг. Затем рабочие направились в город, прошли по улицам, пели революционные песни. Митинг и многолюдная демонстрация были настолько внушительными, что белогвардейцы не решились их разогнать.

Особенно велика была роль Д. Д. Кудрявцева как председателя Военно-революционного штаба в развертывании военно-боевой работы в Челябинске и на Южном Урале в целом.

Челябинский комитет, главным образом усилиями Д. Д. Кудрявцева, разработал целый ряд инструкций, одобренных общегородской подпольной партийной конференцией 11 декабря 1918 г. или составленных позднее. В них определялись задачи, направления и методы действий Центрального военно-революционного штаба, отделов, районных ВРШ и организации работы в частях гарнизона. В этих документах учтен опыт организации подобной работы Сибирским подпольным ОК (ЦК) РКП(б), другими комитетами и военно-революционными штабами. Под инструкциями стоит подпись Челябинского военно-революционного штаба, что и позволяет полагать, что один из авторов — Д. Д. Кудрявцев.

Основной является «Инструкция центральному и районным Военно-революционным штабам при Челябинском общегородском комитете Российской Коммунистической партии (большевиков)». По ней можно представить, что каждый штаб состоял из трех человек, один из которых обязательно являлся членом партийного комитета, очевидно, его председателем. Штаб действовал на правах отдела партийного комитета и при возникновении принципиальных вопросов обращался в этот орган. ВРШ предоставлялось право кооптировать в свой состав новых работников, упразднять, видоизменять некоторые отделы. В составе Центрального штаба имелись отделы: снаряжения, строевой, оперативный, связи, контрразведки и финансовый. Функции и задачи каждого кратко определялись в общей инструкции и подробно — в особых, специально разработанных.

Под руководством ВРШ, возглавляемого Д. Д. Кудрявцевым,

проводилась огромная боевая работа на заводах. Добывались пулеметы, оружие, боеприпасы, медикаменты, формировались нелегальные дружины.

На основе различных данных колчаковцы в середине марта 1919 г. заключили, что челябинская боевая большевистская дружина насчитывала около 300 человек.

Кудрявцев и его помощники прилагали много усилий к налаживанию через своих представителей военно-боевой работы на всем Южном Урале. Так, в начале марта для постоянной работы был послан инструктор в Златоуст. В Миньяр для связи и «организации военного отдела» ездил подпольщик А. Н. Берестов. По направлению Челябинского ВРШ в начале февраля 1919 г. в Троицк «для основания подпольной большевистской организации» был направлен питерский рабочий Н. С. Полухин. Он связался с местными подпольщиками и, опираясь на них, вскоре создал подпольную организацию, ставшую одной из крупнейших и наиболее активных в регионе. Уездный подпольный центр, председателем которого был избран Полухин («Павел»), именовался Военно-революционным штабом. Между челябинским и троицким штабами поддерживалась тесная связь. Так, в середине марта в Троицк был направлен Ф. П. Кузьминых («Слесарь»). Ему была вручена директива на имя Полухина: «Предлагаю вам в спешном порядке выслать список всех деревень, в которых вы устроили ячейки...» Кузьминых увез также ряд инструкций, листовок. Из Троицка Ф. П. Кузьминых в сопровождении А. Ф. Ланкина в конце марта направился в Кустанай, в районе которого началось и разгорелось вооруженное восстание. Была предпринята попытка установления и поддержания связи челябинских и троицких подпольщиков с большевиками и повстанцами Кустанайского уезда. Однако командующий повстанческими войсками беспартийный А. Жиляев, проявлявший анархистские тенденции, не поверил представителям уральских подпольных организаций, счел их провокаторами и арестовал. Но Ф. П. Кузьминых и А. Ф. Ланкин совершили побег и вернулись в свои организации.

О размахе боевой работы ЦВРШ и лично Д. Д. Кудрявцева, ее целенаправленности свидетельствует следующий документ, составленный колчаковцами: «Усиленно ведется организация боевых дружин и обучение владению как с оружием, так и со взрывчатыми веществами. С особенной энергией добывается и разыскивается оружие. Непрерывно ведется наблюдение за различными складами оружия (пороховые погреба, вагоны, пакгаузы), причем главное внимание обращено на род и количество охраняющих склады караулов. Очевидно, большевики, имея до-

статочное количество оружия для вооружения ближайших членов своих организаций, обратили внимание на склады оружия, дабы в удобный момент, бросив лозунг в широкие солдатские и народные массы, поднять восстание под своим руководством. Немалое внимание обращено большевиками на вербовку лиц низшего медицинского персонала (фельдшеров), дабы через них доставать медикаменты, необходимые для изготовления взрывчатых веществ...»

Примерно так и велась подготовка вооруженного восстания. Поддерживая связь с Сибирским бюро ЦК РКП(б), получая информацию о намеченном на весну наступлении Красной Армии на Восточном фронте, ВРШ намечал начать восстание в середине апреля 1919 г., когда, как ожидалось, будет освобожден Златоуст.

В этой подготовительной работе важное место занимал сбор всевозможной военной, политической и экономической информации, осуществлявшийся штабом. Много для этого делал начальник отдела контрразведки В. А. Вожаков. Так, он сообщал о наличии в Омске 23 вагонов со взрывчаткой, а 10 февраля — о получении через прибывшего подпольщика И. М. Блюма (Яковского) сведений о восстании 1 февраля 1919 г. в Омске и его поражении. В челябинскую охранку был внедрен и давал информацию подпольщик Уханов.

Большую помощь отделу контрразведки штаба приносил помощник коменданта железнодорожной станции вахмистр Г. П. Широков. В заявлении в подпольную организацию он просил принять его в ряды партии и добавил, что готов «помереть за пролетариат и быть 1-м работником для него». Его информация был оперативной и обширной. Так, в середине февраля Широков сообщал о передвижении из Екатеринбурга на Златоустовский фронт 1-й бригады тяжелой артиллерии, об отправке из Челябинска на Троицк 18-го Оренбургского казачьего полка и т. д. В те же дни он сообщал, что Колчак проехал в 23 часа ночи 25 февраля из Троицка в Екатеринбург. Подпольная организация Челябинска готовила покушение на Колчака — взрыв поезда, в котором он ехал. Была подготовлена взрывчатка, бомба, но реализовать задуманное не удалось.

Наиболее ценные сведения челябинцы переправляли через линию фронта, оказывая тем самым существенную помощь Красной Армии.

Много усилий ВРШ прилагал для развертывания подрывной работы, особенно на железной дороге. Так, в феврале 1919 г. было всыпано в буксы колес бронепоезда толченое стекло. Готовился взрыв другого бронепоезда по выходе его со станции Челябинск.

Для выполнения этих акций был сформирован специальный подрывной отряд из 6 человек.

Колчаковцы сообщали, что в середине января 1919 г. в мастерские № 5 в Челябинске явился офицер по фамилии Ляхов и «увез бронеавтомобиль». Бронеавтомобиль исчез, начались его поиски, выяснилось, что офицера под указанной фамилией в городе не было. Вполне вероятно, что это было акцией ВРШ, и бронеавтомобиль уничтожили.

Челябинский общегородской партийный комитет целиком возложил на ВРШ, руководимый Д. Д. Кудрявцевым, работу в войсках противника, начиная с организации в них нелегальных ячеек и заканчивая подготовкой солдат к вооруженному восстанию. В специально разработанной под руководством Кудрявцева инструкции указывалось, что в партийные ячейки могут вступать военнослужащие любой национальности, чина и звания, ненавидящие белогвардейскую власть, ставящие целью ее свержение и восстановление Советской власти. Солдаты-подпольщики должны были группироваться в конспиративные «десятки». Для их успешного формирования предусматривалось назначение опытных партийных организаторов. Они должны были обеспечить «скорейшее объединение всех образующихся «десятков» и представлять их в гарнизонный комитет, который предстояло создать. Из подпольных «десятков» в войсках создавались «взводные коллективы», подчиненные ротным комитетам. Представители последних составляли батальонный комитет. Из представителей батальонных комитетов создавался полковой комитет (полковое объединение), подчиненный гарнизонному комитету. В последнем, 12-м пункте инструкции определялись задачи этого комитета: «Гарнизонный комитет представляет собой общегородскую конференцию всех войсковых частей, а потому представительством на его пленарном заседании пользуются все войсковые части, расположенные в городе и его районах, входящих в городскую партийную организацию»[1]. На пленарных заседаниях могли присутствовать и представители революционных большевистских организаций фронтовых частей в случае приближения фронта к городу.

Эта стройная в структурном отношении подпольная военная организация, представляющая собой, как отмечается в некоторых документах, «гарнизонную коллегию», находилась в непосредственном подчинении ЦВРШ, руководимого Д. Д. Кудрявцевым. Но источники свидетельствуют и о том, что Кудрявцев, другие члены ВРШ, активные партийные работники

[1] ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 31, л. 10.

часто непосредственно связывались с руководящими подпольными центрами воинских частей, проводили там совещания и другую работу.

Для оперативной связи и проведения работы подпольной организацией той или иной воинской части Д. Д. Кудрявцев или его помощники назначали наиболее надежных партийных работников. Например, в полку им. Шевченко такую работу вел опытный коммунист В. Г. Киселев. Для удобства ведения нелегальной работы среди солдат по решению общегородского комитета целый ряд ответственных и рядовых большевиков, в том числе Д. Д. Кудрявцев, а также В. Г. Киселев, П. Н. Поспелов и другие, вступили в колчаковскую армию. Кудрявцев стал солдатом местного батальона.

Челябинский гарнизон все время был многочисленным. Здесь многие месяцы размещался штаб западной армии с различными командами и службами. До начала 1919 г. здесь находился 21-й Челябинский полк, до весны — 141-й полк, полк им. Шевченко и многие другие части. Так, в середине апреля 1919 г., наряду с другими частями и подразделениями, там дислоцировались 109-й полк, местный батальон, конвойная команда, железнодорожный батальон, артиллерийская батарея, телеграфная рота, школа прапорщиков, а также сербский полк и 4 роты белочехов.

Не было в городе ни одной воинской части, в которой не имелось бы большевистского революционного подполья, не велась бы подпольная работа, направляемая Д. Д. Кудрявцевым. Исключения не составляли и чехословацкие и южнославянские войска. О революционной работе в так называемом 1-м добровольческом полку сербов, хорватов и словенцев им. майора Благотча, сформированном в августе 1918 г., не раз говорилось в переписке между колчаковцами. Так, в январе 1919 г. там отмечалась «сильная агитация по отправке солдат на родину»[1]. В марте в полку наблюдались «волнения». Временное «успокоение» было достигнуто «изъятием зачинщиков» (до 10 человек), заключенных в тюрьму[2].

Но особенно интенсивная работа была развернута в русских частях гарнизона, что удавалось достигнуть, несмотря на наличие контрразведывательного отделения при штабе западной армии, других формирований сыска и карательных органов.

Сильная организация Военно-революционным штабом во главе с Д. Д. Кудрявцевым была создана в 21-м Челябинском

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 290, л. 12.
[2] Там же, ф. 1425, оп. 1, д. 16, л. 92.

полку. Распропагандированные и руководимые подпольной организацией солдаты по прибытии на фронт стали большими группами, целыми подразделениями переходить на сторону Красной Армии. Так, когда 13 января 1919 г. полк, включенный в состав 6-й Уральской дивизии западной армии, был брошен в наступление, на сторону красных перешли почти полностью одна рота и передовой караул, создав тяжелое положение для полка, который стал неорганизованно отступать. Несколько позднее под деревней Морозовской наблюдалась та же картина: когда красные окружили деревню, и подпоручик Кочановский пытался вывести вторую роту, то из этого ничего не получилось, ибо большая часть солдат разбежалась по домам, осталась в деревне для сдачи в плен[1]. И это повторялось в дальнейшем не раз. Солдаты вступали в Красную Армию и отважно дрались с колчаковцами.

Но особо выдающихся результатов удалось достигнуть в полку им. Шевченко. Он был сформирован в Челябинске в начале 1919 г. из переселенцев-украинцев Южного Урала и Западной Сибири и в демагогических целях назван именем Тараса Григорьевича Шевченко. Под руководством ВРШ в полку создается революционная организация до 80 человек, во главе организации стоял Революционный военный совет под председательством В. И. Орловского. Он и многие другие подпольщики вступили в полк «добровольцами» по указанию подполья. Неоднократно проводились с активом нелегальные совещания, в частности, на квартире И. Х. Васанова. К середине марта полк был распропагандирован, готовился к восстанию, и ему ВРШ отводил особую ударную роль. Д. Д. Кудрявцев не только постоянно направлял эту работу, но и непосредственно участвовал в ней.

Заподозрив неладное, колчаковские власти во второй половине марта 1919 г. срочно отправили полк им. Шевченко на фронт. ВРШ дал руководству организации полка установку: по получении оружия на фронте сразу переходить на сторону Красной Армии. Когда полк находился в пути, в Уфе, для передачи подпольщикам Д. Д. Кудрявцев через И. Х. Васанова на имя В. Г. Киселева выслал 500 рублей, но перевод запоздал.

Революционная организация полка им. Шевченко подняла 1 мая полк на восстание на фронте в районе станции Сарай-Гир. Больше того, она вовлекла в это восстание многих солдат 46-го Исетского, 41-го, 42-го, 22-го Златоустовского полков и егерского батальона, входивших в 11-ю и 12-ю колчаковские дивизии. 2500 восставших солдат с артиллерией, пулеметами, огром-

[1] ЦГАОР, ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 1, л. 104.

ным обозом поздно вечером 1 мая с пением «Интернационала» вышли в расположение частей Красной Армии и соединились с ними. По просьбе революционных солдат полка им. Шевченко их часть после пополнения стала называться «210-м стрелковым полком им. В. И. Ленина»[1]. Крупный участок фронта белых был дезорганизован и обнажен. Это позволило красноармейским частям в начале мая развить стремительное наступление в направлении Сарай-Гир — Белебей. В успехе этого грандиозного восстания была и большая заслуга Д. Д. Кудрявцева. Товарищи Кудрявцева по подполью, оценивая его работу, в том числе по организации и руководству революционной борьбой солдатских масс, отмечали удивительное хладнокровие, выдержку и работоспособность, которые не покидали его и среди кошмаров колчаковщины[2].

Успешно развивающаяся и достигшая мощного размаха работа Челябинского большевистского подполья вызывала крайнее беспокойство колчаковцев. С помощью провокаторов они постепенно нащупывали его отдельные звенья, усиливали слежку. Вскоре после того как 20 марта небольшая группа подпольщиков совершила самовольную экспроприацию, она была схвачена и на допросах выдала ряд известных ей работников, в том числе руководителя левоэсеровско-анархистской группы Н. Г. Образцова («Марусю»), ставшего предателем и осведомителем вражеской контрразведки. Начались массовые аресты. В трагическую ошибку вылилось опрометчивое принятие Челябинским комитетом в подпольную организацию групп левых эсеров и анархистов. Начавшиеся в конце марта 1919 г. массовые аресты в Челябинске привели к тому, что в застенках оказалось около 200 человек, и среди них большинство руководителей организации. 66 подпольщиков, в том числе и Д. Д. Кудрявцева, увезли в Уфу, заключили в местную тюрьму. В середине мая вынесли приговор военно-полевого суда. Более половины были приговорены к смертной казни через повешение и расстрел, другие отправлены на каторгу в Сибирь и в значительной части также погибли и лишь девять человек освободили. Д. Д. Кудрявцев, приговоренный к расстрелу, из Уфимской тюрьмы послал свое последнее письмо в Челябинск Е. И. Гоголевой, в котором писал: «Я извиняюсь за причиненную неприятность, и нам вряд ли придется встретиться в дальнейшем». Это обращение было связано с тем, что по его просьбе Гоголева, не посвященная

---

[1] ЦГАСА, ф. 1307, оп. 2, д. 158, л. 155; ф. 238, оп. 3, д. 26, л. 35, 36; ф. 3509, оп. 1, д. 5 (пр. № 81).

[2] Партийный архив Свердловской области, ф. 41, оп. 1, д. 1218, л. 202.

в подпольную работу, укрывала на своей квартире одного из руководителей организации, посланца Я. М. Свердлова и Сиббюро ЦК РКП(б) А. А. Григорьева (Голицына), там же арестованного. В связи с этим Е. И. Гоголеву допрашивали и подвергли штрафу.

Казнь подпольщиков производилась в ночь на 17 мая. Обреченных на смерть выводили во двор тюрьмы мелкими группами, били прикладами, кололи штыками, рубили шашками, расстреливали. Так на 32-м году жизни, в расцвете сил погиб один из опытнейших и отважных представителей ленинской большевистской гвардии Дмитрий Дмитриевич Кудрявцев.

П. Н. Поспелов, также подвергшийся аресту, но из-за отсутствия против него каких-либо улик освобожденный, о своем партийном наставнике и старшем друге скорбно писал: «В лице Кудрявцева партия потеряла закаленного, испытанного борца, коммуниста в лучшем смысле этого слова, перед которым было огромное будущее.

Тот, кто хоть несколько раз встречался с ним, никогда не забудет этой цельной натуры, незаменимого товарища, оригинала и идеалиста, своим неизменным спокойствием и веселостью заражавшего окружающих. Тот, кто знал его ближе, не раз почувствует щемящую тоску при мысли, что не придется больше увидеть дядю Митяя».

И.Ф.Плотников,
Ф.И.Чикирисов, член КПСС с 1917 г.

МИХАИЛ СОЛОВЬЕВ

Михаил Данилович Соловьев — человек интересной судьбы. Он родился в семье молотобойца Мотовилихинского пушечного завода в 1888 г. Окончил в Перми городское училище. В канун Февральской революции был бухгалтером в управлении Пермской железной дороги. Революция открыла его незаурядные способности и дала ему широкий путь к активной общественной деятельности.

После Февральской революции он был избран членом Главного железнодорожного комитета Пермской железной дороги и делегатом на I съезд железнодорожников в Петроград. В конце июня 1917 г. он стал начальником отряда Красной гвардии, сформированного из рабочих Пермского железнодорожного депо и Пермских главных железнодорожных мастерских. Этот отряд, как и отряд красногвардейцев Мотовилихинского пушечного завода, стал главной военной опорой Пермского Совета. Отряд Соловьева принимал активное участие в подавлении мятежа в Перми, организованного буржуазией, и других контрреволюционных восстаний на Урале. Он участвовал в разоружении анархистов в Екатеринбурге и эшелонов контрреволюционных казаков, следовавших через Пермь.

В начале декабря 1917 г. по призыву В. И. Ленина выступить на борьбу с атаманом Дутовым, поднявшим восстание против Советской власти, в Перми был сформирован сводный отряд красногвардейцев из железнодорожников и рабочих пушечного, механического и деревообделочного заводов общей численностью в 500 штыков. Командиром отряда был назначен М. Д. Соловьев.

Отряд выехал на фронт одновременно с Северным летучим отрядом из 400 кронштадтских матросов под командою мичмана С. Д. Павлова.

Оба эти отряда, начиная наступление против белоказаков в

районе Троицка, действовали совместно под общей командой мичмана Павлова. В начале января 1918 г. отряды прибыли в Бузулук, где против атамана Дутова сражались самарские и бузулукские красногвардейцы под руководством комиссара, старого большевика П. А. Кобозева. С прибытием отрядов Соловьева и мичмана Павлова здесь произошла реорганизация. Командующим фронтом был избран мичман Павлов. П. А. Кобозов остался политическим руководителем фронта. Командиром 1-го Северного летучего отряда (полка) уральских красногвардейцев и кронштадтских моряков был избран М. Д. Соловьев.

После этой реорганизации с 7 января 1918 г. началось наступление на белоказаков атамана Дутова. Были тяжелые бои у станций Сорочинская. Ново-Сергиевская, Сырт, Каргала. 18 января 1918 г. красногвардейцы ворвались в Оренбург, освободив его от трехмесячного белого террора.

Рейд пермских красногвардейцев вместе с другими революционными отрядами против атамана Дутова в суровых условиях зимних морозов и метелей и непрерывных боев с опытным противником был необычайно тяжелым, но вместе с тем и героическим. В боях против Дутова полк М. Д. Соловьева был ударным. Отважно действовал и сам Соловьев. Он, как и некоторые другие пермские красногвардейцы, был награжден от имени командующего фронтом Почетной грамотой.

Пермские красногвардейцы вернулись в свой родной отряд из этого рейда с победой, но недолго им пришлось отдыхать. Зимой и весной 1918 г. много раз они выезжали на подавление кулацких мятежей.

В конце мая 1919 г. вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса. Он всюду был поддержан подпольными белогвардейскими организациями. На этот фронт из Перми были отправлены отряд Красной гвардии рабочих-железнодорожников (700 человек) под командованием М. Д. Соловьева и отряд рабочих Мотовилихинского пушечного завода под командованием А. П. Калганова. Оба эти отряда решением областного Совета Урала были направлены в Омск, который оказался в тисках двух фронтов: мятежные белочехи вместе с белоказаками двинулись на Омск как со стороны Новониколаевска, так и со стороны Челябинска. Командование красными фронтами в Омске тогда осуществлял Р. П. Эйдеман. Он дал указание отряду М. Д. Соловьева действовать на челябинском направлении, а отряду А. П. Калганова — на новониколаевском.

Здесь пришлось вести бои с превосходящими силами белочехов и казаков атамана Анненкова. Первый бой против них отряд М. Д. Соловьева вместе с омскими красногвардейцами

принял у станции Москаленка. Второй бой — у станции Марьяновка, что в 45 км от Омска. Здесь бой начался в 5 часов утра 5 июня и продолжался непрерывно до 11 часов вечера 6 июня. Когда враги ворвались на станцию Марьяновка, силы красногвардейцев были рассечены на две части. Правый фланг почти целиком погиб в рукопашном бою. Левый фланг был окружен и отсюда ему пришлось пробиваться штыками и гранатами. В относительном порядке удалось отступить, погрузиться в эшелон и уехать в Омск лишь сотне бойцов. Пробились к Омску 72 красногвардейца. Остальные пали смертью героев или были захвачены в плен.

М. Д. Соловьев, раненный, был взят в плен и помещен в Омский концлагерь. Там он находился под фамилией Соколов. Не надеясь на эту конспирацию, Соловьев изыскивал способы освобождения из плена. В этом же направлении тогда активно действовала и Омская подпольная организация.

Соловьев бежал из концлагеря через подкоп. Побег был назначен на 1 августа 1918 г. Ночью он пополз по узкой норе, которая начиналась под полом уборной. Но когда нужно было вылезать из норы на волю, произошла заминка. Отверстие между бревнами, вбитыми в землю, оказалось очень узким. Соловьев просунул голову и даже плечи, но вдруг застрял — нельзя было двинуться ни вперед, ни назад. Уже мелькнула мысль: неужели все кончено, обнаружат здесь и пристрелят. Собрав все свои силы, он рванулся, ободрал всю кожу на спине, но вылез. Вся огромная пустынная площадь (бывшая базарная), где находился лагерь, была в предрассветном тумане. Часовые не увидели бегущего человека. Он благополучно добрался до квартиры железнодорожника Федорина, где его ожидала фельдшерица больницы О. Н. Соловская, оказавшая ему медицинскую помощь.

Вскоре бежали из лагеря М. В. Рубинов — начальник штаба отряда пермских красногвардейцев, красногвардеец из Перми И. Д. Климович, Э. Радо — командир мадьярского полка, Александр Масленников — председатель Самарского Совета и многие другие. При этом широко использовались поддельные пропуска для выхода из лагеря. Это легко удавалось, так как чешские солдаты, охраняющие лагерь, придирчивости при проверке документов не проявляли.

Бежавшие из лагеря сразу же включились в работу большевистской нелегальной организации. Соловьев был назначен начальником подпольной боевой дружины. В начале сентября 1918 г. он был принят в ряды РКП(б). Соловьев стремился вернуться в родные места, чтобы там включиться в вооруженную борьбу за власть Советов. Зная это, Омский подпольный комитет

РКП(б) отправил его на Урал. При этом учитывалась также необходимость установления партийных связей как с подпольными организациями Урала, так и с Советской Россией.

Вместе с Соловьевым на Урал направилась и О. Н. Соловская. Они были снабжены чужими паспортами Полетаева и Полетаевой — беженцев из города Юрьева Лифляндской губернии.

Здесь нужно сказать несколько слов о спутнице Соловьева.

Ольга Николаевна Соловская — одна из замечательных женщин революционной России. По профессии она учительница. В 1915 г. была направлена из Пермской губернии в Москву на курсы сестер милосердия. По окончании учения стала работать в военно-санитарном поезде. В этом же году вступила в РСДРП и стала страстным пропагандистом ленинских идей. В июле 1917 г. она вернулась в Пермь и была направлена учительствовать в Верещагино, где стала активным борцом за Советскую власть. После Октябрьской революции она — заместитель председателя Верещагинского ревкома. В марте 1918 г. на первом Оханском уездном съезде Советов была избрана в состав уездного исполкома. На этом съезде Соловская вызвала восхищение всех делегатов своим острым умом, красноречием и красивой внешностью. О ней с гордостью говорили: это наша пермская Коллонтай.

В мае 1918 г., когда вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, Соловская выступила как агитатор и организатор набора добровольцев для защиты Советской власти и выехала на фронт комиссаром санитарного поезда. Этот поезд был включен в состав красногвардейского отряда, которым командовал М. Д. Соловьев. Тут она пережила горечь поражения отряда в районе Омска. Соловская, как медицинский работник, спаслась от ареста. После падения Омска она поступила на работу в омскую больницу, установила связь с большевистским подпольем и стала оказывать помощь в освобождении политзаключенных.

Соловьев и Соловская отправились из Омска в Тобольск с последним пароходом. От Тобольска они шли большую часть пути пешком по берегам Тавды и Сосьвы и в середине ноября 1918 г. дошли до Надеждинского железоделательного завода.

Здесь они поступили на работу в контору Надеждинского лесничества и включились в нелегальную революционную работу.

На Надеждинском заводе действовали коммунисты А. Д. Жуйков, М. А. Устинов и другие, приступившие к консолидации сил революционно настроенных рабочих. С прибытием М. Д. Соловьева нелегальная работа усилилась, приобрела более

целенаправленный характер. К концу ноября 1918 г. был организован целый ряд нелегальных ячеек, в которые, помимо большевиков, входили беспартийные рабочие и несколько левых эсеров, фактически порвавших со своей организацией и ставших на советскую платформу.

В деятельности подпольщиков Надеждинска было много специфического. Они, в частности, умело использовали легальную организацию — биржу труда, которой заведовал подпольщик С. Ф. Тавнин («Шахов»). Биржа была местом явок. Оказывали посильную помощь рабочим в устройстве на завод, брали за рабочих поручительство в их «благонадежности». На завод было устроено немало бывших красногвардейцев и сочувствующих большевикам рабочих, часть из которых включилась в подпольную работу в цехах.

Были налажены выпуск на гектографе и распространение прокламаций, фабрикация паспортов, пропусков, удостоверений и других документов. Особенно активно эта работа велась в конце зимы — весной 1919 г., когда колчаковцы проводили мобилизацию. Многие молодые рабочие, получив подложные документы об отсрочке от призыва, освобождении от военной службы и другие, остались на заводе или скрылись в лесу, составив ядро партизанского отряда.

В начале апреля 1919 г. с помощью провокатора колчаковцы выявили одну подпольную ячейку, при этом арестовали Соловьева, Соловскую и еще двух рабочих. Соловьева долго терзали в Екатеринбургской, затем Пермской тюрьме, опознав в нем бывшего красного командира. В колчаковском застенке Соловьев перенес не только пытки при допросах, но и сыпной тиф и, чудом выжив, был освобожден Красной Армией при взятии ею 1 июля 1919 г. Перми.

Об обстоятельствах своего освобождения М. Д. Соловьев вспоминал: «Помню, я очнулся на рассвете. Стояла страшная тишина. На койках лежали смердящие покойники. Вдруг стал нарастать непонятный шум, будто бежали сотни людей. Думаю, опять каратели. Теперь уже не уцелеть, застрелят. Вдруг дверь в камеру распахнулась, и на пороге оказался красноармеец в буденовке.

— Товарищи! — крикнул он.— Вы свободны! Части Красной Армии заняли Пермь. Колчак разбит.

Оглянувшись, он спросил:

— Кто здесь живой?

Я тихо застонал. Он подошел и спрашивает:

— Вы кто такой, товарищ?

— Соловьев,— отвечаю,— командир красногвардейских отрядов Перми.

Он удивился:

— Вы что-то путаете. Уж кого-кого, а Соловьева я хорошо знаю.

Измученного пытками, изможденного болезнью, обросшего большой седой бородой, меня было трудно узнать. В этот момент в камеру в окружении бойцов вошел командир полка С. А. Окулов. Красноармеец подошел к нему и стал что-то говорить. Степан Акимович шагнул ко мне, вгляделся и закричал:

— Миша! Живой?! А мы-то думали...

Громкое «ура!» раздалось в мрачных стенах Пермской тюрьмы»[1].

Следует отметить, что проведенная Михаилом Соловьевым работа в Надеждинске до его ареста, поскольку основные силы подпольной организации сохранились, продолжала давать свои благотворные результаты и позднее. Главным итогом было создание в июле 1919 г. партизанского отряда во главе с А. И. Никитиным, его выступление совместно с восставшими рабочими против колчаковцев. Надеждинский завод перешел в руки рабочих, возглавляемых подпольщиками.

Надеждинцы организовали своеобразную военную экспедицию по железной дороге в южном направлении, с боями освободили Верхотурье и ряд других населенных пунктов, помогли организовать вооруженные отряды рабочих в Лобье и Новой Ляле, предотвратили уничтожение колчаковцами оборудования ряда предприятий и части подвижного железнодорожного состава.

Вскоре после освобождения, оправившись от болезни, М. Д. Соловьев по заданию партии приступил к работе в органах ЧК в Перми. В январе 1920 г. он был назначен председателем Пермской губчека.

О. Н. Соловская после освобождения также стала сотрудником Пермской ЧК. Однако колчаковская тюрьма так подорвала ее здоровье, что она уже не могла оправиться и умерла в декабре 1919 г.

Так оборвалась короткая, но яркая жизнь Ольги Николаевны Соловской, славного борца за великие идеалы коммунизма.

М. Д. Соловьев в августе 1920 г. был переведен из Перми в Ростов-на-Дону на должность председателя Донской губчека.

В декабре 1920 г. по решению Кавказского бюро ЦК РКП(б), которое было согласовано с заместителем председателя ВЧК И. К. Ксенофонтовым, Соловьев был послан во главе подпольной группы в меньшевистскую Грузию. Там он приступил к работе

---

[1] В боях и походах: Воспоминания.— Свердловск, 1959.— С. 191.

по специальному заданию под фамилией Селезнев, но вскоре был арестован и приговорен к расстрелу. Казнь не состоялась, так как вмешался полномочный представитель РСФСР в Грузии. Он добился освобождения Соловьева.

После этого Соловьев, командуя отрядом особого назначения 31-й дивизии 9-й армии, участвовал в освобождении Закавказья. Летом 1921 г. в районе Сухуми он был тяжело ранен в голову. После лечения по решению ЦК РКП(б) его направили для работы на Урал. В начале 1923 г. он был вызван в Москву и стал работать под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского.

В дальнейшем Соловьев учился на курсах марксизма при ЦК ВКП(б) и в Экономическом институте Красной профессуры, после окончания которого был назначен на работу в ЦКК — РКИ, затем на должность начальника Политотдела управления Северной железной дороги.

Во время Великой Отечественной войны в боях на Курской дуге Соловьев получил тяжелую контузию и был после лечения демобилизован из Советской Армии.

Соловьев еще долгое время трудился. Он умер в марте 1953 г.

А.Я. Казаков

СВЯЗНЫЕ ЦК РКП/б/И БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ УРАЛА И СИБИРИ В 1918-1919 гг.

В начале гражданской войны огромные территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока оказались захваченными интервентами и белогвардейцами. Коммунисты на этих территориях, преобразовав свои организации в подпольные, были вынуждены действовать в отрыве от центра. Но связь с ними была нужна.

Большевистские подпольщики не требовали от ЦК РКП(б) указаний, что им делать и как именно. Они стремились получить информацию о положении в Советской России, о ходе борьбы и ее перспективах, просили прислать для подпольной работы опытных партийных работников, деньги.

Связь с большевистским подпольем была нужна и ЦК РКП(б). Он не мог оставлять коммунистов в тылу врага на произвол судьбы. Кроме того, партийному центру, чтобы руководить войной против врага, надо было знать его силы, его тыл, деятельность революционеров на территории врага и все то, что могло интересовать военную разведку Красной Армии.

Связь ЦК РКП(б) и подпольных организаций Урала и Сибири стала устанавливаться еще в начале гражданской войны. Она была двусторонней. В Советскую Россию шли посланцы из большевистского подполья Сибири. Посылала на связь с большевиками Урала и Сибири своих доверенных людей и Советская Россия.

Партийная связь с переходами через фронт — это один из особо ответственных и опасных видов деятельности большевистского подполья. Люди для этой деятельности должны были отбираться и готовиться особенно тщательно. Такой подход к подбору кадров для установления связи с большевистским подпольем в тылу врага проявлял и ЦК РКП(б). Это видно из циркулярного письма «Всем губкомам коммунистов», посланного в июне 1919 г. В нем указывалось: «Предлагается откомандиро-

вать в распоряжение Цека для подпольной работы старых нелегальных работников-добровольцев, известных губкому, сколько найдется в пределах губернии. Сверх того сообщите Цека список всех подходящих для этой работы по мнению губкома»[1].

И все же прочную связь большевиков, работающих по обе стороны фронта, установить не удалось. Она была лишь эпизодической. Большевистское подполье Сибири не было обеспечено и деньгами. Посылаемые из Советской России деньги большей частью попадали в руки белогвардейцев во время арестов при переходе через фронт или во время провалов в подпольных организациях. Не была обеспечена взаимная и регулярная информация. Однако и то, что удалось сделать в этой области, сыграло большую роль в гражданской войне.

«МИТЯ» И ЕГО ТОВАРИЩИ

Одним из первых ходоков через фронт был Павел Григорьевич Кринкин, член партии с 1908 г.

Он участвовал в защите Омска от натиска белочехов. 7 июня 1918 г. Совет и красногвардейцы вынуждены были покинуть город. Железнодорожный путь на запад был уже прерван. Они отступали поэтому вниз по Иртышу на пароходах. Отступление было неожиданным и быстрым. Кринкин с небольшим отрядом красногвардейцев оказался в тылу противника. Пришлось бойцам отряда, зарыв оружие в землю, разойтись. А сам он с одним из товарищей стал пробираться в Советскую Россию. Они пересекли линию фронта в Ялуторовских лесах и там встретились с красногвардейцами. Их отвели в штаб, где они встретили Р. П. Эйдемана, хорошо знавшего Кринкина.

После этой встречи Кринкин докладывал в Тюмени Западно-Сибирскому Совдепу, Уральскому обкому партии и командующему 3-й армией Р. И. Берзину о положении в Екатеринбурге. Затем он и подпольщик А. Я. Валек получили задание вернуться в Омск для налаживания партийной работы в тылу врага и организации боевых отрядов.

При выезде в эту командировку Валек получил в штабе от Берзина 32 тысячи рублей. Кринкин тоже получил деньги, а кроме того, он вез в Омск шрифт для подпольной типографии. Он ехал под видом техника-землемера с инструментами и чемоданами, в которых были типографские шрифты, упакованные в

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, ед. хр. 119, л. 326.

кусках мануфактуры. С ним добирались до Омска под видом его помощников два большевика — Пучкарев и Волков.

Кринкин и Валек отправились в Омск разными путями. Кринкин поехал через Тюмень и Тобольск, а Валек — в направлении железной дороги Челябинск — Омск. Вместе с Валеком под видом его дочери ехала в Омск для подпольной работы В. А. Орлова.

По пути из Тобольска в Омск на пароходе Кринкин увидел группу арестованных и среди них популярного агитатора-большевика Иосифа Хотеенкова. Кринкин с интересом наблюдал, как Е. К. Брешко-Брешковская — лидер партии эсеров, которая также ехала на этом пароходе, политически «просвещала» арестованных. Она уговаривала Хотеенкова отказаться от большевизма, уверяла, что в Омске жизнь будет всем гарантирована.

Хотеенкова в Омске поместили в концентрационный лагерь. А оттуда устроили побег: он был вывезен на телеге под навозом. Выбравшись таким образом из лагеря, Хотеенков выехал в Челябинск. Здесь ярко раскрылись его незаурядные способности и талант большевистского организатора. После Челябинска, где Хотеенков работал в качестве члена подпольного комитета, он весной 1919 г. уехал для подпольной работы в Златоуст, но там скоро был арестован и расстрелян.

Кринкин и Валек встретились в Омске у Зинаиды Богоявленской в ее домике на Степной, 1.

Тут же была и «Мария» — Е. Н. Марченко, студентка одного из петроградских институтов, член партии с 1916 г. Она приехала в Омск на поправку здоровья в апреле 1918 г., при эвакуации Омска уезжала на пароходе вместе с красногвардейцами. В Ялуторовске Валек, который стал там работать в информационно-разведывательном отделе штаба, послал ее через Курган в Омск с деньгами. Она выполнила это поручение. Из Омска Валек посылал ее по партийным делам в Курган. В январе 1919 г. она была послана с информацией в Советскую Россию. Добралась до Перми. Отсюда пошла пешком на север, рассчитывая найти путь перехода через фронт, но была арестована, доставлена в Пермскую тюрьму, где и пробыла до прихода Красной Армии.

В Омске Кринкин стал работать под кличкой «Митя», а Валек — под кличкой «Яков». Они встречались с партийными активистами для создания подпольной партийной организации. Сразу же начала складываться и группа коммунистов для выполнения заданий Красной Армии. Первыми из них были Берилло, Эдмунд Радо, Антон Поворотник. Руководителем их стал Кринкин. Они начали свою работу с установления связей с сол-

датами и организации побегов политзаключенных из концлагеря. После выборов Омского подпольного комитета партии и создания при нем Военно-революционного штаба Кринкин стал членом этого штаба, не оставлял и работы по военной разведке. Скоро его главной работой здесь становится подготовка вооруженного восстания.

Валек в Омске стремился установить связи с людьми на разных предприятиях. Собирая информацию, он много разъезжал, бывал в уездах. Примерно через месяц он отправился из Омска в поездку по сибирским городам. Везде он встречался с надежными людьми. В октябре 1918 г. Валек, перейдя линию фронта, появился в Москве, сделал Я. М. Свердлову обширный доклад и передал ему адреса явочных конспиративных квартир в Сибири, куда бы ЦК мог посылать своих связных.

После этого Валек по просьбе Я. М. Свердлова снова отправился в тыл колчаковского фронта. Он был в Перми, когда белые захватили этот город. Отсюда он перебрался в Екатеринбург и здесь стал руководителем большевистского подполья. Благодаря огромному опыту этого старого большевика партийная работа здесь начала развиваться особенно интенсивно. Организация готовила вооруженное восстание, но оно было сорвано арестами. В конце марта 1919 г. в большевистском подполье Челябинска произошел крупный провал. Результатом этого провала явился арест Валека и многих других участников партийной организации Екатеринбурга. Через несколько дней 20 человек из них приговорили к смертной казни. Первая партия осужденных из восьми человек, среди которых находился и Антон Валек, была 8 апреля привезена на опушку леса за Верхисетским заводом и здесь порублена пьяными казаками. Белогвардейский офицер распорядился Валека казнить последним, чтобы он увидел гибель своих друзей. Однако Валек не смог смотреть на это. Он умер от разрыва сердца.

Не избежал ареста и П. Г. Кринкин («Митя»). 19 февраля 1919 г. он попал в засаду на Степной, в доме № 1. При допросах назвал себя Дмитрием Егоровичем Коноваловым, категорически отрицал какую-либо связь с большевистским подпольем. Заявлял, что сочувствует меньшевистской политике, но агитацией не занимается. 28 марта 1919 г. начальник военного контроля штаба Сибирской армии направил его дело с обвинением в большевистской деятельности в прифронтовой военно-полевой суд.

Дело арестованных на Степной рассматривал суд 43-го сибирского стрелкового полка. Этот суд приговорил А. Д. Шнейдера (судившегося под фамилией Морозов) к пяти годам ка-

торги, З. Богоявленскую — к четырем годам. «Коновалов» был освобожден «за отсутствием улик и доказательств».

Присутствовавший там в качестве свидетеля начальник Омской унтер-офицерской школы после этого суда написал в рапорте начальнику контрразведки при ставке верховного главнокомандования: «Я убедился, что члены суда плохо ознакомились с делом, не придают ему никакого значения. Приговором обвиняемые присуждены к каторжным работам от 3 до 8 лет.

Считая подобное наказание крайне легким для таких злостных большевиков, ходатайствую перед Вами, если найдется возможность, добиться пересмотра дела с новым составом суда»[1].

Органы белогвардейской контрразведки приняли меры к розыску «Коновалова», но безуспешно.

После освобождения из тюрьмы Кринкин заболел тифом. Выздоровев, он снова включился в деятельность большевистского подполья в Омске, заменив кличку «Митя» на «Георгий».

Подпольная партийная организация в Омске в это время, после многочисленных арестов и гибели почти всех членов Омского комитета, находилась в тяжелом положении. Кринкин включился в инициативную группу, которая занялась подготовкой 3-й Омской подпольной партконференции. Эта конференция возродила Омский подпольный комитет. Под его руководством омские коммунисты готовили встречу Красной Армии. В составе пяти членов нового подпольного комитета был и «Георгий».

После освобождения Омска Кринкин был направлен на работу в ЧК.

СОЛДАТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГВАРДИИ

Карл Оттович Эзермал[2], латыш, родился в 1890 г. Был рабочим. 16-летним юношей стал членом большевистской партии. Революционную работу до 1914 г. вел в Либаве (Лиепая). Суровая, полная опасностей жизнь подпольщика научила конспиративным методам работы. Все же за это время его трижды арестовывали, высылали под гласный надзор полиции в Альтенбургскую волость Курляндской губернии. В сентябре 1914 г. Карл Эзермал в связи с началом мировой войны, как политически ненадежный элемент, был выслан в Нарымский край Сибири.

В 1917 г. в Сибири Карл Эзермал проявил себя способным

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 447, л. 1.

[2] К. О. Эзермал изменил свою фамилию на Эзерман, которую и сохранил до конца жизни. *(Сост.)*

партийным работником и в упорной борьбе против эсеров и меньшевиков отстаивал большевистскую линию. На II Западно-Сибирском съезде Советов он был избран в состав Исполкома и комиссаром труда.

В 1918 г., когда вспыхнул мятеж белочехов, Эзермал сформировал под Ишимом отряд для защиты Омска. Бои тогда показали, что противник обладал превосходящими силами. Красногвардейцы отступили, и Омск был сдан белым. Много партийно-советских работников эвакуировалось в Тюмень. Карл Эзермал остался в Омске для партийной работы, взяв кличку «Портной». Он был одним из организаторов большевистских ячеек на заводах и среди железнодорожных рабочих.

В первые же недели подпольщики столкнулись с неожиданными трудностями: для работы нужны деньги, а их не оказалось. Чем же можно было объяснить их отсутствие? Дело в том, что руководящие работники Омска, Томска, Новониколаевска, Красноярска, Иркутска и других смотрели на контрреволюционный мятеж белочехов как на случайный эпизод, с которым будет покончено, как только подойдет сюда Красная Армия. Не думали о возможности длительного господства контрреволюции и необходимости нелегальной работы партийных организаций. Из Омска при эвакуации было вывезено 270 миллионов рублей, но на подпольную работу не оставлено ни копейки. Стали искать выход из этого положения. И вот большевики-подпольщики Омска решили отправить через фронт «Портного».

В августе 1918 г. он удачно перешел линию фронта около Сызрани и прибыл в Москву с докладом к Я. М. Свердлову.

В Уральском обкоме РКП(б) «Портной» получил инструкцию по организации отрядов для подрывной работы в тылу врага. В октябре 1918 г. он возвратился в Омск и привез 30 тысяч рублей.

Омский партийный комитет поручил ему выступить с докладами на тему «О положении Советской республики и текущем моменте» на нелегальных собраниях в Омске, Томске, Новониколаевске.

Таким образом, Омскому подпольному партийному комитету удалось установить двустороннюю связь с Центральным Комитетом партии, Уральским областным комитетом РКП(б) и Особым отделом ВЧК 5-й армии.

В декабре 1919 г. «Портному» было дано поручение снова переправиться через линию фронта и доставить Центральному Комитету партии письменный доклад о работе большевистского подполья в Сибири и резолюцию II Сибирской подпольной партконференции, созванной в Томске 23 ноября 1918 г.

Эзермал 1 января 1919 г. прибыл в Уфу к начальнику Особого отдела ВЧК 5-й армии И. П. Павлуновскому, доложил ему об исполнении задания по организации подрывных отрядов. После этого он был откомандирован в ЦК партии.

Работавший во Всероссийском бюро военных комиссаров Б. Норман сообщил Сибирскому бюро ЦК, что Эзермал доставил в ЦК РКП(б) и в Совнарком документы Сибирского обкома РКП(б) и сделал очень ценный доклад о подпольной работе в Сибири.

Из Москвы Эзермал возвратился в Уфу с тем, чтобы при содействии Сибирского бюро ЦК он мог переправиться в Сибирь через фронт.

Однако в Сибирское бюро ЦК уже поступили сведения о том, что белогвардейская контрразведка осведомлена о работе Эзермала и охотится за ним. Эзермал был оставлен в Сиббюро ЦК. Он оказался специалистом по изготовлению печатей, бланков и подписей на документах, в которых Сиббюро остро нуждалось. Эзермал работал в Сиббюро ЦК в качестве заведующего паспортным бюро. Одновременно вместе с А. Я. Бакаевым и Б. Норманом ему приходилось организовывать переправы в колчаковский тыл. В тех случаях, когда возникала необходимость в переправе через фронт особо важных работников, провожать их поручали Эзермалу.

«КОМАРЕЦ» ИДЕТ ЧЕРЕЗ ФРОНТ

Алексей Яковлевич Бакаев родился в городе Камышине Саратовской губернии 29 февраля 1872 г. Родители были бедными. С 14 лет пришлось пойти на работу. В ряды РСДРП вступил в 1906 г. на механическом заводе в Самаре, где работал слесарем.

В 1917—1918 гг. он был активным участником революционной работы в Самаре — членом горсовета, губисполкома и губпрофсовета.

В период белочешского мятежа в мае 1918 г. был арестован и в «поезде смерти» отправлен в Омский концлагерь. В этом же поезде везли арестованных А. А. Масленникова и П. А. Вавилова. По пути в Омск была инсценировка расстрела. Их поставили под дула винтовок, и они пять-семь минут ожидали команды «Пли!», но затем отвели обратно в вагон. Издевательствам не было конца.

Поезд прибыл в Омск в середине июля 1918 г. Здесь удалось установить связь с железнодорожными рабочими. Подпольная партийная организация стала снабжать арестованных пропу-

сками на выход из лагеря. Первым в сентябре 1918 г. вышел Бакаев, затем Масленников, за ним Вавилов. Все они сразу же включились в нелегальную партийную работу.

Осенью 1918 г. Омский подпольный комитет командирует А. Я. Бакаева («Комарца») в Москву через линию фронта с докладом о состоянии и работе Омской организации, а также о настроении трудящихся масс в Сибири.

В конце октября 1918 г. «Комарец» двинулся в путь. В Челябинск он пришел 5 ноября 1918 г. Отыскав здесь члена Челябинского подпольного комитета Софью Кривую, информировал ее о партийных делах в Омске и получил необходимые сведения о делах в Челябинске. 7 ноября он был свидетелем крупной забастовки железнодорожников в Челябинске в честь первой годовщины Великого Октября. 8 ноября отправился в Уфу.

Путь от Челябинска до Уфы оказался чрезвычайно трудным и в высшей степени опасным. Эта территория была объявлена белогвардейским командованием прифронтовой. Поэтому пришлось продвигаться к Уфе проселочными дорогами. Положение осложнялось наступлением зимних холодов.

Пригодился старый опыт подпольщика. Напряженное внимание и умение ориентироваться в незнакомых условиях помогли ему в конце ноября добраться до Уфы. Но в дороге он сильно простудился, заболел и остановился в железнодорожном поселке у сестер Коротковых и Ивана Вавилова. Поправившись и отдохнув, нашел связь с подпольной парторганизацией.

В Уфе с помощью Михаила Чистякова, который прибыл сюда ранее из Симбирска, Бакаев собрал материалы о партийной работе, о настроениях рабочих и о состоянии белой армии.

В этот период многие из подпольщиков попали в тюрьму. Бакаев избежал ареста, так как торопился в Москву и ушел из Уфы ранее назначенного срока.

Прифронтовую полосу удалось перейти по документам подрядчика по закупкам продовольствия для полка Учредительного собрания. Проходя башкирскими деревнями от базара до базара, пришлось выдавать кое-где «задатки» керенками.

Ему удалось благополучно пройти прифронтовую полосу и выйти к селу Пономаревка Бугурусланского уезда, занятому красными войсками. Из Пономаревки «Комарца» доставили на станцию Сарай-Гир, где стоял штаб 1-й армии Восточного фронта под командованием Г. Д. Гая.

Заехав в Самару для передачи штабу 4-й армии материала о состоянии белогвардейской армии и приветствия губкому от самарцев из Омска, «Комарец» двинулся в Москву, куда прибыл во второй половине декабря 1918 г. После обстоятельного докла-

да Свердлову о сибирских подпольщиках «Комарец» вручил ему записки от Масленникова и Нейбута. В этих записках была просьба о помощи денежными средствами и о посылке в Сибирь опытных подпольщиков.

Центральный Комитет партии рассмотрел материалы, поступившие из Сибирского подполья, и 17 декабря 1918 г. принял постановление: «Образовать Сибирское бюро ЦК в составе т.т. Нейбута, Масленникова, Франца, Голощекина (Ицкова) и Смирнова». Техническим секретарем Сиббюро была назначена Д. К. Гончарова (Гуревич). В помощь этому бюро была выделена группа опытных в подпольной работе товарищей: А. Бакаев, М. Чистяков, К. Эзермал, Э. Гольцман. И в качестве курьеров — М. Аммосов, А. Чижов, А. Михеева, М. Турвепь и другие.

А. Я. Бакаев выехал из Москвы в Уфу на работу в Сиббюро ЦК в первых числах января 1919 г. Сиббюро ЦК тогда уже начинало напряженную работу по установлению связей с большевистским подпольем в тылу врага. Бакаеву сразу же пришлось провожать через фронт в Сибирь нескольких товарищей.

Провожая очередную группу работников для перехода через фронт, Бакаев оказался в башкирской деревне Темясово. Здесь он узнал об отступлении Красной Армии. В Уфу возвращаться было нельзя. Алексей Яковлевич решил пробраться в Оренбург. Это ему удалось.

В Оренбурге секретарем губкома партии работал его старый знакомый А. И. Акулов. Он привлек Бакаева к работе в Оренбургской организации. Однако Бакаев был вызван в штаб 5-й Красной Армии для работы в качестве заместителя начальника политотдела и начальника крестьянского отдела по организации ревкомов на занимаемой войсками Красной Армии территории. На этой работе Бакаев и был до момента освобождения Челябинска.

ДЕВУШКА ИЗ ПЕТРОГРАДА

В сентябре 1917 г. работницу одного из военных заводов Петрограда Катю Федорову вызвали в Центральный Комитет партии большевиков. Об этом сказал ей Василий Акимович Калинин, член партии с 1905 г. Он первым учил ее собирать гранаты и паять. Узнав поближе, стал давать ей различные партийные поручения. В 1916 г. по его рекомендации она вступила в ряды партии.

По окончании ночной смены Катя с Калининым направились в Смольный. Кроме ЦК партии, здесь помещался и Петроград-

ский Совет. При входе в здание они предъявили мандаты членов Совета.

Калинина и Катю вызвали в кабинет Я. М. Свердлова. Он сказал, что Центральный Комитет посылает в Иркутск группу питерских большевиков для помощи в борьбе за установление власти Советов. Это — Гаврилов, Сахьянова, Парников, Шумяцкий и другие. С ними должна была отправиться и Катя.

Ознакомив Федорову и Калинина с последними решениями ЦК партии, Яков Михайлович сказал о большом значении поддержки всеми крупнейшими центрами страны вооруженного восстания в Петрограде, которое в это время тщательно готовилось. К этому времени надо было подготовить переворот и на местах, всюду брать власть в руки Советов.

Через пару дней группа, направляемая в Иркутск, с пакетом документов от ЦК РКП(б) выехала из Петрограда. В одном вагоне с ними оказались товарищи, направлявшиеся связными Центрального Комитета на Волгу, на Урал и в Сибирь.

По прибытии в Иркутск Катя Федорова пошла на указанную квартиру — к Марии Артемьевне Бабич. Это была простая русская женщина, человек большой души и чистого сердца.

Было созвано совещание иркутских большевиков. Их ознакомили с задачами, выдвинутыми Центральным Комитетом по большевизации Советов и подготовке вооруженного восстания для свержения власти буржуазного Временного правительства. На нем решили порвать с меньшевиками и оформить самостоятельную организацию большевиков. Избрали Иркутский комитет большевиков и наметили программу работ для подготовки переворота. Секретарем горкома была избрана Е. С. Федорова.

Так Катя оказалась в Иркутске на весьма важном участке политической борьбы.

Советская власть в Иркутске была установлена в декабре 1917 г. после девяти суток ожесточенной вооруженной борьбы с юнкерами. Катя Федорова была ранена в первый день боев на улицах Иркутска.

Летом 1918 г. временную победу в Сибири одержали иностранные интервенты и белогвардейцы. Катя Федорова выехала из Иркутска с последним санитарным поездом в Забайкалье. На станции Посольская у красногвардейцев был последний бой. Наши отряды, обойденные с тыла, понесли большие потери. Остатки их частью были взяты в плен. Оказалась в плену и Е. С. Федорова.

Варвара Ремишевская, называвшая себя женой иркутского купца, потребовала ее освободить. Вместе с ней под видом ее дочери в Иркутск на пароходе уехала и Е. С. Федорова.

Большевики, оставшиеся в Иркутске, стали организовывать подпольные группы. Был создан фонд Красного Креста для помощи товарищам, оказавшимся в тюрьме, и их семьям, для укрытия нелегальных работников. Появились конспиративные квартиры. Начиналось развитие подпольной партийно-политической работы. Катя Федорова по собственной инициативе и по совету партийных товарищей, среди которых был Александр Ремишевский, решила пробираться в Москву, чтобы доложить ЦК РКП(б) о политическом положении в Восточной Сибири.

В конце августа 1918 г. Катя отправилась из Иркутска в далекий путь. Ей удалось перейти линию фронта. В дороге она помогала женщине с двумя детьми, и поэтому на нее никто не обращал внимания. Долго ехали на лошадях, потом на лодках. Наконец удалось сесть в поезд, идущий из Пензы в Москву.

В Москве Катя пришла в Центральный Комитет. В приемной комнате ЦК она случайно встретилась с заведующей Секретариатом ЦК Клавдией Тимофеевной Новгородцевой и напомнила ей о том, как она снаряжала Катю из Петрограда в Иркутск.

Новгородцева очень обрадовалась встрече и привела в свой кабинет. Проговорили очень долго. Потом Катя стала расплетать свои косы, но это ей не удалось. Тогда она отрезала косы: в них в шелковых трубочках были заплетены донесения из Сибири.

— ...Мне разрешено было,— вспоминала Катя,— поехать к родным в Петроград на три дня.

К. Т. Новгородцева писала 8 октября 1918 г. секретарю ЦК РКП(б) Елене Дмитриевне Стасовой о прибытии из Сибири девушки, которая сообщила, что в Томске 1 сентября состоялась нелегальная партийная конференция. Собрались представители Томска, Омска, Челябинска, Барнаула, Новониколаевска, копей, всего 10 человек. Обсуждался важный вопрос о налаживании связей между подпольными организациями разных городов и об укреплении этих связей.

«Выбран ЦК — почему ЦК — не знаю, из пяти человек,— писала Новгородцева.— Настроение сильно нарастает — ждут «Октябрьского» переворота, т. е. свержения власти буржуазии и восстановления Советской власти. Задача партийной публики — удержать массы от стихийного, преждевременного выступления. Не только у рабочих по городам, но и у крестьян настроение за Советскую власть. Подготовляется железнодорожная забастовка. 1 октября должна состояться легально конференция железнодорожников — вопросы экономические.

Вот насколько ярки эти сведения.

Эту девушку из Сибири я просила зайти к Вам, чтобы тоже информировать».

Речь в письме шла о Кате Федоровой.

По возвращении из Петрограда Екатерина Семеновна Федорова направилась на прием к Я. М. Свердлову. В кабинете у него были товарищи Татаренко и Валек, такие же связные из Сибири. Здороваясь с Катей, Свердлов сказал: «Вот первая девушка, которая не побоялась перейти вражеский фронт. Теперь у нее есть опыт, придется тем же путем отправить ее обратно». Катя ответила, что второй раз по знакомой дороге ей будет легче пройти, чем новому человеку.

Обращаясь к присутствующим, Яков Михайлович сказал, что мало, очень мало и редко приходят письма из Сибири. Надо, видимо, больше людей засылать туда, и коренных сибиряков, которым легче будет связываться с нужными людьми при любых обстоятельствах.

Из дальнейшей беседы стало ясно, что Катя должна отвезти для Иркутской и Томской подпольных парторганизаций директивы, инструкции Центрального Комитета и деньги. Ей также было поручено отвезти специальные письма по военным вопросам.

Сборы в дорогу были на этот раз недолги. Катя выехала в Пермь. Переправиться через Уральский фронт было очень трудно. Из десяти связных благополучно достигал цели только один.

Секретарь Пермского губкома партии В. М. Косарев дал указание переправить Федорову через линию фронта как «жену белого офицера, едущую в Иркутск с ребенком к раненому мужу». После нескольких неудачных попыток пришлось возвратиться в Москву. После соответствующей подготовки Катю с ребенком направили в район Симбирск — Самара. Операцию переправы через линию фронта поручили Политотделу 5-й армии. Девочке раздобыли дорогие игрушки. В каждую из них зашили документы и деньги. Кроме того, Политотдел дал подушку, набитую «екатерининками». На территории белых они представляли большую ценность. Доехала Катя с Зоей до Самары. А там, по поручению Самарского комитета партии, ей дали сопровождающую до Челябинска — «Марию». Переход через фронт должен был произойти возле Самары. Ехали большей частью на перекладных. У заставы или с разъездом белых переговоры вела «Мария» (они везли с собой две корзины с вином, табаком, шпигом). Так без ночевки доехали до Уфы. От Уфы до Челябинска поездом, а там «Мария» посадила их в поезд Челябинск — Иркутск.

Прибыв к месту назначения, Катя пришла на конспиратив-

ную квартиру Марии Артемьевны Бабич. В тот же день она знакомила членов Иркутского подпольного комитета с материалами, привезенными из ЦК партии. Подробно рассказывала о Москве, о положении в стране и т. д.

Решено было размножить привезенные из Москвы листовки ЦК партии, снабдить ими подпольные партийные организации других городов Сибири.

Иркутский комитет поручил Федоровой выехать в Томск для информации подпольных работников, передать им инструкции ЦК партии и деньги. Катю с Зоей сопровождала в Томск Татьяна Лушкова. Неожиданно в дороге у Кати поднялась температура, и Лушкова отвезла ее в больницу, а Зою, деньги и документы взяла с собой и уехала на Анжеро-Судженские копи. Поселилась там у знакомой фельдшерицы. Когда Катя выздоровела, Лушкова проводила ее в Томск. Все материалы ЦК партии, привезенные Федоровой в Томск, были зачитаны на собрании подпольной группы. Листовки были размножены в нелегальной типографии.

Незадолго до приезда Федоровой был большой провал. Многие, в том числе и некоторые из членов Томского подпольного комитета, были арестованы. Людей для партийной работы не хватало, и Федорова задержалась здесь.

Таня Лушкова, давно ожидавшая возвращения Федоровой, услышала о большом провале в Томске и решила, что арестована и Катя. Поэтому Лушкова отдала Зою на воспитание бездетной семье Козловских[1].

Между тем Томская подпольная партийная организация командировала Е. С. Федорову в качестве своего делегата на III Сибирскую подпольную партийную конференцию в Омск, состоявшуюся в марте 1919 г.

По окончании конференции председатель Сибирского подпольного обкома РКП(б) поручил Федоровой отвезти в Москву информацию о работе конференции и о положении дел в подпольных организациях Сибири.

Катя Федорова после конференции поехала в Советскую Россию. Однако эта поездка оказалась неудачной. На пристани в Стерлитамаке ее арестовали и отвезли в Иркутскую тюрьму.

При допросах Федорова не желала отвечать на вопросы. Ее избивали, отбили легкие, и она надолго попала в тюремную больницу.

В конце сентября 1919 г. из Иркутской тюрьмы были осво-

---

[1] Они в 1920 г. выехали в Польшу. О дальнейшей судьбе Зои ничего не известно.

бождены 20 женщин. Среди них была и Федорова. Спустя несколько дней она получила партийное задание выехать вместе с двумя участницами большевистского подполья на станцию Тулун и обосноваться там для связи с партизанским отрядом Бурлова. Туда они доставили и ящик с патронами. Вскоре Тулун был освобожден партизанами Бурлова. Сюда прибыла А. В. Бердникова и передала Федоровой новое задание — переместиться на станцию Зима, где предполагалось задержать отступающие части генерала Каппеля. Здесь она была включена в состав партийного комитета.

Е. С. Федорова возвратилась в Иркутск вместе с частями Красной Армии 7 марта 1920 г.

С ДОКЛАДОМ У ИЛЬИЧА

Активная деятельность в большевистском подполье — это ожесточенная борьба на невидимом фронте. Это не только столкновение сил, ума, опыта, выдержки, но и психологии, идеологии. Для борьбы на этом фронте требовались незаурядные люди: умные, волевые, душевно богатые, с сильным и цельным характером, воодушевленные идеей служения родине, ставшей на путь социалистической революции.

Одним из таких людей был Дмитрий Дмитриевич Киселев. В начале революции он был левым эсером, но проявил себя непоколебимым борцом за Советскую власть. Он стал председателем Верхоленского Совета, затем членом Иркутского губисполкома и членом Военно-революционного совета, когда началось наступление интервентов и белогвардейцев.

После временной победы контрреволюции в Сибири он около месяца скрывался в одном из сел Иркутской губернии и в Красноярске, а затем двинулся в Советскую Россию с намерением перебраться через фронт.

Он поехал туда вместе со своей женой, Екатериной Алексеевной. По дороге, в Челябинске, он достал медицинскую справку о том, что его жене крайне необходимо клиническое лечение в Казани.

Через фронт они перешли без особых трудностей и приключений. Прибыли в Москву в конце августа или начале сентября 1918 г. Но в Москве на вокзале у них украли вещи и документы. Выход из неприятного положения все же был найден. Киселев разыскал своего знакомого Владимира Максимовского и с его помощью поступил на должность инструктора в Наркомат внутренних дел. Вскоре Киселев пришел на прием к Я. М. Свερд-

лову, потом был у него еще раза два. Свердлов расспрашивал о политическом положении в Сибири и посоветовал ему вернуться туда.

Задача этой поездки была определена так: установить связь с сибирскими и дальневосточными подпольными организациями, содействовать установлению их связи между собой, призвать товарищей, работающих по ту сторону фронта, к усилению борьбы против иностранной интервенции и белогвардейской власти, а также информировать их всех о положении в Советской России, об успехах и возрастании мощи Красной Армии.

Поездка Киселева готовилась тщательно. И на этот раз Киселев отправился в путь вместе со своей женой. Поддельный паспорт для него готовил В. В. Ульрих.

Со стороны Абдулино Киселев с женой отправились к Стерлитамаку на лошадях. А дальше они вклинились в толпу беженцев, которые уходили от Красной Армии.

По приезде в Иркутск Киселев обосновался на станции Иннокентьевская. Здесь он встретился с подпольщиками Степаном Огнетовым, Е. П. Алексеевой, А. С. Скундриком, Я. Д. Янсоном.

Городского партийного комитета здесь тогда не было. Подпольная организация лишь складывалась. По просьбе Киселева Скундрик у себя стал устраивать собрания подпольщиков, на которых Киселев делал обстоятельные доклады о положении в Советской России, о Красной Армии. В Иркутске, в декабре 1918 г. Д. Д. Киселев был принят в ряды РКП(б).

Получив здесь секретные партийные явки, Киселев отправился в Верхнеудинск, затем в Читу, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Харбин.

Поезд в Благовещенск прибыл поздно ночью. Киселевым пришлось переждать до рассвета в помещении паровозных бригад. Здесь они услышали, как рабочие зло ругают белогвардейскую власть и японских интервентов. Тут Киселев не выдержал. «А я из Москвы»,— сказал он. Рабочие окружили его, поставили у дверей караул, и Киселев стал рассказывать о Советской России, о положении на фронтах, о революционной борьбе в Сибири.

Киселев здесь допустил явную неосторожность. Однако все обошлось благополучно.

В Благовещенске Киселев познакомился с деятельностью крупной подпольной организации, возглавлявшей массовое вооруженное восстание крестьян Амурской области.

Киселев в Благовещенске встретился с М. А. Трилиссером, получил явку к Б. А. Славину, который возглавлял подпольную

ЛЮДИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

В. А. Васильева

В. Н. Заикин

организацию в Хабаровске. Славин по приезде Киселева сразу же отвел его к Н. А. Гаврилову (с ним по прежней работе в Иркутске Киселев был связан больше, чем с другими). Во время пребывания в Хабаровске Киселев жил у Славина и получил полную информацию о политическом положении в Хабаровском районе, в особенности о Хабаровском подполье, которое тогда еще только складывалось.

В Хабаровске Киселев получил партийную явку к подпольщикам во Владивостоке: к А. О. Владимирскому, М. М. Сахьяновой, А. Н. Сафроновой.

Из Владивостока Киселев повез обширный партийный доклад, написанный на полотне и зашитый в шубе его жены.

Киселев чуть было не попал под арест. На вокзале во Вла-

ЛЮДИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

М. Н. Ербанов

Н. А. Кузнецов

дивостоке он столкнулся с мясником из Верхоленска, который опознал в нем председателя Верхоленского Совета. Этот мясник сразу же побежал к коменданту вокзала, но Киселев уже скрылся.

Владивостокские товарищи направили Киселева в Харбин, где действовала большевистская подпольная организация. Из Харбина он вернулся в Иркутск. Перед возвращением в Советскую Россию он побывал в Красноярске.

Ранней весной 1919 г. Дмитрий Дмитриевич вместе с Инной возвращался в Москву. Поручение Центрального Комитета было успешно выполнено. Можно понять его приподнятое настроение: «Был яркий солнечный день, когда мы в какой-то татарской деревне в районе станции Раевка Самаро-Златоустовской желез-

ной дороги миновали колчаковский фронт и очутились в расположении передового полка Красной Армии. Наконец-то мы были у своих! Радостные, незабываемые минуты встречи... Дышится легко, вольготно... Где-то далеко-далеко позади остались все переживания, связанные с нашей долгой и опасной поездкой по колчаковской Сибири»,— вспоминал Киселев позже.

Вскоре чета Киселевых по приглашению М. В. Фрунзе прибыла в Бугуруслан, где находился штаб командующего Южной группой армий Восточного фронта. Михаил Васильевич Фрунзе внимательно выслушал рассказ Д. Д. Киселева о положении в колчаковском тылу. Он был очень доволен привезенными из Сибири вестями о начавшемся развале в тылу Колчака, о растущей активности наших подпольных организаций и парти-

Е. М. Кужелева

А. А. Ширямов

занских отрядов. Просмотрел он и несколько белогвардейских газет, привезенных Киселевым.

После этого Киселев составил обширный доклад для Сиббюро ЦК РКП(б).

Киселеву надо было побыстрее попасть в Москву. М. В. Фрунзе предложил ему ехать вместе до Самары в служебном вагоне. Пришлось в пути повторять рассказ командирам и политработникам о положении в Сибири.

В Москве Дмитрия Дмитриевича предупредили о том, что его сообщения о поездке по городам Сибири вызвали интерес у Владимира Ильича. Надо сделать доклад, но помнить о том, что рабочий день у Владимира Ильича расписан по минутам. «Вам дан для доклада Владимиру Ильичу час. Надо уложиться.

Стоят: *М. Н. Байков, Д. Н. Долбешкин,* сидят: *Ф. М. Скрябинский, В. Ф. Тицнов, Н. Г. Крицкин*

Следите по вашим часам»,— предупредили Киселева в приемной. Это было 26 июня 1919 г.

«И вот я у Владимира Ильича,— вспоминает Киселев.— Он сидел за письменным столом и что-то быстро писал. Приветливо взглянув на меня, Владимир Ильич спросил:

— Вы товарищ Киселев?

И, услышав утвердительный ответ, пригласил меня сесть в кресло возле письменного стола...

Доклада в обычном представлении у меня, собственно говоря, не получилось. Это была беседа, во время которой Владимир Ильич буквально засыпал меня вопросами. Он интересовался всем, что касалось положения дел в Сибири: взаимоотношениями Колчака с иностранными интервентами — его хозяевами, бое-

В. [illegible]

[illegible]

способностью колчаковской армии, ее вооружением и снабжением. Однако помню, особое внимание Владимир Ильич придавал вопросу, какую власть устанавливают сибирские рабочие и крестьяне там, где им удается освободиться от колчаковщины. Я, не задумываясь, ответил, что в таких случаях восстанавливаются Советы. Я вынул из своего портфеля пачку привезенных из Сибири колчаковских газет и отдал их Владимиру Ильичу. В этих газетах было немало сообщений о революционных восстаниях рабочих и крестьян в Сибири, о действиях партизан.

Владимир Ильич быстро просмотрел газеты и остался очень доволен: сообщения газет свидетельствовали о том, что сибирский крестьянин, испытав на себе кровавую диктатуру Колчака, поднялся против нее, стал бороться за Советы.

— Хорошие вести вы, товарищ Киселев, привезли нам из Сибири! — сказал Владимир Ильич.

Ободренный похвалой Ильича, я стал более подробно рассказывать ему о партизанском движении в Сибири, в частности о действиях партизан в Енисейской губернии, где за все время власти Колчака в Сибири не переставали существовать очаги Советской власти. Я сообщил Владимиру Ильичу и о том, что мощное партизанское движение разрастается на Амуре и в Приморье.

С большой теплотой Владимир Ильич расспрашивал меня об отдельных товарищах — активных участниках революционной борьбы с Колчаком и иностранными интервентами в Сибири и на Дальнем Востоке.

ЛЮДИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

Д. Д. Кудрявцев

Ф. П. Шляхтин

В конце нашей беседы Владимир Ильич коснулся предстоящей мне новой поездки в колчаковскую Сибирь.

— Сейчас вы, товарищ Киселев, отдохнете в Москве, а потом будет оформлена ваша секретная командировка... Желаю успеха!..

Владимир Ильич проводил меня до двери кабинета и здесь, пожимая мне руку, попросил передать привет товарищам-сибирякам, боровшимся в колчаковском тылу».

В июле 1919 г. Киселев с мандатом Сиббюро ЦК РКП(б) снова, уже в четвертый раз, отправился через фронт для выполнения партийных заданий. Он приехал в Миньярский завод, оттуда в Челябинск, который только что был взят. Потом в Троицк, затем на лошадях через фронт в Кустанай. Из

А. Д. Шнейдер

К. Я. Карлсон

Кустаная на лошадях пришлось ехать до Новониколаевска.

Здесь он был мобилизован в колчаковскую армию, где заболел тифом и пролежал в госпитале почти до самого прихода Красной Армии.

После освобождения Новониколаевска Киселев был избран в облисполком, но спустя некоторое время снова был послан на восток для нелегальной работы.

КУРЬЕР СИБИРСКОГО ОБКОМА РКП(б)

По лесу идет человек. Пройдет два-три десятка шагов и остановится, прислушиваясь к тому, нет ли подозрительных звуков. Постояв, он опять передвигается вперед. Как будто

все благополучно, и вдруг раздается голос: «Стой! Кто идет? Руки вверх!»

То, чего опасался незнакомец, произошло. Он задержан. Вооруженные военные повели арестованного в штаб.

Глубокий вздох облегчения. Оказалось, он у красных. Его обыскали, допросили и под строгим конвоем отправили к комиссару 29-й дивизии 3-й армии Восточного фронта. Комиссар связался с отделением Сибирского бюро Центрального Комитета РКП(б). Он сообщил, что охранением 257-го полка 2-й бригады задержан неизвестный, пытавшийся тайно проникнуть на нашу территорию из лагеря белых. Задержанный не проявляет какой-либо тревоги, более того, он, кажется, доволен случившимся. Не исключено, что это ловкая маскировка белогвардейского шпиона-разведчика.

Неизвестный в гражданской одежде, очень скупой на ответы, только в отделении Сибирского бюро предъявил небольшой клочок тонкой материи, удостоверявший, что он — Чижов Александр Иванович, уполномоченный Сибирского подпольного областного комитета партии, которому поручено сообщить важные сведения и передать письменный доклад.

Доклад был написан членами обкома в Центральный Комитет партии Александром Масленниковым и Михаилом Рабиновичем на длинном куске полотна, который был зашит в одежду Чижова.

Из Омска А. И. Чижов был отправлен 21 марта 1919 г. и прибыл через фронт в отделение Сиббюро ЦК РКП(б) 16 мая. Почти два месяца он скитался в районе расположения неприятельских частей, выбирая удобный момент, чтобы проскользнуть на нашу сторону.

Доклад, привезенный А. И. Чижовым, представлял большую ценность. Это была обширная информация об экономическом и политическом положении Сибири, отчет о деятельности Сибирского подпольного обкома РКП(б) и материалы III Сибирской подпольной партконференции.

С ПИСЬМОМ К ЛЕНИНУ

Анжерский подпольный комитет РКП(б) в конце апреля 1919 г. после совещания с командирами партизанских отрядов направил своего представителя в Москву с докладом о партизанском движении.

Этим представителем стал Петр Федорович Лапшин.

Учитывая огромные трудности пути, особенно при переходе

линии фронта, помощником Лапшину был выделен Григорий Михайлович Моржин.

Кто же они такие?

Лапшин Петр Федорович — сын потомственного горняка. Большевик, член подпольного партийного комитета Анжерских копей. Связан был с партизанами, колчаковская контрразведка пронюхала об этих связях и установила слежку. Пришлось уйти в глубокое подполье.

Моржин Григорий Михайлович — горняк. Он обладал завидной физической силой. Мальчиком стал работать на Анжеро-Судженских копях и там скоро уже стал настоящим шахтером. Здесь же работали его отец, братья. В 1912 г. Гриша Моржин работал на Ленских приисках. В конце 1915 г. его призвали в царскую армию. Служил он в артиллерии. На фронте Моржин прошел хорошую «окопную политграмоту». После Февральской революции Моржин с товарищами вернулся на Анжеро-Судженские копи.

Здесь он был избран председателем профсоюзного комитета шахты № 9-15. Так Г. М. Моржин стал одним из вожаков революционно настроенных шахтеров. Вскоре он вступил в отряд Красной гвардии, созданный Анжерским Советом рабочих депутатов. Пришлось вооруженной силой подавлять контрреволюционные мятежи кулачества, офицерства, проникшего в ряды Союза фронтовиков.

После контрреволюционного переворота в Сибири Г. М. Моржин был арестован за участие в политической забастовке и попал в Томскую тюрьму. На допросах он отвечал: «Ну, что я, как все шахтеры, бастовал». Его освободили вместе с другими горняками, но установили за ним слежку. Начались мелкие придирки полицейских. Моржин ушел в партизанский отряд П. К. Лубкова.

Тяжел и труден был путь П. Ф. Лапшина и Г. М. Моржина. Ехать поездами по железной дороге было крайне опасно из-за почти сплошного контроля колчаковской контрразведки. Приходилось пользоваться конным транспортом, да и то с большой осторожностью. Случалось идти пешком в ночное время, обходя крупные населенные пункты. Из Томска они выехали 10 мая, в Перми были 18 мая, оттуда пошли на Чусовую и Кизел, но здесь вблизи фронта были задержаны белогвардейским солдатом. Он повел их в штаб. Документы, которыми их снабдили, предъявлять было нельзя. Пришлось ликвидировать конвоира.

Дальше повторилась та же история. В селе Логино на Юхеевском тракте они снова были арестованы. Отсюда их направили в штаб белой дивизии, но по дороге они убили

двух конвоиров и бежали. 10 июня 1919 г. в состоянии крайнего истощения они все же вышли в расположение красных частей.

Обоих пришлось даже уложить на некоторое время в госпиталь, а потом их доставили в Вятку в Северное отделение Сиббюро ЦК РКП(б). Здесь 2 июля П. Ф. Лапшин составил обширный доклад о боевой деятельности семи партизанских отрядов, действующих на территории Томской и Енисейской губерний.

В докладе указывалось, что эти отряды состоят преимущественно из старых солдат-фронтовиков. Настроение у всех боевое, несмотря на острый недостаток патронов, денег, медикаментов. Отношение крестьян к колчаковщине резко отрицательное. Поэтому партизаны питаются хорошо, получая от крестьян продовольствие бесплатно или частично с оплатой из средств отрядов. Партизаны ведут бои большей частью с отрядами особого назначения, составленными главным образом из добровольцев. Новобранцы из этих отрядов во время боя нередко переходят на сторону партизан.

В этом докладе были даны также сведения о войсках интервентов в Сибири и по другим вопросам.

Доклад Лапшина был направлен в Центральный Комитет партии. В. И. Ленин ознакомился с этим докладом и передал его на рассмотрение Оргбюро ЦК РКП(б). Об этом свидетельствует надпись на докладе Лапшина: «Оргбюро, п. 12, протокол 18 июля».

В этом протоколе было записано: «12. О партизанских отрядах в Сибири. Предложить Сибирскому бюро оказывать отрядам материальную помощь через сибирские партийные организации. Вопрос о директивах для партизанских отрядов переносится в Политическое бюро».

На следующий день на объединенном заседании Политического и Организационного бюро ЦК РКП(б) было принято постановление о сибирских партизанских отрядах:

«а) в области финансовой поддержки утвердить постановление Оргбюро;

б) постановить и довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить между собой постоянную связь и координировать свои действия и переход к централизации командования;

в) поручить политработникам Восточного фронта выработать тезисы обращения Совета народных комиссаров к партизанам Сибири с целью установить их связи с местными политическими организациями о координации боевых действий с тем,

чтобы заранее были приняты меры обезвреживания отрицательных сторон партизанщины».

После доклада в Северном отделении Сиббюро ЦК РКП(б) и командованию 3-й армии о положении в Сибири и нарастающей там революционной борьбе П. Ф. Лапшин был отправлен в обратный путь. Г. М. Моржин был зачислен в Красную Армию и пошел в Сибирь в составе 51-й стрелковой дивизии под командованием В. К. Блюхера. В июне 1919 г. Политотдел этой дивизии принял Моржина в ряды РКП(б).

СЛАВНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Среди подпольщиков Сибири были и такие, на долю которых выпала особенно трудная задача: добывать в штабах белогвардейцев и иностранных интервентов экономическую, политическую и военную информацию.

Таким большевиком-подпольщиком был Александр Иванович Анисимов.

До призыва на военную службу он служил в потребительской кооперации, где научился вести конторские книги и печатать на пишущей машинке.

В 1917 г. семья Анисимовых переехала в Новониколаевск. Туда же из армии прибыл и Александр и снова стал работать в потребительской кооперации. В Новониколаевске он познакомился со своей соседкой — Кузьминой, умной девушкой, большевичкой. После контрреволюционного мятежа в Сибири в 1918 г. Кузьмина стала подпольщицей и привлекла Александра Анисимова к выполнению поручений для подпольной организации Закаменского района. Он охотно выполнял их. В конце 1918 г. А. И. Анисимов был принят в ряды партии. Ему рекомендовали пойти добровольцем на военную службу в 48-й стрелковый полк, не ожидая объявления мобилизации.

Вскоре в канцелярии 48-го стрелкового полка появился писарь, умеющий печатать на пишущей машинке. Это была находка для штаба полка. Спокойный, почтительный, исполнительный Анисимов обратил на себя внимание начальства. Новичку начали поручать печатать важные материалы. В партийный комитет стала поступать от Анисимова серьезная военная информация, представлявшая интерес и для Москвы. Эта информация направлялась одному из организаторов Омского большевистского подполья Карлу Яновичу Карлсону («Коле»).

После перевода Анисимова в Омск, в главный штаб колчаковской армии, он был включен в группу чекистов Омской органи-

зации. Это были: П. Г. Кринкин («Митя») — член партии с 1908 г. и Скрябинский И. М.— член партии с 1909 г. Позднее Анисимов познакомился и с В. Ф. Тиуновым. Все трое были членами Омского подпольного комитета партии 3-го состава. Они выполняли разные партийные поручения. Однако никто не знал, что они занимаются и разведкой для Красной Армии.

Несмотря на отличную аттестацию, данную командиром 48-го стрелкового полка Анисимову, все же на новом месте работы отношение к новичку было сдержанно-внимательное. Поручалась ему разная незначительная переписка. Шла непрерывная проверка и наблюдение за каждым шагом. Оставлялись «случайно» забытые документы, утратившие свое значение, но он не только не попадался на эту провокацию, а тут же шел к старшему и докладывал.

Через некоторое время за «добросовестную службу и усердие» Анисимов был произведен из рядовых в чин унтер-офицера, переведен в мобилизационный отдел главного штаба и оформлен переписчиком на машинке I класса.

Теперь Анисимову поручалась перепечатка совершенно секретных документов в присутствии старшего офицера и часового у дверей.

Группа разведчиков высоко ценила работу Александра Ивановича, берегла его. Он числился под кличкой «Сережа», его фамилия, имя и отчество нигде не упоминались.

Анисимов продолжал работать в главном штабе, используя в полной мере благоприятную обстановку возрастающего доверия. Он запоминал и передавал для пересылки командованию Красной Армии секретные приказы и другие важные документы. Осенью 1919 г. ему удалось дать сводные данные о численности и боевом составе не только армии Колчака, но и иностранных войск на железнодорожной линии до Владивостока с указанием их расположения.

Получив эти крайне важные данные, П. Г. Кринкин обратился к «Сереже»: «Послушай меня внимательно. Нужно срочно доставить эти сведения через линию фронта нашим наступающим армиям. Простое гражданское лицо перейти фронт сейчас быстро не может. Там идет такая суматоха, что попасть в руки военного контроля легко. Ты напиши рапорт своему начальству и проси отправить тебя срочно на фронт добровольцем как «пламенного патриота».

Разрешение было получено. Кринкин аккуратно зашил в его погоны сведения, тепло простился с «Сережей», а тот двинулся на фронт отыскивать «свой» полк. Добравшись до станции Вагай, он увидел наскоро вырытые окопы и цепи, пытавшиеся

сдержать натиск красноармейцев, и понял все. Спрятался на ночь в деревушке, а утром следующего дня увидел бойцов Красной Армии. Его доставили в штаб полка, затем бригады, дивизии и в особый отдел 3-й армии. Тут Анисимов очень удивился, когда увидел вошедшего в комнату своего друга Тиунова. Обнялись. Тиунов прибыл дублером со сведениями, которые доставил «Сережа». Они шли через фронт разными путями. Анисимов доставил сведения в особый отдел 3-й армии, а Тиунов — в особый отдел 5-й армии.

При встрече Виктор сказал «Сереже», что в ближайшее время Омск будет освобожден. Там будут созданы органы Сибирской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, взяточничеством. Они оба будут в них работать. Так это и случилось.

А. И. Анисимов в 5-й армии стал сотрудником Военно-революционного трибунала, а по прибытии в Омск — чекистом. В. Ф. Тиунов также стал чекистом, получив назначение на пост председателя Семипалатинского отдела ВЧК по Сибири.

«ЛАВРОВ» — ДЕЛЕГАТ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

Он был послан в Советскую Россию Сибирским подпольным комитетом РКП(б). Участие в подготовке этой поездки принимал член Сибирского подпольного комитета РКП(б) «Андрей» (Х. Я. Суудер), группа бывших подпольщиков Красноярска, оказавшихся в Иркутске. Свою печать на мандате «Лаврова» поставил и Новониколаевский подпольный комитет РКП(б).

«Лаврова» посылали в Москву, чтобы информировать ЦК РКП(б) о положении в Сибири и в сибирских подпольных организациях РКП(б), передать партийные явки, просить прислать партийных работников, помочь деньгами.

Переходили фронт из Сибири и обратно немало отважных и опытных подпольщиков. Все они шли разными путями. «Лавров» поехал на фронт в солдатском обмундировании. В Красноярске через надежных солдат ему было выписано удостоверение, что он командируется на фронт в 13-й Уфимский полк. С этим удостоверением он доехал до Челябинска. Здесь его, больного, сняли с поезда, положили в госпиталь. Тиф был очень опасен. В бреду можно было раскрыть себя и проговориться. Требовалась огромная сила воли, чтобы держаться и ничем себя не выдать, не вызвать даже капли подозрения. Он так и держался.

Из госпиталя его выписали в середине июля 1919 г. Поехал на фронт на паровозе до станции Чебаркуль. По дороге был остановлен разъездом казаков. Арестовали его как дезертира. Двое суток в неизвестности. Шла проверка — существует ли 13-й Уфимский полк? Выпустили потому, что солдат ехал на фронт, патриот рвался в свою часть. Комендант станции назначил его в санитарный транспорт. «Лавров» доехал до фронта и благополучно перебрался на советскую сторону. Высокая бдительность, выдержка, хладнокровие помогли ему в решении этой сложной задачи.

В Москве «Лавров» заявил, что его зовут Вадим Михайлович Авраамов. Родился в 1898 г. в семье чертежника и учительницы. Окончил Томское реальное училище. В начале революции был левым эсером. В мае 1918 г. оказался на Барабинском фронте против мятежных белочехов. Попал в плен. Сидел в Омской тюрьме, освобожден 22 декабря 1918 г. восставшими омскими рабочими. Омский комитет принял его в ряды партии большевиков и направил на работу в Красноярский подпольный комитет. Был членом штаба при комитете. Имел несколько фамилий (Лавров, Фролов, Соснов, Милованов) и кличек («Студент», «Студент Владимир»).

«Лавров», помимо устных докладов, написал подробный письменный отчет о состоянии партийных подпольных организаций Западной и Восточной Сибири, а также о фронтах и партизанских отрядах Сибири. Его сведения имели большую ценность потому, что в них был дан итог борьбы Сибирского подполья за год. Они уточняли сведения, полученные ранее, и давали новые данные о мужественной борьбе Сибирского большевистского подполья против колчаковского режима.

С ПОРУЧЕНИЕМ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б)

Советская республика в 1919 г. была в огненном кольце фронтов. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. За линиями фронта в тылах врагов боролись подпольные организации большевиков. Изредка в газетах публиковались сообщения о тяжелых условиях борьбы большевиков с озверелой контрреволюцией. С болью в сердце воспринимались сообщения о гибели в колчаковских застенках А. Я. Нейбута, Н. Н. Яковлева, Карла Ильмера и других.

Александр Андреевич Карлов многих из них знал лично. В 1917 г. был членом президиума Омского горсовета, в 1918 г.—

членом Западно-Сибирского военно-оперативного штаба. Затем он стал заведующим Политотделом 1-й Пермской пехотной дивизии, переименованной позже в 10-ю стрелковую дивизию, которой командовал известный герой гражданской войны Ян Фабрициус.

А. А. Карлов, член партии с 1905 г., вел нелегальную работу, дважды попадал в лапы жандармерии, сидел в тюрьмах, прошел суровую школу подпольщика. Он решил просить Центральный Комитет партии послать его в тыл Колчака, чтобы оказать посильную помощь товарищам в Сибири. Позже он говорил: «Я проверил себя, хватит ли у меня сил, мужества в борьбе, могу ли я перенести все трудности и жестокости коварного врага. Решил, что хватит, и я должен быть там».

В один из приездов в Москву по делам Политотдела дивизии в апреле 1919 г. Карлов зашел в Центральный Комитет партии на прием к К. Т. Новгородцевой. Рассказал о себе и желании пойти на подпольную работу в тылу врага. Вскоре подготовка к поездке была закончена. Поручителями были: Владимир Михайлович Косарев, член партии с 1898 г., и Алексей Иванович Окулов, член партии с 1905 г.

К. Т. Новгородцева рассказала Карлову, насколько трудна нелегальная партийная работа в тылу Колчака, какие провалы в партийных организациях, почему и как страдает от этого дело. Многие из посланных товарищей не выполнили данного им поручения потому, что они втягивались в местную работу и, как правило, проваливались.

Далее Клавдия Тимофеевна сказала, что Владимира Ильича интересуют точные сведения о настроениях в тылу у белых и о подпольной работе в Сибири. Важны и сведения о размахе партизанского движения и его политической направленности.

26 июня 1919 г. А. А. Карлов выехал из Москвы в Уфу, где и явился в Сиббюро ЦК РКП(б). Карлова было решено направить на партийную работу среди партизан. В помощь Карлову был дан коммунист Павел Наумов, рабочий-печатник из Петрограда, серьезный, вдумчивый и очень скупой на разговоры, бежавший из Тобольской тюрьмы во время недавнего восстания в ней.

Для перехода линии фронта был избран район 3-й армии. Карлов с Наумовым двинулись в путь в направлении Екатеринбург — Тюмень — Тобольск и далее как «бывшие военнопленные из Германии».

Паспорт Карлову был изготовлен на имя его двоюродного брата — Васильева Михаила Павловича. В удостоверении было

коротко сказано: «Тов. Васильев командируется в район Средней Сибири для партийной работы».

В Тюмени Политотдел 30-й дивизии дал им надежного человека, знающего жизнь деревни, девятнадцатилетнего Павла Евсеева. С заданием он хорошо справился, обеспечивая связь с крестьянами по деревням. Карлов отрастил бороду и стал неузнаваем. Его группа приучила себя запоминать самое важное, и поэтому записей не вела. Такая предусмотрительность в критические минуты очень помогла подпольщикам.

Из Тюмени они направились в Тобольск, а затем на пароходе в Усть-Ишим. Предельно осторожно, ведь за каждым кустом можно нарваться на белогвардейцев, пробирались от села к селу до станции Называевская. Шли дожди, нередко ночевали в стогах сена. Стали появляться одиночные конные крестьяне. За кого они? За белых или за красных? Неожиданно из тумана выплыла фигура, похожая на колчаковского офицера. Группу Карлова задержали, допрашивали. Задержанные уже стали обдумывать способ побега. Наконец, выяснилось — крестьяне за красных. Жадно расспрашивали: «Где Красная Армия?», «Большая ли она?», «Есть ли в ней простые крестьяне?» и т. д.

С большой охотой они проводили группу до села Базариха к надежному человеку. В пути по договоренности «исчез» Павел Наумов. Он остался для связи с партизанами. В Базарихе только Карлов с Павлом Евсеевым стали ложиться спать, как раздался резкий стук в дверь. Вошли двое и обратились к Карлову с просьбой съездить в отряд партизан километров за 12—15: надо поговорить с людьми.

Карлов с Павлом Евсеевым были так глубоко убеждены в своей законспирированности, что их в высшей степени обескуражило сообщение: «Мы за вами давно наблюдаем!» Отказать в просьбе крестьянам было невозможно. Приехал Карлов к партизанам около полуночи. Рассказал о положении Советской республики, мужественной борьбе Красной Армии, о В. И. Ленине, его здоровье. Посыпалась масса вопросов. Оказалось, в отряде несколько большевиков. Рекомендовали им создать политотдел партизанского отряда. Беседа подняла настроение крестьян, у них возросла уверенность в окончательной победе Красной Армии над Колчаком.

На рассвете Карлов вернулся в Базариху, и тут же они с Евсеевым двинулись в путь. Им подробно рассказали, каким путем безопасней пробираться к железной дороге, у кого в каком селе можно отдохнуть. Действительно, надежные люди оберегали наших путников, и в каждом селе они собирали тоже надежных людей и их просили рассказать им о Советах. Всюду одно

и то же: «Когда придет Красная Армия?» Крестьяне ждали ее с нетерпением. Наконец Карлов с Евсеевым прибыли на станцию Называевскую. Знакомый А. А. Карлова машинист маневрового паровоза Костя Терехов встретил путников с большой радостью, а отвез их на паровозе в Омск машинист Александр Иванович Шмаков, тоже оказавшийся знакомым. За мостом через Иртыш он уменьшил ход, и путники спрыгнули с паровоза. Пришли в дом слесаря депо Георгия Федоровича Хараборцева — старого знакомого Карлова. Беседа затянулась далеко за полночь. По его сведениям, партийная организация Омска сильно пострадала из-за провалов. Связи с ней пока нет.

Через надежных людей паспорт Карлова удалось прописать в милиции Омска и тем значительно облегчить дальнейшие поездки. Более того, выписано было командировочное удостоверение Карлову в Томск и отпускное удостоверение в Новониколаевск.

Передав семье генерала Таубе, погибшего в колчаковской тюрьме, денежное пособие из Москвы, Карлов поехал на паровозе на станцию Тайга. Здесь он нашел своего знакомого Михаила Александровича Житкова, дежурного по депо. Последний снабдил Карлова нужными документами и впредь обещал оказывать всяческую помощь. М. А. Житков отправил Карлова на паровозе в Томск. Наблюдение за явочной квартирой в Томске показало, что квартира давно провалена.

Карлов едет в Анжерку. Там на Электрической улице, в доме № 1 жил шахтер Афанасий Трофимович Бияков. После пароля и прочих мер предосторожности наступило время бесконечных взаимных вопросов и ответов. А утром рано к Биякову зашел Петр Лапшин. Карлов попросил связать его с Томским комитетом партии.

Заканчивая беседу с Лапшиным и Бияковым, А. А. Карлов, учитывая быстрое продвижение Красной Армии на восток, рекомендовал максимально активизировать работу коммунистов, партизанских отрядов по нарушению средств связи в тылу Колчака, особенно затруднять продвижение поездов, повреждая пути, усилить вовлечение сельского населения в партизанское движение и т. д.

На следующий день А. А. Карлов уже в Томске. Он ищет явку по адресу, данному в Москве: «Шапочник на Гоголевской, дом 33». Нашел. Обменялся паролем, и шапочник ушел. Через полчаса в квартиру вошел высокого роста, в очках, прилично одетый мужчина. Это был председатель Томского губкома партии Тихон Иванович Екишев. Начались обычные вопросы и ответы. Вечером вновь встретились, пришел и Константин

Молотов, хорошо знавший Карлова по Омскому горсовету до белочешского восстания.

Через пару дней на заседании губкома партии на квартире у А. Н. Сафоновой — жены бывшего председателя ЦИК Советов Сибири Н. Н. Яковлева — состоялся доклад Карлова о международном и внутреннем положении Советской России. Задавали очень много вопросов. Решено было усилить подготовку для встречи Красной Армии и ликвидации колчаковской власти.

Известно, что при подходе Красной Армии к Томску отсюда ушел на восток вместе с генералом Пепеляевым только один отряд в 30 человек. Не поехали за границу высококвалифицированные специалисты железнодорожного транспорта. «Эвакуировался» только один начальник Томской железной дороги. Томск был освобожден от колчаковской власти восставшими рабочими и солдатами под руководством томских большевиков за три дня до прихода Красной Армии.

При восстановлении Советской власти в Томской губернии А. А. Карлов был избран в состав Томского губревкома.

И.Ф.Плотников

ПОСЛАНЦЫ СИББЮРО

Большую роль в установлении связей ЦК РКП(б) с большевистским подпольем Урала и Сибири в 1918—1919 гг. сыграло Сиббюро ЦК РКП(б). В этом очерке рассказывается лишь о некоторых из тех, кто уходил в тыл врага для выполнения партийных заданий.

И. Б. БОРИСОВ И А. Я. МИХЕЕВА

При изучении документов о большевистском подполье и партизанском движении на Урале и в Сибири в годы гражданской войны нам в материалах колчаковской контрразведки в Центральном государственном архиве Октябрьской революции встретились фотоснимки двух человек — мужчины, лет за тридцать, и женщины, совсем еще юной. Они были сделаны колчаковскими тюремщиками, качеством не отличались. Удалось выяснить, что на снимках Александра Яковлевна Михеева и Иван Борисович Борисов-Цветков, расстрелянные колчаковцами.

И. Б. Борисов выглядит угрюмым, но собранным, решительным. Его лицо привлекательное, волевое, взгляд целеустремленный. Но особенно привлекает и поражает фотография А. Я. Михеевой. С нее смотрит на нас удивительно милое лицо. Взгляд чист, чуть застенчив и в то же время бесстрашен и смел.

Появилось острое желание узнать побольше о Михеевой и Борисове. В отдельных исторических изданиях встретились упоминания, два-три отрывочных и противоречивых факта, сводящихся к утверждениям, что оба они — петроградские большевики, посланные ЦК (в некоторых документах — Бюро ЦК) для связи с большевистским подпольем в Сибири, арестованные и расстрелянные там летом 1919 г. Были опубликованы их пред-

смертные записки, которые не содержат каких-либо биографических данных.

Вот и все! Но эти сведения нас не удовлетворяли. Обращали на себя внимание и данные о фамилии Ивана Борисовича: то Борисов, то Цветков, неясно было, какая же фамилия настоящая. Хотелось выяснить: какие задания они получили, каковы обстоятельства перехода линии фронта, пути следования, причины, место ареста, сумели ли они выполнить порученные им задания и прочее. Хотелось все это знать, знать как можно больше и как можно больше рассказать о них. К сожалению, документы об этих людях, сохранившиеся в архивах и найденные нами, крайне скупы, отрывочны. И все же не рассказать о них нельзя.

А. Я. Михеева действительно была питерской работницей-большевичкой и рекомендована для работы в тылу белых одним из партийных комитетов Петрограда. ЦК партии направил ее с этой целью в январе 1919 г. в распоряжение Сибирского бюро ЦК РКП(б), которое было создано незадолго перед тем и размещалось в Уфе. Что касается И. Б. Борисова («Цветкова»), то здесь дело гораздо сложнее. Выяснилось, что он прибыл в Уфу не вместе с Михеевой, и ранее не был с ней знаком, и, скорей всего, не был питерцем. Во всяком случае, если и был им, то давно уехал на восток страны.

В партийном архиве Свердловского обкома КПСС сохранился документ, свидетельствующий о том, что Уралобком партии 2 декабря 1918 г., находясь в Перми, рекомендовал «Ивана Борисова для работы по организации партийных ячеек в тылу противника». Эта рекомендация была дана Военно-полевому контролю 3-й армии Восточного фронта. Это дает основание утверждать, что настоящая фамилия Ивана Борисовича — Борисов. А «Цветков» нелегальная партийная кличка, фамилия, на которую были сделаны в Сиббюро ЦК документы. Борисов, как видно, работал на Урале, возможно, вообще был уральцем или прибыл из Западной Сибири вместе с другими большевиками.

Переход линии фронта был трудным вообще, а к концу января 1919 г. стал еще более затруднительным. Колчаковцы усилили охрану в прифронтовой полосе, повсюду расставили контрольные посты, хватали всякого, кто вызывал у них подозрение. Но опасность для посланцев Сиббюро представляла не только прифронтовая полоса. Вражеские контрразведчики рыскали всюду: на дорогах, на перекрестках, особенно в крупных городах и в районе железной дороги.

Вот почему большевики тщательно готовились не только к переходу и первой встрече с белогвардейцами, но и к деятель-

ности в совершенно непривычных условиях, в условиях диктатуры Колчака. Сотрудники Сиббюро ЦК А. Я. Бакаев, М. А. Чистяков и другие, в большинстве своем сами побывав на подпольной работе в тылу белых, проявляли подлинное искусство, смекалку, умели определить, в какой одежде, под видом представителя какой профессии, какого сословия направить на Урал или в Сибирь того или иного товарища. Дело заключалось не только в одежде, но и в манерах, в речи, во всем поведении подпольщика, в его находчивости, в умении отвести от себя даже малейшие подозрения. Прошли такую подготовку и Иван Борисов, и Александра Михеева.

В те дни Бюро ЦК получило из Омска от Сибирского подпольного комитета РКП(б), руководившего партийными организациями и на Урале, весьма важную информацию о положении в тылу колчаковской армии и в рядах подпольщиков. В составе этой информации были решения II Сибирской подпольной партконференции и письмо Б. З. Шумяцкого «Наши задачи».

Борис Шумяцкий, бывший в начале революции видным организатором Советской власти в Сибири, после прихода к власти белогвардейцев стал на оппортунистические позиции. Он в упомянутом выше письме предлагал заключить политический блок с эсерами на основе отказа от завоеваний Октябрьской революции и признания эсеровской «платформы народовластия». Местные подпольные партийные комитеты, куда Шумяцкий обращался со своими тезисами, дали отпор его антипартийным взглядам. Сибирский подпольный комитет, решительно отвергая тезисы Шумяцкого, все же отправил их к ЦК партии через фронт, так как хотел более определенно знать его мнение на этот счет.

Сиббюро ЦК разделяло взгляды Сибирского подпольного комитета относительно позиции Шумяцкого. Вместе с тем Бюро считало необходимым кое в чем поправить Сибирский подпольный комитет. И вот за линию фронта, в Омск, направляются соответствующие директивы. О их характере Сибирское бюро так сообщало в ЦК партии в докладе о работе за январь 1919 г.: «В связи с получением от Сибирского ЦК резолюции и письма Шумяцкого, нами послано им письмо, где мы, во-первых, предложили изменить название Цека на областной комитет, работающий под руководством Бюро ЦК, во-вторых, высказались против эксов[1], индивидуального террора и изолированных в глубоком тылу восстаний рабочих и солдат в городах и предло-

---

[1] Экспроприация. *(Сост.)*

жили поддерживать крестьянские восстания в деревнях, а восстания рабочих и солдат в городах и заводах поднимать в близком тылу в связи с военными действиями, в-третьих, использовать капитуляцию с.-р. в военно-техническом смысле и дать отпор развращающему влиянию направления Шумяцкого»[1].

Как видно, письмо содержало чрезвычайно важные для подпольного центра и всех партийных организаций директивы. И мы привели его главным образом с той целью, чтобы подчеркнуть, насколько важной была даже «простая» миссия связных. Такое задание было поручено, очевидно, одному из двух названных нами подпольщиков. Борисову Сибирское бюро поручило передать подпольному комитету 200 тысяч рублей, а затем включиться в революционную борьбу, как уже говорилось, в районе железнодорожной магистрали[2].

1 февраля 1919 г. Борисов был переправлен через линию фронта, возможно, вместе с женой Марией Афанасьевной. Не исключается, однако, что жена присоединилась к нему в Челябинске. Относительно Александры Михеевой Сиббюро в докладе Центральному Комитету за январь указывало, что она — «петроградская девица-курьер» — остается пока «в резерве».

И. Б. Борисова переправлял через село Никольское, что восточнее Уфы, на Аша-Балашовский завод А. Я. Бакаев, который за три месяца до того сам выехал из Омска, принимал участие в работе подпольщиков в Челябинске, Уфе и в декабре перешел линию фронта. Он доставил в Москву, в ЦК партии письмо руководителей Омского подполья А. Я. Нейбута и А. А. Масленникова (к тому времени оба эти коммуниста уже входили в Сибирский подпольный комитет РКП(б).

Нам удалось установить, что И. Б. Борисов был переправлен через фронт у Никольского благополучно, прибыл на явку на Аша-Балашовском заводе. Он сообщил, что следом за ним идет известный ашабалашовцам К. М. Туманов, и просил местных подпольщиков помочь ему добраться до Златоуста и далее — до Челябинска. Но местные подпольщики, опасаясь провокации, решили подождать прибытия Туманова. Борисов был переведен в один из куреней в окрестностях и находился там два дня под строгим наблюдением. По прибытии Туманова, который едва не погиб, Борисов, получив явку, направился в Златоуст.

Спустя несколько дней после отъезда Борисова, также получив задание, была переброшена через линию фронта в том

---

[1] Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.— С. 336.

[2] Там же.— С. 335—336.

же районе и Александра Михеева. Она несла в областной подпольный комитет дополнительную информацию. Денег ей было дано сравнительно немного (контрразведка при обыске забрала 2500 рублей), очевидно, только на личные расходы. Скорее всего именно ей было вручено и упоминавшееся директивное письмо.

Таким образом, и Борисов, и Михеева оказались во вражеском тылу. Совокупность документов позволяет сделать довольно определенный вывод, что оба они прибыли в Челябинск, там встретились. По-видимому, там они и были схвачены колчаковцами. Обратимся на этот счет к скудным и особо ценным, в силу этого, источникам.

Известен документ, в котором указываются денежные суммы и лица, доставившие их. Среди них не значатся ни И. Б. Борисов, ни А. Я. Михеева, ни выданные им и доставленные денежные суммы. Деньги ими или их доверенными лицами доставлены в Омск не были, их захватил враг[1]. Есть документ — это отношение начальника контрразведки Колчака в Омскую тюрьму с требованием «выдать предъявителю сего фельдфебелю И. Волкову содержащихся под стражей с 27 сего февраля арестованных Ивана Борисовича Цветкова и Александру Яковлевну Михееву для допроса»[2]. Можно полагать, что с места ареста они были доставлены в Омскую тюрьму именно 27 февраля. Не исключено, правда, что они какое-то время находились в застенках самой контрразведки. Откуда были доставлены эти подпольщики в Омскую тюрьму — в документе не сказано.

Как мы уже отмечали, арест произошел скорее всего в Челябинске. Косвенно это подтверждается прежде всего тем, что о Борисове («Цветкове») с омскими властями вел переписку штаб западной белогвардейской армии, находившийся в то время в Челябинске. Далее. Видный омский подпольщик П. Г. Кринкин, получавший информацию из тюрьмы, указывает, что Ф. А. Садке («Ситников»), прибывший в Уфу из Москвы для переброски его с крупной суммой денег на Экибастузские копи, оказался авантюристом, после ареста — предателем и что он в Челябинске выдал группу партийных работников, включая двух женщин. Сведения Кринкина, в свою очередь, подтверждаются тем, что в Центральной военной колчаковской контрразведке был перефотографирован мандат, написанный на куске холста и выданный Сиббюро ЦК Цветкову-Борисову, так как

---

[1] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.— С. 340.

[2] ЦГАСА, ф. 40218, оп. 1, д. 87, л. 59.

копия потребовалась «для приложения к делу о Садке, Борисове и др.»[1].

Более того, в протоколе допроса Садке, который производился в Челябинске контрразведкой штаба западной армии (копия протокола 15 марта 1919 г. была направлена в Омск), называются «приехавшие сюда» и «задержанные» «Иван Борисович Цветков» и его жена «Мария Афанасьевна Цветкова»[2].

Полагаем, данный документ позволяет считать, что провал произошел в Челябинске. Причиной явилось предательство австро-венгерского военнопленного инженера Фрица Садке. Становится ясным, что две выданные Садке женщины — это А. Я. Михеева и М. А. Борисова («Цветкова»).

Чтобы не возвращаться больше к мерзкой личности Садке, давшего колчаковцам обширные сведения о деятельности Сиббюро ЦК, ряде его работников, переправе за линию фронта, отметим, что он колчаковцами на время освобождался, жил в Каркаралинске, но 30 июля вновь был заключен в Омскую тюрьму, неоднократно, вплоть до 20 сентября, допрашивался, а затем окончательно освобожден. В ноябре 1919 г. Садке с помощью бывших подпольщиков был найден советскими органами, арестован, осужден и расстрелян.

Во время нахождения посланцев Сибирского бюро ЦК в тюрьме в Омске обстановка становилась все более напряженной. В феврале и апреле произошел ряд крупнейших провалов. В застенки были брошены многие подпольщики, в том числе большинство членов Сибирского ОК РКП(б). Их в разное время судили, многих расстреляли. «Дело» Борисова и Михеевой подключили к «делу» областного подпольного комитета. Их рассматривали как особо опасных преступников.

Александра Михеева и Иван Борисов находились в Омской тюрьме свыше трех месяцев. Контрразведчики пытались получить от них, особенно от Михеевой (надеясь сломить ее, женщину), сведения о Сибирском бюро, о маршрутах переправы документов через линию фронта, о ее пути в Челябинск, узнать адрес явки, пароль.

Следователи контрразведки, изощренные в методах допроса, использовали все, чтобы сбить, запутать арестованных перекрестными вопросами. Угрозы и избиение оказались бесполезными. Тогда начальник контрразведки пообещал даже выпустить Михееву на свободу, если она будет откровенной. Но ничто не поколебало ее стойкость. Александра Михеева ничего не

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 19-а, л. 336.
[2] Там же, ф. 1470, оп. 1, д. 21, л. 11.

добавила к своему имени, к факту своего появления на Урале. Именно в контрразведке ее, как и Борисова, и сфотографировали.

В женской камере, куда поместили Шуру Михееву, она никого не знала и ее никто не знал. И в Омске у нее не было ни одного близкого человека. Шура понимала, что ей, посланцу Сибирского бюро ЦК партии, надеяться не на что — смертный приговор неминуем, но оставалась спокойной, и никто не видел, чтобы она впадала в уныние.

Подруги по камере, кто остались живы, с огорчением говорят, что не знают ее биографии, ее жизни и работы в Петрограде, потому что в камере было установлено: во время следствия не расспрашивать и не рассказывать ни о себе, ни о товарищах. Но все характеризуют ее одинаково: «Шура Михеева — невысокая, худенькая, но характер у нее сильный, она держалась очень ровно, чувствовалась большая выдержка — ведь она знала, что ее ожидает расстрел».

«Самое лучшее впечатление и дорогую память оставила мне Шура Михеева»,— вспоминала Зофия Венцкович-Лигети — комиссар интернационального отряда.

Шура видела большую тревогу Зофии, муж которой — командир интернационального отряда Карой Лигети — был взят в плен раненным, долго лежал в тюремной больнице, потом был переведен в лагерь военнопленных, где ему готовили побег. Но его внезапно перевели в одиночную камеру.

— Эти палачи убьют его, они несомненно убьют его,— шептала Зофия.

И Шура, как могла, старалась отвлечь ее от тяжких дум.

Шура не знала, что ей доведется принять смерть рядом с Кароем Лигети. Прощаясь, она сняла кольцо с руки и передала его Зофии.

— Прими на память,— сказала она, когда ее, Агнию Свищеву и Любовь Годисову вызвали в суд.

— У Шуры мы не видели ни слез, ни раскаяния,— вспоминает Эмма Одынь.— Она производила впечатление сильного человека. Такой она ушла от нас и, уверена, такой встретила смерть.

Военно-полевой суд состоялся 31 мая 1919 г. По делу Сибирского областного комитета было привлечено 16 большевиков. В составе обвиняемых были члены областного комитета: А. Н. Усов и М. С. Никифоров, посланцы Сибирского бюро ЦК — И. Б. Борисов и А. Я. Михеева, командир интернационального отряда Карой Лигети, члены Омского подпольного комитета и штаба, партийные организаторы районов. На судебном

заседании, как и во время следствия, обвиняемые держались с несгибаемым мужеством.

В своем сообщении о суде колчаковцы раздраженно отмечали, что обвиняемые «держатся вызывающе, не признают за собой никакой вины и даже предрекают неминуемую гибель всех сил реакции».

В обвинительном акте значилось: «Михеева Александра Яковлевна — член Российской Коммунистической партии и делегат Сибирского бюро Центрального Комитета РКП(большевиков)». Шура Михеева держалась на суде спокойно, с большим достоинством, отвечала коротко, сдержанно:

— Приехала в Омск добровольно. Виновной себя не признаю. Я — член Российской Коммунистической партии большевиков.

Как гордо звучали эти слова, говорящие о том великом деле, во имя которого она шла в логово смертельного врага Советской власти.

Решение суда было поистине свирепым: 11 человек из 16 были приговорены к смертной казни, дела остальных были направлены на доследование. Колчаковский суд не пощадил и женщин. Александра Михеева, как и другие коммунистки — Агния Свищева и Любовь Годисова,— была приговорена к расстрелу. Палачи спешили расправиться с осужденными. На другой день после приговора была расстреляна первая группа.

Член областного комитета Марк Никифоров писал 2 июня 1919 г.: «Товарищи! Вчера в 12 часов ночи увели на расстрел пять наших товарищей. Мы, трое мужчин и три женщины — остались. Сегодня уведут и нас. Подлые они трусы! Даже расстреливать всех вместе трусят. Выводят небольшими партиями. Товарищи! Мы погибаем с надеждой на победу. Они захлебнутся в нашей крови!»

Их расстреляли в ночь на 3 июня 1919 г. В ряду перед дулами ружей встали: Иван Борисов, Александра Михеева, Любовь Годисова и Агния Свищева. В женскую камеру передали записку: «...Не унывайте и не жалейте меня. Я умираю за идею, рада и совершенно спокойно жду своей смерти. Будьте и вы бодры и не падайте духом! Вещи разделите между собой. Александра».

Это были прощальные слова Михеевой. От них веет не только мужеством, заботой о товарищах, но и глубокой верой в победу. То немногое, что удалось узнать об Александре Михеевой, вызывает чувство восхищения.

Прощальное письмо написал и Иван Борисов. Он обращался к своей жене, жившей в Омске, и к своим товарищам:

«Дорогая Манюся! Ты не очень печалься. Конечно, твое положение тяжелое: остаться в таких годах одной. Но что же делать, знать, такая участь. И ведь ты хорошо знаешь, что не один я погибаю. Крепись и надейся. Целую тебя и благословляю. Целую Валечку. Вырастет и вспомнит папу, который боролся с проклятыми насильниками, эксплуататорами, и сама встанет в ряды борцов.

Также прощайте все товарищи, кто меня знает, кто, может быть, помнит мои труды. Но это неважно. Я обращаюсь со своими предсмертными словами к вам: мужайтесь, не падайте духом. И делайте свое великое дело. Помните, что враг трещит по всем швам и напрягает последние усилия, думая вынесением смертной казни ослабить наш революционный дух. Но, надеюсь, после принесенных жертв вы теперь не остановитесь и будете творить начатое великое дело за освобождение трудящихся, не боясь жертв, помня, что мы уйдем с поля брани, но наши ряды будут пополняться и доведут дело до конца. Еще раз прощайте. Я верю в мощь пролетариата и с этой верой иду под вражескую пулю».

Пусть память об этих людях, Коммунистах с большой буквы, всегда будет жить в наших сердцах.

ИВАН АНТОНОВ

Одним из посланцев Сибирского бюро ЦК РКП(б) на Урале был Иван Иванович Антонов. Как личность и партийный работник он был примечателен тем, что, будучи совсем молодым, 19-летним, но уже опытным коммунистом, получил чрезвычайно ответственное задание от Сиббюро и успешно с ним справился.

До направления во вражеский тыл И. И. Антонов был сотрудником особого отдела 5-й армии, он обратил на себя внимание членов Бюро ЦК, которые сочли его наиболее подходящим для руководящей партийной деятельности в Златоусте и его районе.

В связи с подготовкой наступательных операций 5-й армии Сиббюро особое значение придавало налаживанию большевистского подполья в восточной части Уфимской губернии, на южноуральских заводах и железнодорожных станциях. В планах Сиббюро и Реввоенсовета 5-й армии чрезвычайно большое место отводилось Златоусту — крупному промышленному центру региона, находящемуся в сравнительно узком проходе в горах на железнодорожном пути в Челябинск. От того, удастся ли получить активную поддержку от рабочих Златоуста, Злато-

устовского уезда и Симского горного округа, зависело чрезвычайно многое в успехе прорыва Красной Армии к Челябинску и в Сибирь. Одним словом, Златоуст на пути к Челябинску занимал важное стратегическое положение. Этими соображениями члены Сиббюро делились в докладах в ЦК партии и ими руководствовались в практической деятельности.

Сибирское бюро направило И. И. Антонова в Златоуст 18 февраля 1919 г. Он был обстоятельно проинструктирован о целях, задачах и методах предстоящей работы.

Антонов направлялся для создания в Златоусте партийного комитета из 4—5 человек, распределив между ними следующие функции: ответственный пропагандист, ответственный организатор по Златоусту, ответственный организатор по округу и руководитель военной организации. Членами Сибирского бюро И. И. Антонову было указано, что в основу организации должен быть положен принцип централизма, комитет ни в коем случае не должен выбираться. Следовало приложить все силы к тому, чтобы в случае провала в организации подпольный центр продолжал существовать.

Ответственным организаторам ставилась задача создавать подпольные ячейки в Златоусте и на заводах, прилегающих к городу. С этой целью организатор разъезжал по округу.

Ответственный пропагандист должен был постоянно организовывать выпуск листовок, для чего следовало создать типографию, подобрать специальных людей для работы в ней и составления листовок.

Особо важное значение члены Сибирского бюро придавали активной работе в военной организации. Предлагалось создавать среди солдат небольшие подпольные ячейки. На создание крупных организаций следовало идти лишь перед выступлением. Такая осторожность объяснялась не только требованиями конспирации, но и тем обстоятельством, что нередко колчаковские военные власти в каждую роту под видом рядовых солдат засылали офицеров.

Антонову было указано, что, если мобилизованные рабочие Златоустовского и других заводов будут помещены в казармы, среди них нужно будет создавать прочную партийную боевую организацию. Предлагалось заранее организовать группу разведчиков и подрывников. Взрывчатые вещества можно было добывать на заводах. Подрывники должны были взрывать железнодорожное полотно, уничтожать средства связи.

Антонов благополучно перешел линию фронта. Вначале для установления связи прибыл в Челябинск, а затем добрался до Златоуста.

В Златоусте летом 1918 г. при захвате его белочехами, была оставлена партийная группа во главе с И. В. Теплоуховым. На железнодорожной станции также осталась небольшая партийная группа. Общегородскую организацию из-за многочисленных арестов большевиков и отсутствия у работающих партийных групп достаточного опыта подпольной работы создать не удалось.

Прибытие И. И. Антонова с мандатом Сиббюро ЦК, большими полномочиями и ясными установками внесло в работу подпольщиков Златоуста решительный перелом. Антонов связался с И. В. Теплоуховым и другими товарищами. Создали сначала инициативную группу, призванную объединить разрозненные подпольные группы в единую организацию, а затем и общегородской подпольный комитет из пяти коммунистов. Комитет являлся не только общегородским, но и уездным партийным центром.

В соответствии с указаниями Бюро ЦК, по предложению И. И. Антонова, сформировали военный штаб из пяти человек. После образования в Златоусте подпольного партийного комитета здесь развернулась большая организаторская работа. Создали подпольные группы на всех участках Златоустовского механического железнодорожного завода, в местном батальоне, среди политзаключенных местной тюрьмы.

Подпольный комитет вдохнул новую жизнь и в полураспавшуюся группу железнодорожников. В ней в начале весны было проведено собрание, на котором присутствовал Антонов. Он рассказал о том, как строятся конспиративные организации на Урале и в Сибири, как они ведут революционную работу. Перед организацией были поставлены новые задачи. Избрали новый состав комитета. Работа подпольщиков-железнодорожников вновь оживилась.

Резко увеличилась подпольная организация среди военнопленных — венгров и немцев, которой руководил опытный немецкий коммунист. Последний был связан со Златоустовским горкомом, лично с И. И. Антоновым. Эта подпольная организация имела большое влияние среди всей массы военнопленных, которых насчитывалось до 800 человек. Подпольная организация интернационалистов наладила выпуск нелегальной рукописной газеты. Листовки для военнопленных поступали и от городского подполья, в частности через подпольщиков Ф. П. Зайкина, И. А. Бодрякова и других.

Городская организация выпускала листовки сама, но нередко доставляли их и из Челябинска. Колчаковцы многократно отмечали факт распространения в городе чаще всего рукописных листовок и большого воздействия их на рабочих, военнопленных

и солдат. Так оно и было. Организацией была подготовлена и распространена специальная первомайская прокламация. Она позволила провести первомайскую забастовку рабочих завода.

Вследствие бурного роста подпольной организации комитету пришлось создавать в Златоусте и районные комитеты.

И. И. Антонов лично и через комитет прилагал большие усилия к установлению и расширению связей с другими подпольными организациями, особенно близлежащих заводов. По отношению к последним Златоустовский комитет выступал в качестве руководящего центра. Это особенно важно было для выполнения главной задачи, поставленной Сиббюро ЦК,— подготовки и проведения одновременного вооруженного восстания рабочих. Об этом была достигнута договоренность с Юрюзанью, Вязовой, Саткой (первые две, в свою очередь, обещали договориться о восстании и его одновременности с другими организациями). Не удалось Антонову договориться по этому вопросу лишь с подпольщиками станции Бердяуш.

Значительная часть имевшихся у златоустовских подпольщиков денежных сумм была передана военному штабу. Уже в апреле Златоустовская организация располагала большим запасом оружия и боеприпасов. По решению комитета и штаба из числа нелегально проживавших в городе подпольщиков, дезертиров из колчаковских частей была организована и отправлена за город дружина. Она регулярно обеспечивалась оружием, продуктами питания. Прибывший в Сиббюро ЦК в начале июня 1919 г. златоустовский большевик В. Горбачев сообщал, что городская организация имела не менее 300 винтовок и три пулемета.

Однако Златоустовской организации в июле 1919 г., когда 5-я армия находилась на подступах к заводам Симского и Златоустовского горных округов, не удалось поднять восстание в городе. Главной причиной этого явился провал организации города в мае 1919 г., охвативший все ее основные звенья.

В апреле колчаковцы вели усиленную слежку за рядом подпольщиков, особенно за И. И. Антоновым. В начале мая по решению городского комитета Антонов вместе с другими активными партийными работниками покинул город и поселился в лесу. Через несколько дней начались аресты, которые продолжались почти месяц. В тюрьме оказались десятки членов подпольной организации. Избегая ареста, целый ряд подпольщиков перешел линию фронта или включился в партизанскую борьбу.

В дальнейшем Антонов находился сначала в составе юрю-

заньского отряда, затем перешел в тюбелясский отряд, в рядах которого сражался до прихода Красной Армии.

В Златоусте восстановить общегородской партийный центр оставшимся работникам не удалось. Силы консолидировались вокруг актива отдельных групп. Подпольщики поднимали рабочих заводов, станции и депо на подрывные действия и дезорганизацию ближайшего тыла белогвардейской власти. Весьма активно действовала железнодорожная организация. Группа рабочих, в числе которых был член партии с 1915 г. С. А. Скачковский, вывела из строя железнодорожное полотно близ станции Златоуст, причем сделала это в самый критический момент, когда у врага не было времени и возможности для восстановления дороги. Подрывной акт и другие смелые действия златоустовских рабочих привели к выполнению намечавшейся Сиббюро задачи — нанесению по врагу удара с тыла в момент наступления Красной Армии на Златоуст.

Рабочие города, бойцы и командиры действовавших близ города отрядов внесли вклад в блестяще проведенную командованием Красной Армии знаменитую Златоустовскую операцию, завершившуюся 13 июля 1919 г. освобождением города. Белогвардейцы оставили в районе Златоуста 30 паровозов, 66 вагонов, бронепоезд, 8 орудий, 32 пулемета, продовольствие, значительные запасы металла, угля. Красной Армией было взято в плен более трех тысяч белогвардейских солдат.

Посланец Сиббюро ЦК РКП(б) И. И. Антонов внес большой личный вклад в консолидацию партийных сил, в развертывание революционной борьбы рабочих, других трудящихся слоев населения Златоуста и округа, в обеспечение успеха наступления 5-й армии.

ГРУППА В. А. СИЛЬНЫХ — Ф. И. ШЛЯХТИНА

Отделение Сибирского бюро ЦК РКП(б) в Вятке с апреля 1919 г. стало уделять большое внимание разведывательной и военно-боевой работе на Урале в тылу колчаковских войск. Туда из Вятки направились два специально подготовленных партизанских отряда, а также отдельные боевые группы. Некоторые из них, помимо разведывательно-военных, имели задания связаться с местными подпольными организациями или при их отсутствии создать такие, развернуть работу в массах по вовлечению в революционную и военно-боевую работу. Именно такую установку получили группы Вячеслава Александровича Сильных и Федора Ивановича Шляхтина.

Группа Шляхтина стала формироваться в начале мая. Руководителями отделения Сиббюро было предложено В. А. Сильных подобрать ряд абсолютно надежных для посылки в тыл врага товарищей. Их решено было взять из 3-й армии из числа тех, которые в октябре — декабре 1918 г. сражались в отрядах в районе Кытлыма — Растеса на одном из североуральских хребтов.

В состав группы Сильных были включены Ф. И. Шляхтин, М. И. Шляхтин, И. Е. Суворкин, П. И. Никонов, С. Д. Пличкин, И. П. Бабайлов. Они были рабочими Турьинских рудников и Кушвы, а Никонов — крестьянином, членами партии, проявившими себя в боях. Все — молодые.

В. А. Сильных родился в 1891 г. в Турьинских рудниках (ныне город Краснотурьинск Свердловской области). Закончил местное горное училище, стал механиком. В 1909 г. вступил в РСДРП. В годы мировой войны служил на Балтийском флоте. Все время был в гуще партийных дел. После Февральской революции вернулся на родину, стал одним из руководителей Богословского центрального, окружного и местного Советов. В период борьбы с белогвардейцами вместе с другими видными большевиками формировал красногвардейские отряды, вместе с Б. В. Дидковским — членом исполкома Уралоблсовета, в качестве его заместителя успешно командовал группой отрядов.

Ф. И. Шляхтин родился в городе Кушва (ныне Свердловской области) в 1897 г. в семье кузнеца. Закончив городское училище, стал слесарем в Лысьве. В 1915 г. вступил в партию. После Февральской революции вернулся в Кушву, вел революционную работу. С начала гражданской войны — начальник Красной гвардии, военный комиссар Николае-Павдинской волости.

К 20 мая 1919 г. группа была проинструктирована, частично экипирована и готова к переходу линии фронта. В этот день членам группы были выданы паспорта жителей Урала и Сибири, книжки военнопленных, возвращающихся из германского плена в родные места. Они должны были предъявить военному контролю колчаковцев карточки военнопленных и в дальнейшем проживать и работать по подпольным паспортам.

Задание группы сводилось к подпольной партийной и боевой партизанской работе в Богословском и Гороблагодатском горных округах. Заранее предполагалось после перехода линии фронта разделить группу на подгруппы, которые должны были поддерживать между собой связь, координировать действия. Первая подгруппа во главе с В. А. Сильных должна была действовать в обширном Богословском округе, а вторая, Ф. И. Шляхтина,— в Гороблагодатском.

Были получены деньги, шифр для переписки и составления

докладов и писем в отделение Сибирского бюро ЦК и пароль.

Группе предстояло начинать работу не на голом месте. Она имела явки к резидентам и руководителям ранее посланных в указанные округа групп. Вместе с тем отделение Сиббюро ЦК через своих новых посланцев давало директивные установки, требовало от резидентов сведений. Группа Сильных отправилась пароходом вверх по Вятке, затем на лошадях добралась до штаба особого Северного экспедиционного отряда. Получив здесь одежду, продукты, три лодки, поплыли по Каме, стараясь держаться ближе к берегу, к зарослям. В карманах были наганы, под рубашками — патронташи, на дне лодок — карабины, гранаты. Примерно на границе Вятской и Пермской губерний перебрались через фронт (там он не был сплошным). Затем в обход дорог пошли пешком через леса и болота к Соликамску. Вскоре группа разделилась, и подгруппы двинулись далее своими путями. С В. А. Сильных пошли И. Е. Суворкин и И. П. Бабайлов, с Ф. И. Шляхтиным — С. Д. Пличкин, П. И. Никонов и М. И. Шляхтин.

Подгруппа Шляхтина с большим трудом вплавь переправилась через Каму, прибыла в Кушву, установила связь с подпольщиками города, опираясь на них, развернула революционную работу, обращая при этом особое внимание на подрывные действия. На дороге в районе Кушвы загремели взрывы то в одном, то в другом месте. Пользуясь тем, что в июне развернулось стремительное наступление Красной Армии, рабочие города и ряда поселков всячески задерживали отступление колчаковцев, которые рвались в Сибирь по железной дороге, стремились выйти к судоходным рекам. Вместе с тем подпольщики задерживали эвакуацию промышленного и железнодорожного оборудования, сырья, других ценностей.

В июле Ф. И. Шляхтин отчитался о работе, передал собранную информацию. Позже он был начальником Политотдела Верхотурского уездного военного комиссариата. В декабре 1919 г., командуя отрядом, направленным на подавление белогвардейской банды офицера Попова в районе Никито-Ивделя, был тяжело ранен и скончался.

Трагически сложилась судьба подгруппы В. А. Сильных. Долгое время о ней ничего не было известно. Лишь сравнительно недавно удалось найти документ, который свидетельствует о ее деятельности и гибели большинства ее членов. Это — приказ № 44 от 26 августа 1919 г. войскам 1-й сибирской армии генерала Пепеляева, предавшего В. А. Сильных, И. Е. Суворкина и И. П. Байбалова военно-полевому суду. В документе говорится, что они 22 мая 1919 г. с 50 тысячами рублей

«перешли фронт и собирали сведения о количестве правительственных войск, их расположении, снаряжении, вооружении, снабжении, вели противоправительственную агитацию среди войск в пользу красных, пока 19 июня 1919 г. на Усолье Пермской губернии не были арестованы».

Из этого документа выясняется не только точное место и время ареста — Усолье, 19 июня, но и характер и в определенной мере масштабы проделанной работы. Теперь можно с уверенностью говорить о том, что подгруппа В. А. Сильных за несколько недель проделала большую работу и была схвачена, и о том, что ее члены 26 августа были еще живы. А поскольку к этому времени Урал был уже освобожден, то группу увезли на восток и находилась она где-то в Зауралье.

Дальнейшая судьба этой группы выяснилась из рассказов И. Е. Суворкина. Он вспоминал, что его, В. А. Сильных, И. П. Бабайлова вместе с другими пленниками колчаковцы везли по железной дороге в Сибирь. Во время этой поездки произошло крушение поезда. Сильных и Бабайлов погибли, а Суворкин сумел бежать.

Вот как рассказал об этом Суворкин: «Ночью вдруг все затрещало. Наш вагон встал на дыбы, как лошадь, и грохнулся на землю. Я кувырком полетел в угол. Слышу стон, крики, а потом началась стрельба. Уцелевшие конвойные стали оцеплять место крушения, чтобы ни одну живую душу не выпустить на волю. Я ощупал себя: вроде бы цел, синяками отделался. А где другие? Достал схороненные спички, зажег лоскут бумаги. Илюха Бабайлов убит насмерть. У Витьки ноги изломаны, висят на одних сухожилиях, а кровь, будто из фонтана, хлещет. В сознании был еще. Узнал меня, как вспыхнула бумага. Просит: «Пристрели, Ваня! Избавь от мук». А о том не думает, бедолага, что у Вани никакого оружия нет, голые персты только». Когда конвой в темноте стал сгонять живых в канаву, рассказывал Суворкин, он удачно бежал, смог перебраться через фронт, вернуться на родину. В дальнейшем И. Е. Суворкин сражался в отряде Ф. И. Шляхтина.

Л. А. Виноградов,
член КПСС с 1916 г.

КОМАНДИРОВКА В ТЫЛ ВРАГА

В конце апреля 1919 г.[1] группа большевиков-костромичей по указанию ЦК партии была командирована на Восточный фронт в распоряжение штаба 5-й армии.

В штабе, когда мы туда явились, шло совместное совещание Реввоенсовета армии и Сиббюро ЦК партии. Каждый из нас надеялся, что получит назначение на фронт.

После окончания совещания к нам вышел плотный товарищ с серебристыми прядями волос, в зеленоватом френче, в галифе и в кожаных сапогах. «Голощекин»,— отрекомендовался он и с каждым поздоровался. «Ну вот что, вы, вероятно, с дороги устали. Я сейчас дам вам провожатого. Он вас проводит в пассажирские вагоны, где вы сможете отдохнуть. Завтра я буду у вас и сообщу, какая перед вами стоит задача и где вы будете работать. До свидания, товарищи!»

Дорогой от провожатого мы узнали, что Ф. И. Голощекин является членом Сиббюро ЦК партии.

Мы разместились в одном из пассажирских вагонов поезда, стоящего на подъездном пути, вдали от станции Бугульма. К нам пришел комендант поезда и объявил, что это поезд особого назначения. Днем выходить из него не разрешается, и лишь когда стемнеет, можно прогуливаться невдалеке. Наша группа состояла из 12 человек, во главе ее был член партии с 1915 г. В. В. Аристов. Мы догадались, что люди из этого поезда готовятся для выполнения каких-то особо важных заданий.

На другой день Ф. И. Голощекин пришел к нам. Он спросил о здоровье, как мы спали, не нуждаемся ли в чем-либо, шутил. Перейдя на более серьезный тон, он подробно, до мелочей,

[1] Автор несколько смещает события; группа, в которую входил он сам, прибыла примерно на полтора месяца позднее. *(Сост.)*

опросил нас и узнал биографии, делая некоторые пометки в блокноте.

В следующий раз он заявил:

— В поезде особого назначения находится не только ваша группа, но и другие товарищи, которым предстоит выполнение очень трудного и очень ответственного боевого задания. Сейчас я вам коротко его объясню. Ваша группа должна будет перебраться через фронт в тыл колчаковских войск. В городах, куда мы вас пошлем, вы должны будете связаться с большевистской подпольной организацией и работать под ее руководством. Кроме того, вы должны собирать разведывательные сведения. Почему мы поручаем именно вам, товарищи, выполнение этого важного дела? Да потому, что мы от ЦК партии получили извещение о том, что вы имеете опыт работы, хотя и небольшой.

Прежде чем вам решиться пойти на выполнение этого задания, вы должны все взвесить и продумать: хватит ли у вас силы и энергии, выдержат ли ваши нервы, чтобы с честью выполнить это важное партийное поручение? Кто не может — пусть лучше заранее скажет об этом. Вы не торопитесь с ответом. Я вам даю два дня для того, чтобы вы хорошенько и не спеша все продумали, а потом сообщили свое окончательное мнение.

Он тепло распрощался с нами и ушел.

Через два дня Ф. И. Голощекин пришел к нам за ответом. Не помню сейчас — не то два, не то три товарища из всей нашей группы сказали, что они по состоянию своего здоровья не смогут принять участие в выполнении задания. Они были направлены в действующие красноармейские части.

Почти каждый день Ф. И. Голощекин проводил с нами инструктаж. Он делился своим богатым опытом работы в большевистских подпольных организациях. Рассказывал нам об организационном строении партийных организаций, о вовлечении в ряды партии новых членов, о создании вокруг партийных организаций групп сочувствующих, о явочных квартирах, о создании склада оружия и подпольной типографии, о распространении листовок, партийной литературы, об изготовлении гектографа и поддельных документов. Говорил и о том, как надо осторожно подходить к товарищам при вовлечении их в партийные ряды или в группы сочувствующих, о необходимости чрезвычайно осторожно использовать все легальные возможности для большевистской агитации, о том, как нужно умело изворачиваться при допросах и как необходимо в это время быть начеку и находчивым, как с большой осторожностью надо проверять явочную квартиру и о многом другом.

В беседах с нами Голощекин рассказывал и о Ленине, о том, как он работал и действовал в разные периоды развития революционного движения, как под руководством Ленина готовилась и победила Великая Октябрьская социалистическая революция, о его борьбе со всякого рода оппортунистическими уклонами и о развитии им марксистской теории.

Вскоре штаб армии перебазировался в Чишму. Здесь мы впервые увидели В. И. Чапаева и М. В. Фрунзе, которые прибыли на совещание для разработки Уфимской операции.

Когда наша армия после ожесточенных боев заняла Уфу, нас переправили туда и поместили в гостиницу. В Уфе Голощекин явился к нам для последнего напутствия перед отправкой через линию фронта. Мне дали документ на имя Льва Владимировича Богословского, сына казанского священника, бежавшего при наступлении Красной Армии, рассказали об этом священнике и его семье. Голощекин объявил нам, что наша группа направляется в распоряжение Челябинской партийной подпольной организации. Мандаты о командировках были написаны от руки на маленьких лоскутах тонкой батистовой ткани с приложением печати. Эти лоскутки были скручены в тончайшие жгутики и тщательно зашиты в швы верхней одежды.

— Забудьте свои имя, отчество и фамилию,— сказал Голощекин,— а хорошо запомните свое новое имя, отчество и фамилию. Знайте их так, чтобы в любой ситуации вы могли точно и без запинок ответить. Надо также забыть и слово «товарищ», теперь вы «господа» и вокруг вас все «господа».

Потом руководителю нашей группы В. В. Аристову и его заместителю Н. Н. Фофанову сообщил адрес явочной квартиры и пароль. Сказал, что в ближайшее время наша группа будет переправлена через фронт. С каждым из нас он тепло простился.

Нашу группу из девяти партийцев отправили на железнодорожную станцию Вязовая. Предполагали перебросить нас за линию фронта во время боя. В бою под Вязовой мы, безоружные и в штатской одежде, все время находились на передовой линии, ожидая указания о переходе фронта, однако на этот раз нам перейти фронт не удалось. Переход фронта мы начали только после занятий нашими войсками Аша-Балашевской. По указанию комиссара 27-й дивизии ночью с надежным проводником — местным крестьянином — мы двинулись в путь по долине речки Аша. К утру, достигнув верховьев речки, мы подошли к горному хребту Кара-Тау. Отпустив проводника, мы перешли через этот горный хребет. В деревне Каменка мы решили отдохнуть. Вдруг в деревню влетела конница. Нас всех переловили. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что это была наша

красноармейская конная разведка. Так как мы не имели права никому, кроме комиссара дивизии, показывать свои мандаты, то нас как «буржуев-беженцев» арестовали и под охраной заперли в школе в соседнем селе. Оказалось, что, когда мы переходили фронт и двигались не по прямой линии, наши войска, быстро наступая, обогнали нас и заняли деревню Каменка.

Руководитель нашей группы В. В. Аристов добился, чтобы нас направили к комиссару дивизии. Вскоре после нашего прибытия в штаб туда приехал Голощекин. В беседе с нами он сказал, что, конечно, жаль, что так получилось, но это дело поправимо. А для нас это была генеральная репетиция.

— Вы приобрели некоторый опыт. Это была проверка на вашу стойкость и выдержку. Поэтому я считаю своим долгом, прежде чем вновь отправить вас за линию фронта, спросить о том, как вы перенесли этот переход, как вы себя чувствуете сейчас. Я также снова должен спросить вас о том, хватит ли у вас сил и энергии опять двинуться в опасный путь.

Два товарища ему заявили, что после неудачного перехода фронта они не смогут снова идти через фронт. Голощекин направил их в распоряжение штаба дивизии. Далее выяснилось, что он так же, как и мы, считает целесообразным производить посылку людей за фронт мелкими группами по два-три человека. Я и еще один товарищ, которого звали Сатыр, попали в группу, которой руководил уралец Н. Н. Фофанов. Фофанова и меня снова направили в распоряжение Челябинской партийной организации, а Сатыра — в распоряжение Омской татарской подпольной партийной группы.

Н. Н. Фофанов имел документы бухгалтера крупной казанской фирмы, у меня оставались прежние документы, а Сатыру был вручен документ, что он богатый казанский купец.

На этот раз для перехода через фронт мы избрали путь по долине бурной горной речки Юрюзань. В верховьях речки мы подошли к горе Завялихе. С нее спустились в долину и вышли на лесную дорогу. Нас здесь опять постигла неудача. Мы были задержаны местным партизанским отрядом и доставлены снова к комиссару дивизии. Посоветовавшись с комиссаром, мы решили дальше двигаться по лесным дорогам на лошади. В селе Александровка мы приобрели лошадь и старенький тарантас.

Мне достали справку-удостоверение крестьянина села Николаевка Шерстнева Петра Николаевича, где указывалось, что я был на фронте империалистической войны, ранен в бою при отступлении армии и попал в плен, в данное время возвращаюсь в родное село. Пришлось переодеваться в крестьянский наряд. На мне был потрепанный пиджак, старые заплатанные порты,

на голове поношенная крестьянская шапка, а на ногах — лапти. Я должен был изображать кучера, паренька-простачка, а мои седоки — буржуев-беженцев, спасающихся от «большевистского нашествия». Мне пришлось научиться правильно запрягать лошадь, узнать, в какое время ее кормить и поить и даже как по-крестьянски понукать. Мы тронулись в путь с желанием во что бы то ни стало переправиться через фронт и прибыть в Челябинск. Впереди нас на своей телеге ехал сопровождающий нас проводник-крестьянин. Перевалив какой-то горный кряж, покрытый густым лесом, выехали мы на степные просторы. Прибыли в татарский поселок. После отдыха снова двинулись в путь и проехали какую-то станицу, занятую каппелевской войсковой частью (каппелевцы имели особую воинскую форму). Ночью приехали в большую казачью станицу Кундравы, занятую сплошь казачьими частями. Здесь вместе с другими беженцами на открытом воздухе на небольшой площади остановились на ночевку.

С рассветом мы выехали из станицы. На тракте Кундравы — Челябинск мы вклинились в поток беженцев. Они двигались сплошной лентой, семействами, со своим имуществом на всякого рода повозках и экипажах. Мы благополучно прибыли в Челябинск и расположились вместе с другими беженцами под открытым небом, на пустыре вблизи железнодорожной слободы. Об остановке в гостинице или в каком-либо доме не могло быть и речи, так как Челябинск был переполнен беженцами.

На другой день Сатыр, распрощавшись с нами, ушел на вокзал: ему надо было добираться в Омск. Рано утром Фофанов отправился на явочную квартиру, а я остался возле тарантаса.

Фофанов долгое время не появлялся, и я уже начал беспокоиться. Он пришел лишь к пяти часам вечера, в руках был небольшой чемоданчик.

— Вот что,— тихо сказал он,— возьми мой чемоданчик и будешь сопровождать меня. Я сейчас попрошу соседей понаблюдать за нашей лошадью, а если она и пропадет, то черт с ней.

Переговорив с соседями, «хозяин» со мною, своим «слугой», двинулся в путь. Впереди шел он, а немного отстав, я шествовал за ним, неся его чемоданчик. По дороге я узнал от Фофанова, что мы направляемся в городскую баню. Недалеко от бани к моему «господину» присоединился хорошо одетый человек. В бане мы устроились в отдельный номер. Там мы больше совещались, чем мылись.

Выяснилось, что Н. Н. Фофанов с большой осторожностью наблюдал за небольшим деревянным домиком, где, по сообще-

нию Ф. И. Голощекина, помещалась явочная квартира. Ему показался этот домик подозрительным тем, что из него никто не выходил и туда никто не входил. У Фофанова уже лопалось терпение, и в конце концов он уже было решился войти туда. Но вспомнил указание Голощекина о необходимости с большой осторожностью понаблюдать за явочной квартирой. Вдруг Фофанов увидел, что из домика вышел человек. Он осмотрелся, раза два прошелся в одну и другую сторону улицы, затем направился к центру города. Фофанов с большой предосторожностью пошел за ним, не упуская его из виду. На многолюдной улице человек быстро вошел в подъезд двухэтажного каменного здания. Спустя немного времени Фофанов прошел мимо подъезда и увидел в нем часового. Было ясно, что это было какое-то учреждение колчаковцев. Значит, явочная квартира раскрыта белогвардейцами. Что делать? Раздумывая об этом, Фофанов шел в направлении нашего пристанища и вдруг неожиданно встретил своего знакомого. Это был его товарищ, тоже уралец, подпольщик Немых.

Однако, встретившись во вражеском стане, они, разговаривая, долго прощупывали друг друга. И здесь Фофанов, следуя советам Голощекина, что нельзя сразу доверяться в тылу врага ни одному человеку, хотя бы ранее и хорошо знакомому, проявил бдительность. Немых, наконец, открылся, что работал в Челябинской большевистской подпольной организации и по ее поручению выезжал из Челябинска. После возвращения узнал, что многие руководящие члены парторганизации арестованы. После этого Фофанов кратко рассказал Немых о себе. Для уточнения всех вопросов они и решили устроить встречу в бане.

Немых здесь подробно рассказал о разгроме парторганизации колчаковцами[1]. Далее он помог нам решить вопрос с жильем, за очень высокую плату в железнодорожной слободе была найдена комната у одной мелкой торговки. Там в качестве квартиранта поселился мой «хозяин», а я у этой же торговки устроился работником. Мне вместе с ней приходилось ездить

---

[1] В воспомииаииях Л. А. Виноградова допущеиа неточная оцеика состояния подпольяой работы летом 1919 г. в Челябинске. Как отмечали сами члеяы группы В. В. Аристова по возвращении в Сиббюро ЦК, они ие смогли связаться с большевистским подпольем города. Не мог посланцам бюро помочь и Немых (иастоящая фамилия этого революционера — Глухих), который ие был связая в это время с подпольщиками. Несмотря на неоднократные массовые провалы, большевики Челябинска, возглавляемые воссоздаииым общегородским комитетом, успешно действовали, готовили и провели в момеит подхода к городу 5-й армии граидиозное вооруженное восстаиие. *(Сост.)*

и грузить разные вещи, которые она по дешевке покупала у беженцев. Иногда я помогал ей торговать в ларьке.

Фофанов начал вести работу по воссозданию в Челябинске подпольной парторганизации, мне было поручено провести такую же работу в шахтерских поселках на расположенных около города угольных копях. Однако наши старания оказались безуспешными, так как Челябинск, его предприятия и копи были заняты отступавшими колчаковскими частями. Тогда мы оба переключились на работу по собиранию разведывательных данных.

После вступления Красной Армии в Челябинск все собранные данные разведывательного характера были переданы нами комиссару дивизии, занявшей этот город.

Вскоре в Челябинск прибыл Ф. И. Голощекин, он стал организатором Советской власти в городе и первым председателем ревкома. Сразу же под его руководством в городе была проведена мобилизация трудящихся в ряды Красной Армии.

В состав Челябинского ревкома был включен и я. При распределении обязанностей меня назначили организатором и заведующим губсобесом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы познакомились с воспоминаниями и очерками, в которых ярко повествуется о борьбе в тылу интервентов и белогвардейцев в восточных районах страны большевиков-подпольщиков, ставших на защиту революционных завоеваний нашего народа. Перед вашим взором прошла вереница ярких лиц, живых образов подпольщиков, беспредельно преданных идеалам коммунизма, подлинных патриотов родившегося в результате Октябрьской революции Отечества трудового народа.

Среди них были большевики-ленинцы с многолетней суровой дореволюционной подпольной выучкой, и молодые люди, только-только вступившие в сознательную жизнь, и высокообразованные интеллигенты, неразрывно связавшие свою судьбу с судьбой партии и народа, и простые крестьяне, представители различных национальностей. Всех их объединяло чувство партийного и гражданского долга, стремление отдать все свои силы, а если понадобится, не колеблясь, и жизнь во имя победы социалистической революции. Это были герои революционной эпохи, ленинская гвардия революционной борьбы.

Современное поколение советских людей приняло от героев Октября и гражданской войны, в том числе представителей партийного подполья в белогвардейском тылу, стремление к подвигам, беззаветному служению Родине, упорному труду, и это дало нам возможность достичь в исторически короткие сроки успехов во всех сферах человеческой деятельности.

Значительные успехи достигнуты и в районах, где самоотверженно действовали большевики-подпольщики, деятельность которых описана в этой книге,— на Урале, в Сибири. Неузнаваемо преобразились эти громадные районы страны. Урал, ставший опорным краем державы в трудную годину Великой Отечественной, является ныне одним из регионов-флагманов советской индустрии. Сибирь открывает советскому народу все новые

и новые богатства. Сибирь сегодня — это нефть, чугун, сталь, алюминий, каменный уголь, алмазы, лес, хлеб, машины и приборы, это край передовой науки и культуры.

Большевики-подпольщики Урала и Сибири, которым посчастливилось остаться в живых, после разгрома интервентов и белогвардейцев активно участвовали в борьбе за социалистические преобразования этих мест, закладывали основы современной экономики, науки, культуры. Они и на трудовом фронте действовали самоотверженно и вдохновенно, продолжали быть патриотами своей великой Родины.

Исторический XXVII съезд КПСС, январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинули грандиозные задачи по ускорению развития нашей страны, устранению негативных явлений и достижению новых рубежей. Особое место в этой связи отводится дальнейшему комплексному развитию экономики, науки, культуры, социальной сферы Урала и Сибири.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на встрече с руководителями средств массовой информации и пропаганды в феврале 1987 г. сказал: «И к 70-летию великой революции нашей не надо отодвигать в тень тех, кто революцию делал. Необходимо воспитывать людей на примере тех, кто положил жизни свои за революцию и социализм»[1].

Лучшая память о героях-подпольщиках — это стремление подражать им во всех делах, стремление нести дальше эстафету революционных, боевых и трудовых подвигов.

---

[1] Правда.— 1987.— 14 февр.

ПРИМЕЧАНИЯ

А. А. Чумак. «ПЕТР БОЛЬШОЙ»

С. 13. **Американская социалистическая партия (Социалистическая партия США)** — возникла в 1900—1901 гг. путем слияния социал-демократической партии (основанной Ю. Дебсом в конце XIX в.) и группы деятелей во главе с М. Хилквитом и М. Хейсом, вышедшей из Социалистической рабочей партии этой страны. В отличие от последней Социалистическая партия США уделяла значительное внимание связям с массовыми организациями рабочего класса — профсоюзами, активно участвовала в избирательных кампаниях, выступая с собственной программой. Внесла значительный вклад в пропаганду идей социализма среди рабочего класса, в антимонополистическую борьбу. Число членов этой партии за первые 10—11 лет ее существования достигло 120 тыс. Со временем к руководству партии пришли оппортунистические элементы, которые в 1912 г. на конференции провели резолюцию, отвергающую революционные методы борьбы. Большая группа представителей левого течения во главе с У. Хейвудом вышла из партии. Раскол в партийных рядах углубил разногласия, связанные с отношением социалистов к первой мировой войне и Великой Октябрьской социалистической революции. В 1919 г. представители вышедшего из Социалистической партии левого крыла образовали Коммунистическую и Коммунистическую рабочую партии США.

С. 14. **«Красное знамя»** — газета, начала издаваться с мая (18 апреля) 1917 г. как орган Владивостокского комитета объединенной социал-демократической организации. Затем с сентября по ноябрь 1917 г. являлась органом Дальневосточного бюро интернационалистов (большевиков) и Владивостокского комитета РСДРП(б), а с ноября того же года — орган Дальневосточного краевого бюро и Владивостокского комитета РСДРП(б). Редактором ее в 1917 г. были В. Г. Антонов, А. Я. Нейбут, П. М. Никифоров.

Володарский В. (настоящие имя и фамилия Гольдштейн Моисей Маркович) (1891—1918) — участник Великой Октябрьской социалистической революции. В 1905 г. вступил в Бунд, позже был меньшевиком. После Февральской революции примкнул к «межрайонцам», затем вступил в большевистскую партию. Делегат VI съезда РСДРП(б), член Петроградского комитета большевиков и президиума Петроградского Совета. После Октябрьской революции — комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор «Красной газеты». Делегат II — IV съездов Советов, член Президиума ВЦИК. 20 июня 1918 г. убит эсером-террористом.

Кушнарев И. Г. (1888—1926) — член КПСС с 1905 г. В 1917—1918 гг.— депутат Владивостокского Совета, член Дальневосточного краевого бюро

РСДРП(б), комиссар порта и железнодорожиого узла Владивостока. В 1919—1920 гг.— председатель Дальневосточиого подпольного комитета РКП(б). С марта по август 1920 г.— член Дальбюро РКП(б), в 1921—1922 гг.— представнтель правительства Дальневосточяой республики в Москве.

Никифоров П. М. (1882—1974) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1904 г. Рабочий. В 1904—1905 гг.— матрос Балтфлота, участник аосстания в Кронштадте, в 1910 г. приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги. После Февральской революции — член Иркутского Совета, член Дальневосточного краевого бюро большевиков, в конце 1917 — иачале 1918 г.— зам. председателя Владивостокского Совета, председатель Приморского областного Совета рабочего контроля. В июне 1918 г. арестоваи белогвардейцами. С февраля 1920 г.— члеи Владивостокского комитета РКП(б), в марте — ноябре — председатель Совета управляющих аедомствами Приморья. С марта 1920 г.— член Дальбюро РКП(б), в аагусте 1920 — апреле 1922 г.— член Дальбюро ЦК РКП(б), в ноябре 1920 — апреле 1921 г.— член правительства ДВР, с мая 1921 по сентябрь 1922 г.— Председатель Совета Министров ДВР. В последующие годы на государстаенной н дипломатической работе.

Вороиин А. А. (1881—1942) — член КПСС с 1900 г., активный участник революционного движения, много раз подвергался арестам и тюремному заключеиию. В 1917—1918 гг.— член Владивостокского Совета, один из организаторов отрядов Красной гвардии. Председатель первого подпольного Владивостокского комитета РКП(б). В 1919 г.— член Дальневосточного комитета РКП(б), заведующий его военным отделом. В 1921—1922 гг.— члеи Дальиевосточной контрольной комиссни при Дальбюро ЦК РКП(б).

Антонов В. Г. (1882—1967) — член КПСС с 1906 г. В 1917 г.— редактор газеты «Красное знамя» (Владивосток), в 1919—1920 гг.— нелегальиой газеты «Коммунист». В 1920—1921 гг.— член Приморского обкома РКП(б). Председатель Приморского Народного собрания.

18(5) сентября 1917 г.— в Никольск-Уссурийском начала работу не первая, а вторая Дальневосточиая кояференция РСДРП. Первая состоялась 1—4 июля того же года в Хабаровске (см.: Очерки нстории дальневосточных организаций КПСС (1917—1937).— Хабаровск, 1982.— С. 73—74). После ухода меньшевнков вторая Дальневосточная конференция РСДРП продолжала работу как первая Дальневосточная конференция РСДРП(б), положиашая начало оформлению самостоятельных большевистских организаций в крае (см.: Очерки истории дальневосточяых организаций КПСС.— С. 78—79, а также: Щ а г и н Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 — лето 1918 гг.).— М., 1974.— С. 160—161).

С. 15. **II Дальневосточная конференция РСДРП(б)** — состоялась 18—20 (5—7) октября 1917 г. во Владивостоке. Она завершила оформлеиие Дальневосточной большевистской оргаиизации, утвердила избирательную платформу и список кандидатов в Учредительное собрание, признала иедопустимым объединеиие на выборах с эсерами и меньшевиками. Конференция избрала краевое бюро РСДРП(б), которое устаиовило тесную саязь с Центральным Комитетом большевистской партии (см.: Очерки истории дальневосточных организаций КПСС, С. 80—81; Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями.— М., 1957.— Ч. I.— С. 389; Ч. II.— С. 30, 413).

С. 16. **Мятеж чехословацкого корпуса** — спровоцирован контрреволюционным офицерством и представителями Антанты. Начался 25 мая 1918 г. захаатом Мариинска. До конца мая белочешские войска прн поддержке местных эсеровских н белогвардейских отрядоа захватилн Челябинск, Ноаониколаевск, Пензу, Сызрань, Томск, а а нюне — Омск, Самару, Златоуст, Красноярск и Владивосток. Мятеж способствовал выступлениям российских

контрреволюционных организаций и образованию на захваченной мятежниками территории белогвардейских правительств, участвовавших в гражданской войне на востоке страны — от Поволжья до Приморья. Мятежники были связаны с английским десантом в Мурманске и контрреволюционными выступлениями в других районах страны.

Окулов А. И. (1880—1939) — участник борьбы за власть Советов в Сибири. Член КПСС с 1903 г. После Февральской революции один из организаторов Красноярского Совета, член Енисейского губкома РСДРП(б) и председатель губисполкома Енисейского Совета, затем председатель съезда Советов Средней Сибири. В 1918 г. участвовал в организации обороны Омска и Тюмени, затем член Реввоенсоветов Южного и Западного фронтов; член Реввоенсовета республики, член Ревтрибунала. В дальнейшем на советской и партийной работе. Был членом ВЦИК и членом Президиума ВЦИК.

С. 17. **I Сибирская подпольная конференция РКП(б)** — состоялась 18—22 августа (1—5 сентября) 1918 г. в Томске. По существу, это была Урало-Сибирская конференция, так как на ней, кроме сибирских организаций большевиков (Томска, Новониколаевска, Омска, Барнаула, Красноярска, Черемхова), были представлены два крупнейших центра Урала — Екатеринбург и Челябинск. Конференция приняла решение о переводе большевистских партийных подпольных организаций на военное положение, утвердила их устав, отвечающий условиям подполья, и избрала единый руководящий центр в лице Сибирского комитета РКП(б).

II Сибирская подпольная конференция РКП(б) — состоялась 23—24 ноября 1918 г. в Томске. В ней участвовали делегаты от Иркутска, Красноярска, Новониколаевска, Омска, Томска и Челябинска. Конференция вскрыла буржуазно-помещичью сущность колчаковщины и поставила главной задачей подготовку вооруженных восстаний в Сибири для восстановления власти Советов, высказалась против политических компромиссов с мелкобуржуазными партиями на основе принципов народовластия, выдвигаемых последними. Избрала областной подпольный комитет под председательством А. Я. Нейбута, назвав его ЦК РКП(б).

Рабинович М. М. (1889—1919) — участник борьбы за власть Советов в Сибири. До 1917 г.— член Бунда, затем большевик, член бюро профсоюза горнорабочих Сибири. В период белогвардейщины — один из руководителей большевистского подполья, член Сибирского подпольного комитета РКП(б). Расстрелян колчаковцами.

Суудер Г. Я. (1883—1919) — большевик, один из руководителей большевистского подполья в Сибири, член Сибирского подпольного комитета РКП(б). Умер в колчаковской тюрьме.

Русаков М. С. (? — 1919) — большевик, участник борьбы за власть Советов в Сибири, член Сибирского подпольного комитета РКП(б).

С. 18. **Сычев (Ф. Суховерхов) М. И.** (1883—1918) — активный участник борьбы за власть Советов в Сибири, член КПСС с 1904 г. До революции был более 10 раз арестован полицией. В 1917—1918 гг.— председатель областного бюро профсоюза горнорабочих Западной Сибири. На выборах в Учредительное собрание баллотировался по списку большевиков. Направлен ЦК РКП(б) в захваченную белогвардейцами Сибирь для организации большевистского подполья. Расстрелян белогвардейцами.

Голощекин Ф. И. (1876—1941) — партийный и государственный деятель, член КПСС с 1903 г. В 1917 г.— делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), II Всероссийского съезда Советов, член Петроградского ВРК, член ВЦИК. В конце 1917—1918 г. участвовал в борьбе за Советскую власть на Урале (секретарь Екатеринбургского комитета РСДРП(б) и в Сибири, член Сиббюро ЦК РКП(б). Делегат VII и VIII съездов РКП(б) (на последнем примкнул к «военной оппозиции»). В дальнейшем

на партийной, хозяйственной и советской работе. Член ЦК ВКП(б) (1927—1934) и ЦИК СССР.

С. 19. **Чунчин В. Я.** (? — 1919) — большевик. Один из организаторов большевистского подполья в Западной Сибири. Секретарь Омского подпольного комитета РКП(б). Погиб от рук колчаковцев.

А. И. Мельчин. АЛЕКСАНДР МАСЛЕННИКОВ

С. 20. **Крыленко Н. В.** (1885—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1904 г. В 1917 г.— член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), Исполкома Советов Северной области, Петроградского ВРК. Делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. В 1917—1918 гг. нарком — член Комитета по военно-морским делам, Верховный главнокомандующий. Руководил ликвидацией контрреволюционной ставки. С марта 1918 г. один из организаторов советского суда и прокуратуры. Председатель Ревтрибунала (с 1919 г.— Верховного ревтрибунала при ВЦИК). С 1931 г.— нарком юстиции РСФСР, с 1936 г.— нарком юстиции СССР. Член ЦКК ВКП(б) (1927—1934). Член Президиума ВЦИК, кандидат в члены ЦИК СССР в 1922—1931 гг. Руководил спортивными организациями.

Быстрянский В. А. (1885—1940) — советский историк, публицист. Член КПСС с 1907 г. Участник Великой Октябрьской социалистической революции. Делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. Был делегатом XIII, XV и XVI съездов партии. С 1922 г. на преподавательской и научной работе. Автор трудов по истории революционного движения и истории КПСС.

Вермишев А. А. (1879—1919) — член КПСС с 1903 г. В 1912—1914 гг.— сотрудник «Правды», «Просвещения». Участник революционного движения, Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В 1918—1919 гг. работал в комиссариатах труда, продовольствии и Центральной военно-революционной транспортной комиссии Союза коммун Северной области. С весны 1919 г.— военком в действующих частях Красной Армии, участник боев с войсками Юденича и Деникина. Раненным попал в плен к мамонтовцам и был зверски убит.

Назаретян А. М. (1889—1937) — советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1905 г. Участник борьбы за власть Советов на Кавказе. В 1918—1919 гг.— нарком труда, заместитель Председателя СНК Терской республики. В 1920—1922 гг.— член и секретарь Кавказского бюро ЦК РКП(б), член ревкома Грузии, затем ЦК КП(б) Грузии. С 1922 г.— в ЦК РКП(б) и редакции «Правды». С 1924 г.— секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), председатель ЦКК и нарком РКИ ЗСФСР. С 1931 г.— в НК РКИ СССР. Член ЦКК партии с 1924 г., с 1926 г.— член ее президиума. Член ЦИК СССР.

Карахан (Караханян) Л. М. (1889—1937) — советский государственный деятель, член РСДРП с 1904 г., с июля 1917 г. большевик. Участник Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского ВРК. Секретарь советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. В 1918—1920 гг.— член коллегии, зам. наркома иностранных дел. В 1921 г.— полпред в Польше, с 1923 г.— в Китае, затем в Турции. Член ЦИК СССР.

Мехоношин К. А. (1889—1938) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1913 г. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член Петроградского ВРК и его комиссар при штабе Петроградского военного округа. Делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. После Октябрьской революции — зам. наркома по военным делам, член Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии. В годы гражданской войны — член РВС ряда армий и фронтов, член Реввоенсовета

республики. В дальнейшем во Всевобуче, Осоавиахиме, Наркомате связи и на научно-педагогической работе.

Анвельт Я. Я. (1884—1937) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1907 г. Один из руководителей Октябрьской революции в Эстонии. Делегат II Всероссийского съезда Советов. Член ВРК и Исполкома Советов Эстонского края. С февраля 1918 г.— военный комиссар Северо-Западной области, затем нарком по делам национальностей Северной области. С ноября 1918 г.— член Временного Эстляндского ревкома, председатель и зав. военным отделом Совета Эстляндской трудовой коммуны. С 1920 г.— член ЦК КП Эстонии, с 1921 г.— в подполье в буржуазной Эстонии. Делегат III конгресса Коминтерна. С 1921 г. на партийной и военной работе.

Придворов Е. А. (псевдоним Демьян Бедный) (1883—1945) — русский советский писатель, общественный деятель, один из зачинателей социалистического реализма в поэзии. Член КПСС с 1912 г. С 1912 г. печатался в «Правде», а с 1918 г.— в газете «Беднота». Делегат VI съезда РСДРП(б). В годы гражданской войны неоднократно выезжал на фронты, писал листовки, пользующиеся популярностью красноармейские песни, сатиры на белогвардейцев, антирелигиозные стихи. С 1918 по 1921 г. его книги и брошюры изданы тиражом около 5 млн. экземпляров. В 1923 г. награжден орденом Красного Знамени. В годы Великой Отечественной войны печатался в «Правде», Окнах ТАСС.

С. 21. **Спандарян С. С.** (1882—1916) — деятель российского революционного движения, литературный критик. Член КПСС с 1901 г., большевик. Активный участник революции 1905—1907 гг. В 1912—1913 гг.— член ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП. Автор ряда статей по эстетике.

Петровский Г. И. (1878—1958) — советский государственный, партийный деятель. Член КПСС с 1897 г. Участник революции 1905—1907 гг. Депутат IV Государственной Думы, председатель фракции большевиков. В 1912 г. кооптирован в ЦК РСДРП. Участник Октябрьской революции. После ее победы — нарком внутренних дел РСФСР. С 1919 г.— председатель Всеукраинского ревкома. В 1919—1938 гг.— председатель ВУЦИК, а с 1922 г.— один из председателей ЦИК СССР. Член ЦК партии в 1921—1939 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК в 1926—1939 гг. Депутат Верховного Совета СССР в 1937—1946 гг.

С. 25. **Временное Сибирское правительство** — контрреволюционная белогвардейско-эсеровская организация, нелегально созданная в Томске 27 января (9 февраля) 1918 г. на конспиративном совещании членов Сибирской областной думы, накануне закрытой Томским Советом. Вскоре в связи с установлением Советской власти в Западной Сибири члены этого правительства во главе с правым эсером П. Я. Дербером перебралось в Харбин, а оттуда в мае 1918 г. во Владивосток под охрану войск интервентов. Другая его часть оставалась на нелегальном положении в Томске. После захвата Томска белочехами и белогвардейцами правые эсеры — члены этого правительства объявили о создании Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. В июне 1918 г. группа других членов Временного Сибирского правительства, оставшихся в Томске, сформировала новый состав правительства во главе с П. В. Вологодским. В то же время основной состав правительства, находившийся во Владивостоке, после занятия города белочехами объявил себя «центральной властью Сибири». Конкурируя между собой по вопросу о приоритете власти, все эти группы и организации проводили одинаково реакционную политику реставрации старых дореволюционных порядков. 3 ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство опубликовало декларацию о передаче власти Уфимской директории.

Сибирская армия (белогвардейская) — создана в июне 1918 г. в Новониколаевске по распоряжению Временного Сибирского правительства под наименованием Западно-Сибирской армии. Название Сибирской армия получила

с конца июля 1918 г. В июне — декабре 1918 г. штаб Сибирской армии одновременно выполнял функции штаба всех белогвардейских вооруженных сил Сибири. После учреждения в декабре 1918 г. ставки «Верховного главнокомандующего» Колчака Сибирская армия была расформирована (см.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия.— М., 1983.— С. 537).

Директория — «Временное Всероссийское правительство», антисоветский орган, созданный 23 сентября 1918 г. Уфимским государственным совещанием. 9 октября 1918 г. директория переехала из Уфы в Омск. Своей политикой Уфимская директория способствовала непосредственному установлению в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке режима военной диктатуры адмирала Колчака.

Болдырев В. Г. (1875 — после 1932) — генерал-лейтенант царской армии, один из руководителей контрреволюции на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1918 г. состоял в руководстве «Союза возрождения России», был членом «Национального центра», Уфимской директории и главнокомандующим ее войсками. После колчаковского переворота (18 ноября 1918 г.) выслан в Японию. С января 1920 г. во Владивостоке — командующий вооруженными силами Временного правительства — Приморской областной земской управы и управляющий ее военно-морским ведомством. После меркуловского переворота во Владивостоке (18 июня 1921 г.) — председатель «Русско-японской согласительной комиссии», член президиума и товарищ председателя Народного собрания. 5 ноября 1922 г. (после освобождения Владивостока от белогвардейцев) арестован, в тюрьме заявил о своем желании служить Советской власти; в 1926 г. амнистирован. Написал книгу воспоминаний «Директория. Колчак. Интервенты» (Новониколаевск, 1925). О его последующей жизни и деятельности в советской Сибири рассказано в романе С. Залыгина «После бури», где он фигурирует под фамилией Бондарина.

С. 26. **Красильников И. Н.** (1888—1920) — войсковой старшина, белоказачий атаман, один из активных участников колчаковского переворота.

Государственный переворот адмирала Колчака — произошел 18 ноября 1918 г. в Омске. Он выразился в разгоне Директории и передаче всей полноты власти Колчаку, объявленному «Верховным правителем России». Омский (колчаковский) переворот был апогеем неизбежной в условиях острейшей гражданской войны смены «демократической» (эсеро-меньшевистской) контрреволюции буржуазно-помещичьей (кадетско-монархической). Политическими дирижерами переворота была, с одной стороны, партия кадетов, с другой — командующие войсками Антанты в Сибири — французский генерал М. Жанен, американский генерал У. Гревс, американский адмирал О. Найт, английские генералы А. Нокс и Д. Уорд, а непосредственными исполнителями — монархически настроенная верхушка Омского гарнизона и Сибирского казачьего войска. Тот факт, что Колчак, став диктатором, обрушил репрессии и на тех, кто проложил ему путь к власти, весьма примечателен как наглядное свидетельство неизбежного провала «третьего пути», «третьей силы» (см.: Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах.— М., 1983).

С. 32. **III Сибирская подпольная конференция РКП(б)** — состоялась в Омске 20—21 марта 1919 г. В ней участвовали представители Благовещенска, Верхнеудинска, Владивостока, Иркутска, Красноярска, Новониколаевска, Омска, Томска, Тюмени, Челябинска и Читы. Основное внимание конференция уделила организации партизанского движения и вовлечению в него широких масс трудового крестьянства. Она выработала инструкцию для партийных комитетов по организации и тактике партизанского движения, утвердила Устав РКП(б) для Сибири и Урала, в котором предусматривалось создание в составе Сибирского областного комитета Уральского и Восточно-Сибирского бюро РКП(б), избрала обком в составе: А. П. Вагжанов, И. С. Дерябина,

А. А. Масленников, М. С. Русвков, Х. Я. Суудер, А. Н. Усов. Вскоре после конференции почти все члены обкома были арестованы и казнены белогвардейцами.

И. А. Кузнецов. НОЧЬ НА 1 ФЕВРАЛЯ

С. 36. **Закупсбыт** — общесибирское объединение потребительской кооперации. Союз кооперативных союзов. Создано 16 августа 1916 г. в Новониколаевске.

Закупсбыт начал работу с капиталом в 10 тыс. руб., взятых взаймы у Московского народного (кооперативного) банка, а в начале 1918 г. он уже имел собственный капитал в 25,5 млн. руб. Закупсбыт имел агентства и за рубежом: в Англии, Швеции, США, Китае, Японии. По социально-классовому составу это была мелкобуржуазная организация. Закупсбыт и другие объединения кооперативов оказали огромную материальную поддержку белогвардейцам, а аппарат сибирской кооперации явился легальным центром объединения всех антисоветских сил (см.: Щагин Э. М. Классовая борьба в деревне Дальнего Востока весной — летом 1918 г.//Крестьянство Дальнего Востока СССР (19—20 вв.).— Владивосток, 1979.— С. 92—94).

С. 40. **Бегство Колчака** — со своим «правительством» в ноябре 1919 г. из Омска на Восток было результатом блестяще проведенной советскими войсками Восточного фронта Омской наступательной операции (9—18 ноября 1919 г.). В ней участвовали 5-я и 3-я армии (командующие М. Н. Тухачевский и М. С. Матиясевич). Из-за усилившегося разложения своих армий Колчак вынужден был отказаться от обороны своей столицы и бежал на восток, захватив лишь членов «правительства» и золотой запас страны. 14 ноября 1919 г. 27-я стрелковая дивизия 5-й армии, совершив за сутки марш-бросок в 100 км, с ходу форсировала Иртыш и ворвалась в Омск. Колчаковский гарнизон (численностью свыше 30 тыс. человек) сдал город без боя. Успех Омской операции создал весомые предпосылки для освобождения всей Сибири от белогвардейцев и интервентов. Колчаковская армия как организованная сила фактически перестала существовать. За вклад в успех операции 27-я дивизия была награждена Почетным революционным Красным Знаменем ВЦИК, Красным Знаменем Сибревкома и получила наименование Омской (см.: Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 2.— М., 1986.— С. 227—228).

Е. С. Гуревич. АПРЕЛЬСКИЙ ПРОВАЛ

С. 44. **Больничные кассы** — органы страхования рабочих в капиталистических странах, выплачивающие пособия по болезни в основном из средств, вносимых самими рабочими. В России созданы по закону 1912 г. при фабриках и заводах под непосредственным контролем владельцев. Использовались большевиками в качестве легальных организаций рабочего класса для ведения разъяснительной работы среди трудящихся. При белогвардейцах работа больничных касс возобновилась. Большевики-подпольщики в условиях колчаковщины не менее успешно, чем до революции, использовали больничные кассы, а также рабочий Красный Крест как легальные каналы распространения своего влияния в массах и для оказания помощи заключенным (см. об этом: Элеш В. Записки подпольщика.— Владивосток, 1965.— С. 42, 45).

С. 46. **Переселенческий пункт** — учреждение ведомства, занимающегося вопросами организации передвижения и размещения переселенцев, направляющихся на постоянное жительство в малонаселенные окраинные мест-

ностн страны. Сеть этих пунктов в Сибири и на Дальнем Востоке значительно выросла в связи с проведением столыпинской аграрной реформы. В усло виях колчвковщины переселенческие пункты вновь, как и до революции, оказвлись в ведении министерства земледелия.

С. 47. **Рабочий Красный Крест** — легальная органнзация рвбочих при добровольном обществе помощи больным, действоввшвя во многих городах Сибири и Двльнего Востока при участии профсоюзов под руководством большевикоа-подпольщиков. Рвботники Красного Крествв проникали в тюрьмы, концентрвционные лагеря и «поезда смерти», окружали заботой не только бывших советских работников и их семьи, но и врестованных чехословацких солдат, которые отказвлись участвовать а гражданской войне на стороне белогвардейцев, помогали организовывать побеги заключениых.

Ширямов А. А. (1883—1955) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1900 г. В 1917 г.— председатель Объединенного комитета РСДРП и председатель Совета на Арбагорских угольных копях. С 1918 г.— председатель Забайквльского областного горного Совета и член облисполкома Советов. На Семеновском фронте — командир крвсногвардейского отряда. После падения Советской власти в Сибири нвходился в партийном подполье. Один из организаторов пвртизвнского движения в Сибири и на Дальнем Востоке. С ноября 1919 г.— председатель Сибирского обкома РКП(б). С января 1920 г.— председатель Иркутского ВРК, в затем Совета. В марте — мае 1920 г.— член Двльбюро РКП(б), член Военного советв НРА ДВР. С июня 1920 г.— председатель Омского ревкома, член губкома РКП(б), делегвт X съезда РКП(б). С 1921 г. на партийной, хозяйственной и научной рвботе.

С. 48. **Иркутский подпольиый губком большевиков** — после разгрома колчаковцами восстановлен летом 1919 г. Председатель К. П. Миронов. Руководил деятельностью подпольных партийных групп, созданных во многих населенных пунктах губернии: Черемхове, Слюдянке, Листвянке, Зиме, Нижнеудинске и др.

Дальневосточый областной комитет партии (большевиков) — создан по решенню совещания партийного актива Владивостока и Никольск-Уссурийского, состоявшегося по иницивтнве Владивостокского комитета 22 декабря 1918 г. Первым председателем был М. Э. Дельвнг, в с начала 1919 г.— И. Г. Кушнарев. Руководнл деятельностью подпольных комитетоа и групп Хабароаска, Никольск-Уссурийского, Благовещенска и других городов, забастовками рвбочих, партизанским движением в крае.

А. Я. Климов. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АЛЕКСАНДРА УСОВА

С. 49. **Коммерческое училище** — в дореволюционной России среднее учебное заведение, готовнвшее учащихся для торгово-промышленной деятельности и поступления в высшие коммерческие и технические учебные звведения.

Бах А. Н. (1857—1946) — русский революционер, ученый, с 1929 г.— вкадемик АН СССР. Член Киевской народовольческой группы, вел революционную пропаганду среди рабочнх. После нескольких арестов жил на нелегальном положении в Ярославле, Казани. Чнтал рабочим лекции, пропагандируя идеи социализма и популярно излагвя зкономическое учение К. Марксв. На основе этих лекций написал брошюру «Царь-голод» (1883), размноженную казанскимн народниками на гектографе, а затем в 1905 г. издвнную легально. С 1885 г.— в змиграции. Занимался научной деятельностью. С 1905 г.— член партни зсеров. В годы первой мировой войны — оборонец. После Февральской революции вернулся в Россию. В 1918 г. пораал с зсерами. В соаетское время продолжал плодотворную научную и общественную деятельность.

Железнов В. Я. (1869—1933) — русский экономист буржуазно-демократического направления. Его воззрения эклектичны. Выступал за проведение социальных реформ, сочувствовал марксизму.

Туган-Барановский М. И. (1865—1919) — русский экономист и историк, один из представителей «легального марксизма», впоследствии открытый защитник капитализма. В конце 1917 — январе 1918 г.— министр финансов контрреволюционной Украинской Центральной рады.

Степняк-Кравчинский С. М. (настоящая фамилия Кравчинский) (1851—1895) — революционер-народник, писатель, член «Большого общества пропаганды» (кружка «чайковцев»), участник «хождения в народ». В 1878 г. примкнул к организации «Земля и воля». В эмиграции основал «Фонд вольной русской прессы». Автор очерков «Подпольная Россия», «Россия под властью царей», романа «Андрей Кожухов», повестей, драм.

С. 50. **Центральное бюро профсоюзов Владивостока** — руководящий центр профсоюзных организаций города, объединявший рабочих и служащих различных профессий и ведомств. В условиях белогвардейского режима использовался местными большевиками в качестве легального органа распространения своего влияния на широкие слои трудящихся.

Раев Г. Ф. (1885—1923) — член КПСС с 1904 г. В 1917—1918 гг.— председатель Центрального бюро профсоюзов Владивостока, член Владивостокского комитета большевиков и Совета, делегат II Всероссийского съезда Советов. В 1918—1920 гг. был во владивостокском подполье, один из организаторов партизанского движения в Приморье, член подпольного комитета РКП(б) и партийного ревштаба.

Органы местного самоуправления — земские собрания и их управы, городские думы и их управы. Созданы в результате буржуазных городской и земской реформ, проведенных в 60-х гг. XIX в. При Советской власти как органы буржуазной власти были упразднены. Рассматривая их как органы пресловутого народоправства, эсеры и меньшевики, оказавшиеся после белогвардейского мятежа у власти, восстановили их, а в Приморье передали власть в руки Приморской областной земской управы.

В. А. Орлова. ЗАПИСКИ О ПРОШЛОМ

С. 53. **Максималисты** — с 1904 г. фракционная группа партии эсеров. В 1906 г. самостоятельная партия («Союз социалистов-эсеров-максималистов»). Игнорируя буржуазно-демократический этап революции, максималисты настаивали на немедленной реализации эсеровской программы-максимум: проведение одновременно социализации как земли, так и фабрик и заводов. Решающую роль в социалистическом перевороте они отводили «инициативному меньшинству» — заговорщической организации, опиравшейся на все «трудовое крестьянство». В вопросах тактики придерживались индивидуального террора и экспроприации. Во время Октябрьской революции признали Советскую власть, участвовали в работе Всероссийских съездов Советов (со II по VII), входили во ВЦИК и местные Советы. Но не признавали диктатуры пролетариата, отрицали необходимость централизации управления экономикой страны, выступали против Брестского мира, в годы гражданской войны участвовали в антисоветских мятежах. Противопоставляя Советскую власть большевизму, в 1919 г. выдвинули лозунг «Власть Советам, но не партиям», ставший знаменем мелкобуржуазной контрреволюции. В связи с падением влияния в массах партия расслоилась, левая ее часть вышла из союза, приняла решение о самороспуске и вступлении в РКП(б). Правое большинство продолжало борьбу против диктатуры пролетариата, создав в 1922—1923 гг. блок с левы-

ми эсерами. В 1923 г. объединение этих организаций прекратило деятельность.

Эсеры (партия социалистов-революционеров) — левая буржуазно-демократическая партия в России, возникшая в 1901 г. Выражала интересы мелкой городской и сельской буржуазии. До 1917 г. действовала нелегально. Эволюционировала от мелкобуржуазной революционности (на этапе буржуазно-демократической революции) к союзу с буржуазно-помещичьей контрреволюцией в условиях социалистической революции. Основные требования программы эсеров: демократическая республика, политические свободы, социализация земли, рабочее законодательство. Основной метод борьбы — индивидуальный террор. Лидеры: В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, А. Р. Гоц и др. После Февральской революции вместе с меньшевиками эсеры составляли большинство в Советах, с мая 1917 г. входили во Временное правительство. В июльские дни открыто перешли на сторону контрреволюции и стали быстро утрачивать влияние на массы крестьянства. В связи с этим внутри партии усилилось левое течение, которое в конце 1917 г. создало самостоятельную партию левых эсеров. После Октябрьской революции партия эсеров выступала в качестве организатора антисоветских мятежей, активного участника почти всех контрреволюционных правительств. После гражданской войны партия эсеров распалась.

Левые эсеры — мелкобуржуазная партия в России (до декабря 1917 г. левое крыло партии эсеров). Лидеры: Б. А. Камков, М. А. Спиридонова, М. А. Натансон и др. Участвовали в Октябрьском вооруженном восстании. Входили в состав Петроградского и других ВРК, а затем во ВЦИК и Совнарком. С начала 1918 г. противники Брестского мира, а затем продовольственной диктатуры и создания комбедов в деревне. В июле 1918 г. подняли мятежи в Москве, а затем в Поволжье, после подавления которых из их рядов выделились партии «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов». Утратив влияние на крестьян, партия левых эсеров прекратила существование после окончания гражданской войны.

Меньшевики — сторонники существовавшего сначала как основное оппортунистического реформистского мелкобуржуазного течения в российской социал-демократии. Оформились на II съезде РСДРП (1903 г.) после того, как противники ленинских принципов построения партии нового типа оказались в меньшинстве при выборах центральных органов партии. Считая, что буржуазия является главной движущей силой буржуазно-демократических революций и в эпоху империализма, а крестьянство — реакционной силой, меньшевики выступали против гегемонии пролетариата, отрицали возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, отрекались от революционных методов борьбы. Пытались оформиться в самостоятельную партию РСДРП (меньшевиков), но, не будучи идейно едиными, постоянно дробились на группировки. В годы первой мировой войны большинство меньшевиков находилось на позициях социал-шовинизма. В 1917 г., накануне социалистической революции, крайне правое крыло меньшевиков сомкнулось, как и правые эсеры, с кадетами, левое же, сравнительно малочисленное («межрайонцы» и др.), примкнуло к большевикам. В июльские дни открыто перешли в лагерь контрреволюции. После Октябрьской революции стали участниками борьбы против Советской власти, пособниками белогвардейцев. После окончания гражданской войны меньшевики как партия прекратили существование. Остатки ее продолжали антисоветскую деятельность за рубежом.

Интернационалисты (меньшевики-интернационалисты) — левое крыло меньшевизма, возникшее в годы первой мировой войны. Выступали против войны и социал-шовинизма, но не шли на организационный разрыв с меньшевиками-оборонцами. Входили в состав «межрайонцев», «объединенных

социал-демократов», группируясь вокруг газеты «Новая жизнь». После июльских дней 1917 г. порвали с оборонцами, стали ядром РСДРП (интернационалистов) — партии, созданной на Учредительном съезде в феврале 1918 г. в Петрограде. Эта партия ратовала за прекращение войны путем давления на империалистические правительства, отрицала социалистический характер Октябрьской революции, характеризуя ее как «заговор большевиков», но осуждала антисоветскую деятельность правых меньшевиков и эсеров. После заключения Брестского мира и начала гражданской войны и интервенции основная часть партии была на стороне Советской власти, правые вышли из партии. В декабре 1919 г. члены РСДРП (интернационалистов) были приняты в РКП(б).

Анархисты — сторонники мелкобуржуазного политического течения, в основе которого лежали идеи: отрицания всякой государственной власти, всех форм политической борьбы, организации общества путем «вольной федерации» промышленных и земледельческих ассоциаций, абсолютной личной свободы граждан. Зародилось в России в конце 60— начале 70-х гг. XIX в. В 1917 г. анархизм был представлен двумя основными течениями: анархизмом-коммунизмом и анархо-синдикализмом, распространенными в мелкобуржуазной среде и в небольшой части рабочих и матросов. Часть анархистов участвовала в Октябрьской революции, но большинство не приняло ее и выступало против дисциплины труда, против создания регулярной Красной Армии, защищало партизанщину и оправдывало дезертирство. В дальнейшем часть их перешла на сторону Советской власти, другая ушла в подполье, участвуя в террористических актах, антисоветских движениях — махновщине на Украине, тряпицыне на Дальнем Востоке, пережогинщине в Забайкалье. В 1921—1922 гг. анархизм перестал быть политическим течением и выродился в анархо-бандитизм. Логическим завершением эволюции многих анархистов был отказ от догм анархизма, переход на позиции марксизма и вступление в ряды РКП(б).

С. 55. **Шнейдер А. Д.** (?—?) — весной 1918 г. член Красноярского горкома РКП(б), при белогвардейцах — в большевистском подполье, член Омского горкома партии.

С. 57. **Соболевский Г. К.** (1892—1957) — член КПСС с 1910 г., член Центросибири, член Западно-Сибирского областного Совета, при белогвардейцах находился в тюрьме, после побега — в большевистском подполье.

С. Г. Черемных. НИНА ЗАЛИВИНА

С. 65. **Мещеряков Н. Л.** (1865—1942) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1901 г., в революционном движении с 1885 г. В 1917 г.— член Московского окружкома РСДРП(б), председатель Московского губернского Совета рабочих депутатов. В 1918—1922 гг.— член редколлегии «Правды». В 1920—1924 гг.— председатель правления Госиздата. В дальнейшем на партийной и научной работе. Член-корреспондент АН СССР (1939).

С. 66. **Никандров Н. Н.** (настоящая фамилия Швецов) (1873—1964) — русский советский писатель. Автор рассказов и новелл о жизни рыбаков, городского мещанства, сборника «Береговой ветер» (1964).

Подъячев С. П. (1866—1934) — русский советский писатель. Член КПСС с 1918 г. Автор многих художественных произведений о положении трудящихся в дореволюционной России, о росте их политического сознания, а также автобиографической повести «Моя жизнь» (в 2 кн., 1929—1932).

Гладков Ф. В. (1883—1958) — русский советский писатель, член КПСС с 1920 г. Автор романов «Цемент», «Энергия» и автобиографической трилогии «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година». Удостоен Государственной премии СССР в 1950 и 1951 гг.

С. 67. **Гильфердинг Р.** (1877—1941) — один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала. В книге «Финансовый капитал» (1910) дал, по определению В. И. Ленина, ценный теоретический анализ империализма, проявив в то же время «известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 27.— С. 309). Враждебно относился к Советской России и диктатуре пролетариата.

«Красноярский рабочий» — газета, основана в 1905 г. В 1917 г.— орган большевиков Сибири. С 8(21) марта выходила ежедневно. Редакторы: Я. Е. Боград, Ф. К. Врублевский, Я. Ф. Дубровинский, А. И. Окулов и др. С марта по октябрь 1917 г. в газете напечатано 35 статей и выступлений В. И. Ленина.

С. 68. **Сахьянова М. М.** (1896—1981) — член КПСС с 1916 г. В 1917—1918 гг.— член и секретарь Иркутского комитета РСДРП(б), руководитель Бурятской группы при Центросибири. В 1919—1920 гг.— секретарь подпольного Дальневосточного комитета РКП(б).

Шумятский Ф. В. (1887—1937) — член КПСС с 1904 г. В 1917—1918 гг.— член Центросибири и исполкома Владивостокского Совета. При белогвардейцах участвовал в большевистском подполье Владивостока, один из организаторов партизанского движения в Приморье.

С. 70. **Японское выступление в Приморье 4 — 5 апреля 1920 г.**— внезапное нападение японских войск на партизан и жителей городов Приморья с целью разгромить их и местные коммунистические организации, чтобы поставить у власти белогвардейских марионеток. Оно начало готовиться в марте 1920 г. с ведома империалистов США, Англии и Франции, предоставивших японским милитаристам свободу действий. Выступление состоялось одновременно в ночь с 4 на 5 апреля во Владивостоке, Никольск-Уссурийском, Спасске, Хабаровске, Раздольном и других городах. В результате вероломного нападения в городах края погибло свыше 5 тыс. человек. Зверскую расправу японские интервенты и белогвардейцы учинили над многими коммунистами: погибли члены Приморского Военного совета С. Лазо, А. Луцкий, В. Сибирцев, а также партизанский командир А. Андреев. Но полностью реализовать свои цели японскому командованию не удалось, так как коммунисты Приморья ушли в подполье и вывели революционные войска из городов в сельские районы, сохранив силы для дальнейшей борьбы.

С. Г. Черемных. ЕЛЕНА-АВГУСТА

С. 71. **Учредительное собрание в России** — парламентское учреждение, создаваемое на основе всеобщего избирательного права для установления в соответствии с буржуазно-правовыми взглядами формы правления и выработки конституции. Лозунг созыва Учредительного собрания был включен в 1903 г. в программу РСДРП. Широкое распространение получил в период революции 1905—1907 гг. После Февральской буржуазно-демократической революции, когда возникли условия для ее перерастания в революцию социалистическую, Ленин установил, что государственной формой диктатуры пролетариата должны стать Советы и что парламентарная республика с Учредительным собранием была бы шагом назад. Но лозунг Учредительного собрания партия большевиков не отбросила, поскольку он пользовался еще популярностью среди широких, преимущественно мелкобуржуазных масс. Если буржуазные и мелкобуржуазные партии, находясь у власти, всячески оттягивали выборы в Учредительное собрание, то большевики, став правящей партией, от лица Советского правительства подтвердили дату проведения выборов 12(25) ноября 1917 г. В большинстве округов страны выборы состоялись в намеченный срок. И хотя на выборах большинство голосов получили пред-

ставители мелкобуржуазных партий, Советское правительство выполнило свое обещание созвать Учредительное собрание. После того как эсеро-меньшевистское большинство собрания на заседании 5 января 1918 г. отказалось обсуждать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», не признало декреты Советской власти о мире и земле, депутаты-большевики, а за ними и левые эсеры покинули зал заседаний. Декретом ВЦИК от 6 января Учредительное собрание было распущено.

Социалистический союз рабочей молодежи в Петрограде в 1917—1918 гг. — один из предшественников комсомола.

С. 81. **Политцентр** — эсеро-меньшевистская организация, созданная в Иркутске в ноябре 1919 г. Его председателем был эсер Ф. Ф. Федорович. 5 января 1920 г. захватил власть после освобождения города от колчаковцев. 22 января передал всю полноту власти Иркутскому ВРК.

С. 83. **Померанцева А. В.** (1881—1967) — член КПСС с 1903 г., член Енисейского губернского и Красноярского городского Советов, редактор газеты «Красноярский рабочий» (1917—1918). При белогвардейцах была арестована и заключена в тюрьму, затем находилась в большевистском подполье.

Кононинский К. И. (1890—1940) — участник борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке, член КПСС с 1907 г. В условиях ДВР председатель Дальневосточного Совета профсоюзов, с сентября 1922 по 1923 г. — член Дальбюро ЦК РКП(б).

Фаерман Е. А. (? — ?) — участница борьбы за власть Советов в Сибири, член КПСС с 1919 г. В 1918 г. член Минусинского Совета. При белогвардейцах находилась в тюрьме, затем в большевистском подполье.

Буров В. И. (? — ?) — член КПСС с 1916 г. Участник борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. При колчаковщине — один из руководителей партизанского движения в Иркутской губернии. В 1920 г. — начальник Иркутской стрелковой дивизии, был некоторое время военным министром и членом Военного совета ДВР.

Е. М. Кужелева. ТЕТУШКА ВАРВАРА

С. 88. **Клипов В. М.** (1885—1972) — член КПСС с 1906 г., активный участник борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1918 г. — член президиума Центросибири, входил в состав правительственной комиссии по разгрузке Владивостокского порта. В период колчаковщины — в партийном подполье Читы, затем Омска.

С. 90. **Эмиссар Сибирского правительства** — представитель правительства на местах — в губерниях, областях. Институт эмиссаров Сибирское белогвардейское правительство ввело по образу и подобию буржуазного Временного правительства.

С. 92. **Сахаров К. М.** (1881 — ?) — белогвардейский генерал-лейтенант. Участник корниловского заговора (август 1917 г.). В 1918 г. направлен Деникиным к Колчаку. У Колчака — начальник штаба, командующий армией, затем командующий Восточным фронтом. В связи с поражением в декабре 1919 г. арестован и заменен генералом Каппелем. Служил у атамана Семенова. После гражданской войны находился в белоэмиграции. В 1923 г. в Мюнхене опубликовал воспоминания «Белая Сибирь».

С. 93. **Приморская областная конференция РКП(б)** — 10—11 июля 1920 г. состоялась во Владивостоке. На ней присутствовали представители Владивостока, Никольск-Уссурийского, Сучана, Спасска, Хабаровска, Харбина и Ольги. Обсуждались вопросы: о текущем моменте, о положении Советской России, о деятельности Дальбюро и доклады с мест. Конференция одобрила тактику предотвращения конфликта Советской России с Японией путем

строительства государства-«буфера», подчеркнув необходимость быть по данному вопросу «в согласии с директивами Центра». Для скорейшего разрешения вопроса об объединении областей Дальнего Востока она постановила направить в Верхнеудинск (где еще в апреле 1920 г. на съезде трудящихся Прибайкалья было провозглашено создание Дальневосточной республики) делегацию. Конференция избрала областной комитет партии, в который вошла М. В. Власова (см.: Беликова Л. И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке.— Хабаровск, 1967.— С. 208—210).

С. 94. **Дальневосточная партийная конференция коммунистов.**— Речь идет о I Дальневосточной конференции РКП(б), состоявшейся в Чите 22—28 ноября 1920 г. На ней присутствовали 64 делегата, представляющие 500 ячеек, в которых насчитывалось 4,5 тыс. членов и кандидатов в члены партии. Были обсуждены вопросы: о работе Дальбюро ЦК РКП(б), о задачах РКП(б) на Дальнем Востоке, о подготовке к выборам в Учредительное собрание ДВР, доклады с мест. На основе директив ЦК и В. И. Ленина (избранного почетным председателем конференции) она определила конкретные задачи партийного и государственного строительства в ДВР: обеспечить коммунистическое руководство «буферным» государством, разоблачать мелкобуржуазные партии, стремившиеся оторвать ДВР от РСФСР, превратить «буфер» в плацдарм борьбы с Советской Россией, усилить влияние партии в профсоюзах и кооперации, развернуть политическую работу среди крестьянства, предвыборную кампанию в Учредительное собрание проводить под лозунгом союза рабочих и революционных крестьян, обеспечить безраздельное влияние коммунистов в вооруженных силах республики, создать регулярную армию, способную защитить завоевания трудящихся (см.: Очерки истории дальневосточных организаций КПСС.— С. 155—156).

С. Г. Черемных. ХЕНДРИК (ГЕНРИХ) СУУДЕР

С. 96. **Поронинское совещание** — ЦК РСДРП с партийными руководителями. Проходило 23 сентября (6 октября) — 1 (14) октября 1913 г. в Поронине близ Кракова (Польша). Совещание подтвердило главные лозунги надвигающейся революции: демократическая республика, ликвидация помещичьего землевладения, 8-часовой рабочий день, отвергло предложение меньшевиков и бундовцев о так называемой культурно-национальной автономии, подтвердив ленинскую программу партии по национальному вопросу. Единственно правильным типом организационного строительства была признана нелегальная партия как сумма нелегальных ячеек, окруженных сетью легальных и полулегальных обществ. Совещание призвало членов партии работать над укреплением партийных организаций на местах и сплочением их между собой.

Государственная Дума — законосовещательное представительное учреждение Российской империи (1906—1917). Учреждена манифестом 17 октября 1905 г. Рассматривала законопроекты, которые затем обсуждались в Государственном совете и утверждались царем. IV Государственная Дума начала работу 15 ноября 1912 г. Формально продолжала существовать до 6(19) октября 1917 г.

С. 100. **Голиков П. К.** (1891—1936) — член КПСС с 1917 г., комиссар по формированию частей Красной Армии в Томске. Член коллегии Сибирского комиссариата, командовал в 1918 г. Нижнеудинским и Прибайкальским фронтами. Главнокомандующий войсками Центросибири. Во время колчаковщины, находясь в томском большевистском подполье, организовал восстание шахтеров в Кольчугине, затем был в партизанской армии Мамонтова — Громова. В конце 1919 — начале 1920 г.— уполномоченный Сибревкома по борьбе с голодом. В дальнейшем на советской и партийной работе.

А. Н. Григорьева. ЭМИЛИЯ СОЛИН (АЛЕКСЕЕВА)

С. 104. **«Сампсониевское общество образования»** — одна из легальных организаций Петербурга, которую использовали большевики для работы среди широких трудящихся масс в условиях столыпинской реакции.

С. 106. **«Работница»** — ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал. Основан по инициативе В. И. Ленина в марте 1914 г. в Петербурге (с 1923 г. издается в Москве).

С. 107. **Меньшевики-ликвидаторы** — оппортунистическое направление в РСДРП, правое крыло меньшевиков, возникшее в 1907 г. Выступали за ликвидацию нелегальной революционной пролетарской партии и за замену ее легальной реформистской партией, отрекались от революционной программы РСДРП. Издавали журнал «Наша заря». V конференция РСДРП (1908 г.) осудила ликвидаторство. VI Пражская конференция (1912 г.) исключила меньшевиков-ликвидаторов из партии.

Е. М. Кужелева. ГЛАВНЫЙ ПОДВИГ ЭМИЛИИ

С. 108. **Красная гвардия** — вооруженные отряды рабочих, основная ударная сила Октябрьской революции. Создавались с марта 1917 г. под руководством большевиков на предприятиях фабрично-заводскими комитетами или партийными комитетами. Весной — летом 1918 г. влились в Красную Армию.

С. 110. **Земская управа** — выборный орган буржуазного местного самоуправления. Введен в России земской реформой 1864 г. Ведал просвещением, здравоохранением, строительством дорог и т. д. После Октябрьской революции был упразднен, но белогвардейцы на захваченных территориях восстанавливали этот институт.

Тезисы Иркутской подпольной партконференции о подготовке восстания против Колчака.— Речь идет о документе, происхождение которого исследователями до конца не выяснено. М. И. Стишов называет его тезисами Иркутского подпольного комитета РКП(б) (см.: С т и ш о в М. И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.).— М., 1962.— С. 272—273). И. Ф. Плотников считает этот документ тезисами о текущем моменте и тактике Иркутской подпольной организации РКП(б), но в то же время находит, что содержание его совпадает с решениями подпольной конференции большевиков Иркутской губернии, проведенной 1 августа 1919 г. в лесу близ губернского центра, на которой присутствовали представители Иркутска, Черемхова, Слюдянки и Половины, члены Иркутского комитета и другие работники подполья (см.: П л о т н и к о в И. Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920).— М., 1968.— С. 287—288). В настоящем сборнике С. Г. Черемных, цитируя этот документ, полагает, что это тезисы доклада председателя Сибирского подпольного комитета Х. Я. Суудера на названной выше конференции. Частично документ опубликован в сборнике «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.)» (Иркутск, 1959).

М. В. Решетникова. «ПЕТР МАЛЫЙ» И ЕГО ДРУЗЬЯ

С. 112. **Ербанов М. Н.** (1889—1940) — член КПСС с 1917 г., один из руководителей борьбы за власть Советов в Бурятии. В период колчаковщины находился в большевистском подполье. С 1921 г.—председатель ревкома, исполкома Бурят-Монгольской автономной области, в 1923—1927 гг.— Пред-

седвтель СНК и ЦИК Бурят-Монгольской АССР. С 1929 г.— первый секретарь Бурят-Монгольского обкома партии. Члеи ЦРК ВКП(б) с 1934 г.

С. 115. **Мятеж Корнилова (корниловщина)** — контрреволюционное выступление 25—31 августа 1917 г. под руководством генервла Л. Г. Корнилова, предпринятое с целью установления в стрвне военной диктвтуры. Опиралось на крупную буржувзию, коятрреволюционную часть офицерства, поддерживалось Антантой, которая боялвсь революции и выхода России из империалистической войны. Руководителями и организаторами общедемократической борьбы с корниловщиной стали большевики. Против мятежников выступили солдаты революционных частей Петроградского гарнизона, моряки Балтфлотв и красногвардейцы. Под влиянием революционного подъема масс в ходе борьбы с корниловщиной началвсь полосв массовой большевизвции Советов.

С. 116. **Губсоюз** — объединение потребительской или иной кооперации в масштабе губернии.

Продовольствеиный комитет — в 1917 г. местный заготовительно-распределительный орган общегосударственного продовольственного комитетв Временяого правительства. По закону о хлебной моиополии на местные продкомитеты возлагались учет, заготовка и распределение хлеба и другого продовольствия. Во главе продовольственных комитетов стояли избираемые ими упрввы. После Октябрьской революции продовольственные комитеты стали местными органвми Наркомпрода РСФСР. Действовали под контролем местных Советов.

С. 123. **Ворожцов М. И.** (1889—1922) — член КПСС с января 1918 г. Члеи Томского Совдепа. При белогвардейщине один из командиров партизан.

С. 123. **Отряды особого иазиачеиия** — части особого назнвчения (ЧОН) — военно-партийные отряды в 1919—1925 гг. при заводских ячейках, райкомах, горкомах, губкомах. Создавались на осиове постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией, для поддержания порядка, охраны государствеииой собственности. Формировались из коммунистов, сочувствующих им передовых рабочих и членов профсоюзов, а также из комсомольцев. Сыграли важную роль в разгроме кулацких мятежей и в борьбе с бандитизмом. Чвсти особого назнвчения существовали и в Дальневосточной республике.

В. Ф. Тиунов. ПОБЕГ

С. 130. **Сибоблдума** — Сибирская областная дума — коитрреволюционная организация, существовввшая с декабря 1917 по сентябрь 1918 г. в Томске. Создаиа «сибирскими областниками», меньшевиками и эсерами. Боролась против Советской влвсти. Решением Томского Соаета рабочих и солдвтских депутатов по предписаиию Центросибири она была разогнвна 26 января 1918 г. После создания Временного Сибирского прввительства Сибоблдума продолжила борьбу за власть. Окончательно ликаидирована Уфимской директорией.

С. 131. **Шумяцкий Б. З.** (1886—1938) — учвстник борьбы за власть Советов в Сибири, советский государственный, партийный деятель. Член КПСС с 1903 г. В 1905—1907 гг.— один из руководителей вооружеиных восстаний в Красноярске и Владивостоке. В 1917 г.— заместитель председателя Крвсноярского Советв, представитель ЦК РСДРП(б) в Сибири. В 1919—1920 гг.— заместитель председателя Сибревкома, председатель Совета Министроа ДВР; затем находился яа руководящей советской рвботе. Член ЦИК СССР.

Тезисы Б. Шумяцкого.— Очеаидно, имеется в виду его письмо в ЦК РКП(б) Сибири «Наши задвчи», в котором Шумяцкий неверно характеризоввл положение в Сибири, позиции меньшевикоа и эсеров и аысквзывался за заключение с последними союза для борьбы с Колчаком на платформе «нвродоаластия».

Сибирское бюро ЦК РКП(б), ознакомившись с этим документом, отвергло предложение блокироваться с правыми социалистами как ошибочное и рекомендовало использовать капитуляцию эсеров в военно-техническом смысле и «дать отпор развращающему влиянию направления Шумяцкого» (см.: Плотников И. Ф. Героическое подполье...— С. 134—139). Хотя идею блока с эсерами отвергли и сами подпольные организации большевиков Урала и Сибири, Шумяцкий, продолжая настаивать на своем, 8 декабря 1918 г. написал письмо, адресованное ЦК, В. И. Ленину, и направил его через линию фронта. Эту оплошность одного из сибирских коммунистов-подпольщиков ловко использовали эсеры. Еще до передачи письма в ЦК РКП(б) они сняли с него копию и 10 февраля опубликовали под тенденциозным заголовком «Крах сознания, совести и чести» со своим не менее тенденциозным вступлением в меньшевистской газете. Поскольку письмо увидело свет, ЦК партии решил ответить его автору также в печатной форме. 13 февраля «Правда» опубликовала статью «Крах неверия — крик измены» с резким осуждением предложения Шумяцкого о создании единого «республиканско-демократического фронта» как капитулянтского. Статьи помогла сибирским большевикам убедиться в правильности их линии и отрезаляюще подействовала на Б. Шумяцкого и его сторонников.

М. Н. Ербанов. В РЯДАХ ИРКУТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

С. 134. **Улус** — административно-территориальная единица у бурят, якутов и калмыков (типа русской волости) в дореволюционной России.

Хошун — административная единица у бурят в дореволюционной России.

С. 135. **Аймак** — административно-территориальная единица (район) в Бурятии и Горном Алтае.

Н. Ф. Варгин. АЛЕКСАНДР ШИРЯМОВ

С. 138. **Генерал-губернатор** — высшая должность местной администрации в дореволюционной России. Обладал гражданской и военной властью.

С. 139. **Курнатовский В. К.** (1868—1912) — деятель российского революционного движения, большевик. Один из руководителей Якутского протеста 1904 г. и «Читинской республики» (1905); приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, бежал, эмигрировал.

С. 142. **Янсон Я. Д.** (1883—1936) — член КПСС с 1905 г. В 1917—1918 гг.— председатель Иркутского Совета, член ЦИК Советов Сибири. В 1920 г.— председатель Иркутского губревкома, в 1921—1922 гг.— член Дальбюро ЦК РКП(б), министр иностранных дел ДВР. В дальнейшем на хозяйственной и советской работе.

С. 147. **Жанен П. М.**— французский генерал, один из руководителей интервенции в Сибири.

С. 150. **Русско-Азиатский банк** — крупнейший в дореволюционной России акционерный банк. Создан в 1910 г. в Петербурге. Имел 99 отделений в России и 18 за границей. В сфере влияния банка находились крупнейшие предприятия военной, транспортной, нефтяной, табачной промышленности, ряд металлургических и машиностроительных заводов, железных дорог, страховых обществ. После Октябрьской революции национализирован (декабрь 1917 г.)

Зверев Д. Е. (1894—1937) — участник борьбы за власть Советов в Сибири, член КПСС с 1917 г. Во время колчаковщины организатор партизанской борьбы

в Приангарье, командующий Северо-Восточно-Сибирским партизанским фронтом, затем — Восточно-Сибирской советской армией.

С. 154. **Войцеховский С. Н.** (1883—1946) — белогвардейский генерал. Участник первой мировой войны. В 1917—1918 гг.— начальник штаба 1-й чехословацкой дивизии, один из организаторов мятежа чехословацкого корпуса, командовал группами войск белогвардейцев на Восточном фронте. В конце января — феврале командовал остатками колчаковских войск при их отступлении за Байкал, затем служил у атамана Семенова. Эмигрировал в Чехословакию.

С. 156. **Сибирское бюро ЦК РКП(б)** (Сиббюро) — создано 17 декабря 1918 г. для руководства партийным подпольем и партизанским движением, работало на правах отдела ЦК. Руководство сибирским подпольем осуществлялось через Сибирский областной комитет РКП(б), а после его провала (апрель 1919 г.) — через две опорные партийные организации: Челябинскую и Омскую. После освобождения Сибири от белогвардейцев руководило работой по организации советского, партийного и хозяйственного строительства в регионе. В 1924 г. вместо Сиббюро избран Сибкрайком РКП(б).

Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) (Дальбюро) — руководило партийными организациями на территории Дальневосточной республики. 3 марта 1920 г. по указанию ЦК РКП(б) было сформировано Дальбюро РКП(б), которое 13 августа того же года преобразовано в Дальбюро ЦК РКП(б). (А. А. Ширямов входил в первый состав Дальбюро РКП(б), а не в Дальбюро ЦК, как пишет автор статьи.) В своей деятельности оно руководствовалось утвержденными Политбюро ЦК РКП(б) 13 августа 1920 г. «Краткими тезисами по Дальневосточной республике», развитыми в постановлениях пленумов ЦК РКП(б) от 4 и 12 января 1921 г. и определявшими политику партии на Дальнем Востоке. После упразднения ДВР и воссоединения Дальнего Востока с РСФСР Дальбюро возглавило мирное строительство в крае. В 1925 г. Дальбюро заменено Далькрайкомом РКП(б).

С. 157. **Грязнов И. К.** (1897—1938) — командир Красной Армии. Член КПСС с 1922 г. Участник первой мировой войны. В Красной Армии с июня 1918 г. Участвовал в организации партизанских отрядов на Урале. С августа 1918 г.— командир первого Красноуфимского полка, затем первой Красноуфимской бригады 30-й стрелковой дивизии. С марта 1920 г.— начальник этой дивизии. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В дальнейшем на командных должностях. Комкор. Член ЦИК СССР.

Лапин (Лапиньш) А. Я. (1899—1937) — командир Красной Армии, член КПСС с 1917 г. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. С 1918 г. в Красной Армии. Комкор (1935). Награжден тремя орденами Красного Знамени.

А. Я. Казаков. «ПЕТРОВИЧ»

С. 159. **«Общество потребителей»** — ячейка рабочей потребительской кооперации.

Вторая Государственная Дума — действовала с 20 февраля по 2 июня 1907 г., в обстановке упадка революции.

С. 161. **Поспелов П. Н.** (1898—1979) — советский государственный и партийный деятель, историк, член КПСС с 1916 г. В годы гражданской войны — участник большевистского подполья. В 1940—1949 гг.— редактор «Правды», затем секретарь ЦК КПСС, директор ИМЭЛ при ЦК КПСС. Автор трудов по истории КПСС. Лауреат Государственной премии СССР (1943), Герой Социалистического Труда (1958).

С. 163. **Эйдеман Р. П.** (1895—1937) — советский военачальник. Член КПСС

с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Сибири. В годы гражданской войны командовал дивизией, армией и группами войск на Южном и Юго-Западном фронтах. В 1921—1924 гг.— помощник и заместитель командующего вооруженными силами Украины и Крыма, в 1924—1925 гг.— командующий войсками Сибирского военного округа, позднее — начальник и комиссар Военной академии им. Фрунзе, председатель Центрального совета Осоавиахима. В 1932—1934 гг.— член РВС СССР. Комкор (1935). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

И. Ф. Плотников и Ф. И. Чикирисов. МИХАИЛ СОЛОВЬЕВ

С. 176. **Павлов С. Д.** (1897—1946) — командир Красной Армии. Член КПСС с 1918 г. Участник первой мировой войны. В начале 1918 г. командовал отрядами революционных войск под Оренбургом и Нарвой. Затем был на Восточном фронте. С ноября 1920 г. в Народно-революционной армии ДВР. Затем на военной работе.

Кобозев П. А. (1878—1941) — государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1898 г. В 1917 г.— комиссар Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Делегат II Всероссийского съезда Советов. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В конце 1917 — начале 1918 г. чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК по Средней Азии и Западной Сибири. Возглавлял борьбу против Дутова. Затем Председатель ЦИК Туркестанской республики, нарком путей сообщения РСФСР. В годы гражданской войны — член РВС Восточного фронта, член РВС республики, член Особой комиссии ЦК РКП(б) и СНК по делам Туркестана, Председатель ТуркЦИК, с конца 1922 г.— Председатель Совета Министров ДВР и Дальревкома, член Дальбюро ЦК РКП(б). С 1923 г. на научно-преподавательской работе.

С. 180. **Ксенофонтов И. К.** (1884—1926) — советский и партийный работник. Член КПСС с 1903 г. Делегат II Всероссийского съезда Советов, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После Октябрьской революции один из организаторов ВЧК. С начала 1919 по апрель 1921 г.— зампред ВЧК, участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. В дальнейшем на партийной и государственной работе.

С. 181. **ЦКК — РКИ** — единый партийно-государственный контрольный орган, действовавший в 1923—1934 гг. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) в работе объединялась с Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции.

А. Я. Казаков. СВЯЗНЫЕ ЦК РКП(б) И БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ УРАЛА И СИБИРИ В 1918—1919 гг.

С. 183. **Берзин (Берзиньш) Р. И.** (1888—1939) — советский военачальник и политработник Красной Армии. Член КПСС с 1905 г. В 1917 г.— председатель корпусного комитета, член исполкома и ВРК 2-й армии Западного фронта. С ноября 1917 г. командовал войсками Северной группы при ликвидации контрреволюционной ставки в Могилеве. С января 1918 г.— командующий 2-й революционной армией, в феврале — марте — главнокомандующий Западным фронтом по борьбе с контрреволюцией. С июня 1918 г.— представитель Высшей военной инспекции в Сибири, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом, 3-й армией. В 1919 г.— инспектор армии в Советской Латвии, член РВС Западного, Южного и Юго-Западного фронтов. В 1923—1924 гг.— член РВС Туркестанского фронта. В дальнейшем работал в военной промышленности и сельском хозяйстве.

С. 184. **Брешко-Брешковская Е. К.** (1844—1934) — одна из организаторов и лидеров партии эсеров. В народническом движении с 1873 г. В 1874—1896 гг.— на каторге и в ссылке. После создания партии эсеров (1902) неоднократно избиралась в ее ЦК. С 1907 по 1917 гг.— вновь в ссылке. Активно поддерживала Временное правительство. Эсеры, пытаясь создать Брешко-Брешковской популярность, именовали ее «бабушкой русской революции». Октябрьскую революцию встретила враждебно, в 1918 г. была членом контрреволюционного правительства в Самаре. В 1919 г. эмигрировала в США.

С. 188. **Павлуновский И. П.** (1888—1940) — партийный и государственный работник. Член КПСС с 1905 г. В конце 1917 — начале 1918 г.— командир красногвардейского отряда на Украине и в Белоруссии. С августа 1918 г. возглавлял Особый отдел в 5-й армии. С января 1919 г.— председатель Уфимской ЧК, затем заместитель начальника Особого отдела ВЧК. С января 1920 г.— полномочный представитель ВЧК в Сибири. В дальнейшем работал в органах ОГПУ и РКИ. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. Член ЦИК СССР.

С. 189. **Гай Г. Д. (Гайк Бжишкян)** (1887—1937) — советский военачальник. Член КПСС с 1918 г. В 1918 г. во главе сформированных им частей вел борьбу против белочехов и дутовцев. Командовал сводной Симбирской дивизией. В январе — мае 1919 г.— командующий 1-й армией. Осенью 1919 — в начале 1920 г. командовал соединениями на Кавказском и Южном фронтах. С марта 1920 г.— командир конного корпуса на Западном фронте. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В дальнейшем на военно-педагогической и научной работе.

С. 192. **Новгородцева (Свердлова) К. Т.** (1876—1960) — деятель российского революционного движения. Член КПСС с 1904 г. Участвовала в революции 1905—1907 гг. на Урале, Октябрьской революции в Петрограде. После Февральской революции заведовала книгоиздательством ЦК РСДРП(б) «Прибой». С 1918 г.— помощник секретаря, заведующая Секретариатом ЦК РКП(б). С 1920 г.— во ВЦИКе, Огизе, Главлите. Член ВЦИК.

Стасова Е. Д. (1873—1966) — партийный деятель, участница Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Член КПСС с 1898 г. Была агентом ленинской «Искры». На VI (Пражской) конференции РСДРП утверждена кандидатом для кооптации в члены ЦК. После Февральской революции до 1920 г.— секретарь ЦК партии. В 1921—1926 гг. работала в Коминтерне, в 1927—1937 гг.— председатель ЦК МОПР СССР. В 1935—1943 гг.— член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Член ЦК партии в 1918—1920 гг., член ЦКК в 1930—1934 гг. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Герой Социалистического Труда (1960).

С. 193. **Косарев В. М.** (1881—1945) — один из руководителей борьбы за Советскую власть в Сибири. Член КПСС с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Москве. После Февральской революции — председатель Томского Совета солдатских депутатов, один из руководителей Томской организации большевиков. С ноября 1917 г.— председатель Омского Совета. В годы гражданской войны — член Уральского областного комитета РКП(б), Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. Член ЦКК партии в 1923—1927 гг. В 1928—1938 гг. работал в системе Наркомлегпрома.

С. 196. **Трилиссер М. А.** (1883—1940) — советский государственный и партийный деятель, член КПСС с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Финляндии, борьбы за Советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке. С 1926 г.— заместитель председателя ОГПУ. В 1930—1934 гг.— заместитель наркома РКИ РСФСР. Член Президиума ЦКК партии с 1930 г., член Комиссии советского контроля с 1934 г. Член ВЦИК.

Славин Б. А. (1888—1919) — участник борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке, член КПСС с 1917 г. В 1917 г.— председатель Харбинского

Совета, комиссар управления КВЖД. В 1918 г.— член Центросибири. При белогвардейщине — председатель Хабаровского подпольного комитета РКП(б). В мае 1919 г. был арестован и замучен в колчаковской тюрьме.

С. 197. **Гаврилов Н. А.** (1886—1919) — один из руководителей борьбы за власть Советов, член КПСС с 1903 г. В 1917—1918 гг.— член Центросибири, Сибирского СНК. В мае 1919 г. арестован колчаковцами и замучен.

С. 209. **Блюхер В. К.** (1890—1938) — выдающийся советский полководец, герой гражданской войны. Член КПСС с 1916 г. Маршал Советского Союза (1935). В гражданскую войну участвовал в борьбе с дутовщиной. Летом 1918 г. руководил походом Уральской армии, за что награжден орденом Красного Знамени № 1. Начальник 30-й и 51-й стрелковых дивизий при обороне Каховского плацдарма и штурма Перекопа. В 1921—1922 гг.— военный министр и главком народно-революционной армии ДВР. В дальнейшем на военной работе. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

С. 213. **Фабрициус Я. Ф.** (1877—1929) — командир и политработник Красной Армии, герой гражданской войны. Член КПСС с 1903 г. В революционном движении с 1891 г. В гражданскую войну командовал отрядом и бригадой, участник подавления кронштадтского мятежа. С 1927 г.— член ЦКК ВКП(б). Член ВЦИК, ЦИК СССР. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Погиб в авиационной катастрофе.

С. 235. **Уфимская операция** — наступление советских войск Восточного фронта летом 1919 г. с целью освобождения района Уфы от войск Колчака, составная часть контрнаступления Восточного фронта в 1919 г. В результате операции войска Красной Армии сорвали попытку белогвардейцев закрепиться на рубеже реки Белой и нанесли им новое (после Бугурусланской и Белебейской операций) поражение. Были созданы предпосылки для освобождения Урала.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бердникова А. В. — член КПСС с 1917 г., участница большевистского подполья в Сибири.

Варгин Н. Ф. — кандидат исторических наук, автор ряда работ по истории и историографии гражданской войны.

Виноградов Л. А. — член КПСС с 1916 г., участник гражданской войны.

Григорьева А. Н. — принимала активное участие в революционном движении, вела большую работу среди работниц. За революционную деятельность в большевистском подполье награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Гуревич Е. С. — член КПСС с марта 1917 г. В годы гражданской войны участвовала в большевистском подполье Сибири и Дальнего Востока, подвергалась арестам. С 1920 г. — член Хабаровского комитета РКП(б). Затем секретарь Благовещенского горкома партии.

Ербанов М. Н. — член КПСС с 1917 г. Один из организаторов борьбы за власть Советов в Бурятии. В годы гражданской войны — член Иркутского подпольного комитета РКП(б). Один из руководителей партизанского движения в Бурятии. В 1920—1921 гг. — член Иркутского губкома РКП(б), председатель ревкома, исполкома Бурят-Монгольской автономной области. В дальнейшем на руководящих партийных и государственных постах.

Казаков А. Я. — член КПСС с 1928 г., участник гражданской войны, кандидат исторических наук.

Клнмов А. Я.— член КПСС с 1918 г., участник большевистского подполья во Владивостоке, в 1919 г. члеи, а затем председатель Центрвльиого бюро профсоюзов Владивостока.

Кужелева Е. М.— член КПСС с марта 1917 г. В 1918—1919 гг. участвовала в подпольиой партийиой работе в Западиой Сибири. В 1920 г.— каидидат в члены Амурского обкома РКП(б), заведующая женотделом обкома, а затем Дальбюро ЦК РКП(б). Ныие персональиый пеисиоиер.

Кузнецов И. А.— член КПСС с 1918 г., в годы граждаиской войиы участвовал в подпольяой партийиой работе в Сибири, был председателем подпольного большевистского комитета в Прибайкалье. В 1921 г.— члеи бюро Забайкальского губкома РКП(б). Делегат X съезда партии. Ныне персоиальиый пеисиоиер.

Мельчни А. И.— член КПСС с 1941 г. Квндидат исторических наук. Одии из авторов многотомников «История граждаиской войиы в СССР», «История Великой Отечественной войны», «История Коммуиистической партии Советского Союза», сбориика «Полководцы грвжданской войны». Автор киих о С. В. Косиоре и Н. М. Швернике и других работ. Персоиальиый пенсионер.

Орлова В. А.— член КПСС с 1918 г., участиица большевистского подполья в Сибири.

Плотников И. Ф.— член КПСС с 1947 г. Доктор исторических иаук, профессор. Автор монографии «Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервеиции и граждаиской войны (1918—1920)» (М., 1968) и других работ по истории гражданской войны.

Решетникова М. В.— член КПСС с 1919 г., в годы граждаиской войны участвовала в большевистском подполье Урала и Сибири.

Тиунов В. Ф.— члеи КПСС с 1916 г. В 1917—1918 гг.— председатель Томского Совета рабочих и солдатских депутатов. В период граждвиской войны — члеи Бариаульского и Омского подпольных комитетов РКП(б). После освобождения Сибири от колчаковцев — на руководящей работе в оргаивх ВЧК.

Черемных С. Г.— члеи КПСС с 1917 г. Активный учвстник большевистского подполья Сибири и Дальнего Востока. С сентября 1919 г. являлся заведующим орготделом Дальневосточного подпольиого комитета РКП(б). С апреля 1920 г.— председвтель оргбюро, затем секретарь Амурского обкома

РКП(б), в 1921—1922 гг.— заведующий орготделом Дальбюро ЦК РКП(б). Ныне персональный пенсионер.

Чикирисов Ф. И.— член КПСС с 1917 г. Участник гражданской войны. В дальнейшем на хозяйственной и дипломатической работе. Ныне персональный пенсионер.

Чумак А. А.— член КПСС с 1930 г. Автор ряда работ по истории и историографии гражданской войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Л93

Люди большевистского подполья Урала и Сибири 1918—1919/Сост. С. Г. Черемных.— М.: Сов. Россия, 1988.— 272 с., ил.

Сборник воспоминаний старых большевиков о бесстрашных героях подполья, действовавших в тылу Колчака на Урале и в Сибири, о связи ЦК РКП(б) и Сибирского бюро ЦК РКП(б), об активистах уральских и сибирских подпольных организаций. Вместе с непосредственными участниками событий авторами материалов выступают и историки.

Книга содержит богатый фактический материал, адресуется широкому кругу читателей.

Л $\frac{0902020000-007}{М\text{-}105(03)88}$ КБ—55—2—1986

9(с)22

ISBN 5—268—00851—х

Автор предисловия и послесловия
доктор исторических наук **И. Ф. Плотников**

Примечания
доктора исторических наук **Э. М. Щагина**

ЛЮДИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ
УРАЛА И СИБИРИ
1918-1919

Редактор Е. В. ГАЛЕЕВА
Художественный редактор Л. Е. БЕЗРУЧЕНКОВ
Технический редактор Л. А. ФИРСОВА
Корректор А. З. ЛАЗУТКИНА

ИБ № 7334

Сдано а нвбор 09.07.87. Подп. а печать 09.02.88. А08537. Формат $60 \times 84/_{16}$. Бумага офсети. № 2. Гарнитурв обыиловенная новая. Печвть офсетиая. Усл. п. л. 15,81. Усл. кр.-отт. 18,13. Уч. изд. л. 15,89. Тираж 10 000 эиз. Заказ 319. Цена 85 к. Изд. инд. МПЛ-109.

Ордеиа «Зивк Почета» издвтельство «Соаетсивя Россия» Государствеииого номитета РСФСР по делвм издвтельств, полигрвфии и ииижиой торговли. 103012, Москаа, проезд Сапунова, 13/15.

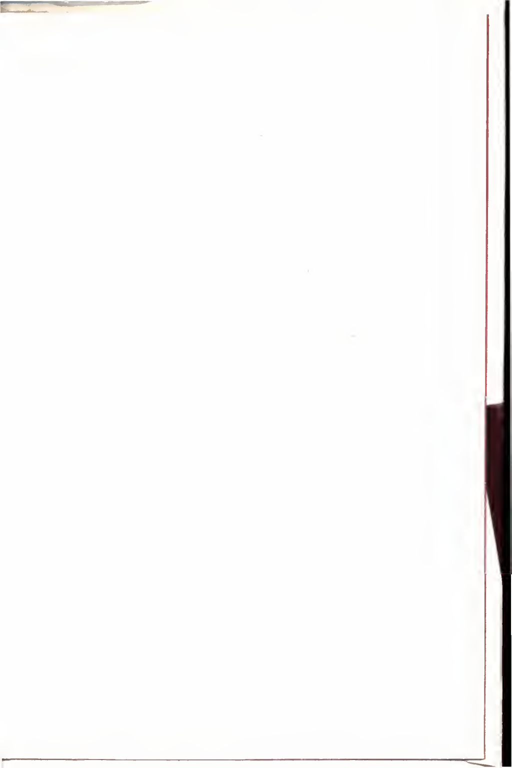
Киижиаи фвбрика № 1 Росглавполигрвфпромв Государствеииого иомитета РСФСР по делам издательств, полигрвфия и кяижиой торгоали. 144003, г. Злектроствль Мосиовской области, ул. им. Теаосяна, 25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

Трофимов Ж. А. **Брат Ильича.**

В книге рассказывается о старшем брате В. И. Ленина — Александре Ульянове, о его жизни, революционной деятельности, трагической гибели, о его роли в формировании мировоззрения Владимира Ильича.

85 к.

Сборник воспоминаний старых большевиков о бесстрашных героях подполья, действовавших в тылу Колчака на Урале и в Сибири, о связи ЦК РКП(б) и Сибирского бюро ЦК РКП(б), об активистах уральских и сибирских подпольных организаций.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •

ЛЮДИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ